

ISSN 0869-544X

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО •
ВЕДЕНИЕ

2017

“НАУКА”

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения РАН

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

2
2017
МАРТ •
АПРЕЛЬ •

Содержание

СТАТЬИ

<i>Турилов А.А.</i> (Москва). Митрополит Киприан и русская культура его времени (новые аспекты проблемы – факты и гипотезы)	3
<i>Журова Л.И.</i> (Новосибирск). Митрополит Даниил и Максим Грек: парадигма творчества	14
<i>Калугин В.В.</i> (Москва). Книги пророков в Библии Матфея Десятого 1502–1507 годов	26
<i>Вернер И.В.</i> (Москва). К истории перевода Псалтыри Максимом Греком в 1522–1552 годах: хронология, текстология, методология	40
<i>Флоря Б.Н.</i> (Москва). Мартин Бельский о древней истории славян и Польши	55
<i>Кочегаров К.А.</i> (Москва). Евстафий Гиновский-Астаматий и османская власть над Правобережной Украиной в 1677–1678 годах	64
<i>Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.</i> (Москва). Из наблюдений над термином <i>сноха</i> в древнерусских текстах	85

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

<i>Белов М.В.</i> (Нижний Новгород). «Молодые славянофилы» на пути к «славянскому братству»: балканские путешествия 1840-х годов	96
--	----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Мартынюк А.В.</i> М. Popović. Mara Branković. Eine Frau zwischen dem christlichen und dem islamischen Kulturkreis im 15. Jahrhundert	113
<i>Белова О.В.</i> Г. Лапацін. Варвара Грэцкая як з’ява беларускай народнай культуры	115
<i>Ващенко Д.Ю.</i> К.В. Лифанов. Диалектология словацкого языка	120

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Ганенкова Т.С.</i> Конференция «Старообрядцы в зарубежье III. История, религия, язык, культура»	123
--	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИППИУС,
В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а

Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© 2017 г. А.А. ТУРИЛОВ

МИТРОПОЛИТ КИПРИАН И РУССКАЯ КУЛЬТУРА ЕГО ВРЕМЕНИ

(новые аспекты проблемы — факты и гипотезы)

Статья посвящена малоизвестным аспектам церковной и культурной деятельности митрополита Киприана, болгарина по происхождению, с перерывами возглавлявшего Русскую церковь в 1376–1406 гг. На основании привлечения новых источников и уточнения датировок рукописной традиции памятников автор предполагает участие Киприана в переводе жития и службы литовских (виленских) новомучеников в 1375 г. и в распространении первого из памятников в сербской литературе. С деятельностью митрополита и его канцелярии предлагается так же связывать появление на Руси древнейшего эпистолярного (письмовника), перевод известного средневекового фальсификата, обосновывающего права Церкви на светскую власть — «Константинова дара», и распространение в Киевской митрополии особой редакции Сербской Кормчей (так называемой Мазуринской) с систематическим расположением материала.

The article deals with less known aspects of the ecclesiastical and cultural activity of Metropolitan Cyprian, a Bulgarian by birth who stood at the head of the Russian Church in 1376–1406. On the basis of new sources and a more accurate dating of the handwritten tradition of the memorials, the author suggests that Cyprian took part in the translation of the life and service of the Lithuanian new martyrs in 1375 and in dissemination of the former monument in the Serbian literature. It is also suggested that Metropolitan and his chancellery bore on the dissemination of the most ancient epistolarium in Russia, translation of the famous medieval falsification which was justifying the Church' claims on secular authority — the «Donation of Constantine», and spreading in the Metropolis of Kiev of a special early edition of the Serbian Nomocanon (Kormchaia Book), with a systematic composition of the material.

Ключевые слова: митрополит Киприан, литературная деятельность, переводы, канцелярия, эпистолография, редакции Кормчей (Номоканона).

Keywords: metropolitan Cyprian, literary activity, translations, chancellery, epistolography, edition of the Kormchaia (Nomocanon).

Тема «Святитель Киприан и перемены, происшедшие в русской культуре, церковной жизни и богослужении в период его пребывания на митрополичьей кафедре» настолько широка и многообразна, столько раз являлась предметом исследований разных авторов (как российских, так и болгарских, церковных и светских)¹, что осветить ее в рамках сравнительно небольшого сообщения не представляется возможным. Уместным поэтому представляется

Турилов Анатолий Аркадьевич — канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Наиболее полную библиографию вопроса (в особенности же новейшую) см.: [1. С. 600–608, 610, 614–615; 2 (пристатейная библиография); 3–5].

остановиться на тех аспектах проблемы, которые наименее разработаны в литературе, либо вообще встали на повестку дня в последние десятилетия или же являются предметом полемики. Хронологической точкой отсчета может считаться обобщающая монография Н. Дончевой-Панайотовой, увидевшая свет четверть века назад [6], и соответствующий том «Словаря книжников и книжности Древней Руси», вышедший в 1988 г. [7], но подготовленный в основном никак не менее чем за пять лет до этого².

Ниже приводится обзор недостаточно исследованных аспектов трех взаимосвязанных групп вопросов: 1) личного книжно-литературного творчества митрополита Киприана³; 2) деятельности его канцелярии (при всей достаточной условности данного понятия для соответствующего периода); 3) уточнение круга южнославянских переводов, к появлению которых на Руси митрополит мог быть лично причастен.

По первому пункту приходится с одной стороны констатировать некоторое сокращение небольшого комплекса литературных текстов, принадлежащих перу митрополита. В свое время Н. Дончева-Панайотова атрибутировала Киприану похвальное слово митрополиту Петру, не имеющее надписания об авторстве и сопровождающее в ряде списков житие святителя [6. С. 143–155; 13–15]. Атрибуция получила признание в литературе, в особенности болгарской [16. С. 583; 17. С. 270, 285]. Однако в наши дни Б.М. Клосс на основании исследования большего числа списков памятника пришел к убедительному, на мой взгляд, выводу, что данный текст, по всей вероятности, написан значительно позднее (принадлежит, скорее всего, к кругу сочинений Пахомия Логофета, или – что даже более вероятно – его подражателей⁴) с обильным цитированием жития [18. С. 34]. С другой стороны несомненно нуждается во внимательном рассмотрении вопрос о степени участия митрополита Киприана в написании и/или переводе краткого жития литовских (виленских) мучеников Антония, Евстафия и Иоанна и службы⁵ им⁶. Житие написано в связи с канонизацией этих новомучеников, предпринятой в 1374 г. в качестве прелюдии к неосуществившемуся обращению литовцев в православие. Киприан (в то время еще не митрополит, а патриарший апокрисарий) играл важную роль в подготовке канонизации, поскольку именно он ездил в Великое княжество Литовское и доставил в Константинополь частицы мощей новопрославленных святых⁷. Он, однако, не был автором жития, а скорее,

² Первый вариант статьи, указанной в предшествующем примечании и незначительно отличающийся от окончательного лишь чуть меньшим объемом библиографии, был опубликован в 1985 г. [8. С. 53–71].

³ При этом я вполне сознательно не касаюсь вопроса об авторстве перевода «Диатаксиса» патриарха Филофея Коккина, по поводу которого в последние два десятилетия исследователями высказаны взаимоисключающие мнения. Он приписывается митрополиту св. Александрию [9], Дионисию, архиепископу Суздальскому и Нижегородскому (1374–1385) [10], и митрополиту Киприану [11–12].

⁴ На это не в последнюю очередь указывает устойчивое отсутствие имени автора в заглавии похвального слова. Несомненные агиографические и гомилетические сочинения Пахомия сохранились, как правило, указание на его авторство.

⁵ Разумеется, применительно к службе, автор которой (Димитрий) устанавливается на основании указания в заглавии и реконструкции греческого акростиха в 8–9 песнях [19. С. 236–238], митрополит Киприан мог выступать только переводчиком.

⁶ Памятникам (в большей степени житию, в меньшей – службе) посвящены обстоятельные работы М.Н. Сперанского [20] и Д.П. Огицкого [19; 21]. Новейшее комплексное исследование памятников предпринято Д. Баронасом [22 (с изданием текста жития и службы в оригинале и в переводе на литовский); 23–24]; см. также [25].

⁷ Об обстоятельствах этой миссии будущего митрополита подробнее см., например: [26].

его информатором, поскольку в старшей версии рассказа о мученической кончине Евстафия Виленского при упоминании холодов, царящих зимой в Литве, содержится ссылка на очевидцев, бывавших там («яко выше меры быти студену месту оному, яко же тамо ходившии поведають») [22. С. 260]. Разумеется, для будущего митрополита в роли автора подобное замечание неуместно, скорее он должен проходить по разряду «тамо ходивших» и «поведавших» агиографу.

Иначе, хотя и не вполне однозначно, обстоит дело с происхождением славянского перевода жития (а, вероятно, и службы). Первый сохранился как в восточнославянских, так и в сербских списках, отличающихся известными вариантами, но безусловно восходящих к единому архетипному тексту (детальнейший разбор всех дошедших версий текста приведен в [23. С. 75–76]). Современный исследователь склонен датировать перевод в очень широких хронологических рамках – от 1374 г. (дата канонизации мучеников и написания греческого жития) до конца (или, по крайней мере, последней четверти) XV в. (древнейший известный ему⁸ датированный список в составе Пролога стишного на март–август из Супрасльского монастыря – Вильнюс, БАН Литвы им. Врублевских. Ф. 19. № 100. 1496 г.) [23. С. 84]. В реальности, однако, это недоразумение, происходящее из недостаточного знания автором современных датировок рукописей, основанных на данных филигранологии: на деле этот хронологический диапазон почти вдвое уже. Старший сербский список (Вена, Национальная б-ка Австрии, Слав. 53, Пролог Стишной на сентябрь–февраль) датируется по водяным знакам серединой XV в. [27. S. 250–257, № II/93]⁹, древнейший же восточнославянский (в составе Минеи праздничной на февраль–август – Москва. РГБ. Ф. 218 (собр. Отдела рукописей). Пост. 6/1973), по 6-й песни канона) – первой третью или второй четвертью того же столетия [28. С. 114. № 830].

Для того чтобы уточнить хронологию появления славянского перевода жития литовских мучеников, полезно определить место и статус памятника в системе славяно-византийских и русско-южнославянских литературных связей. Д. Баронас расценивает его появление на Руси (вероятно, из-за первичности версии, представленной сербскими списками¹⁰) как элемент «второго южнославянского влияния» [23. С. 84]. Трудно согласиться с таким мнением, хотя житие безусловно синхронно этому большому культурно-историческому процессу последней четверти XIV – первой половины XV вв.¹¹ Памятник надлежит рассматривать прежде всего в контексте русско-византийских

⁸ Напомню, что помимо изданий текста М.Н. Сперанского и в составе Великих Минеи Четьих литовский исследователь привлекал рукописи украинско-белорусского происхождения почти исключительно из собраний Варшавы, Вильнюса и Львова [23. С. 75–76].

⁹ Рукопись состоит из двух разновременных частей (л. 1–270 середины XV в., 271–312 – посл. четв. XVI в.), но житие виленских мучеников, помещенное здесь под 16 декабря (л. 243–245), находится в древней части кодекса (автор каталога с излишней осторожностью датирует раннюю часть конволюта второй половиной XV в. [27. S. 250], но указываемые им филигранные отнесения к 1440-м гг.). Д. Баронас [23. С. 75], вслед за М.Н. Сперанским, датирует венский кодекс XVI – XVII в.

¹⁰ В реальности данное обстоятельство свидетельствует прежде всего о том, что для сербской книжности памятник, по вполне понятным причинам, был несравненно менее актуален, чем для восточнославянской (в особенности, для ее варианта на территории западнорусской Киевской митрополии) и поэтому не редактировался.

¹¹ О феномене «второго южнославянского влияния» (преимущественно именно в книжно-литературном аспекте) см. подробнее: [29. С. 519–611] (здесь же предшествующая историография вопроса).

церковных и культурных связей своего времени, он предназначался для практических церковных нужд Киевской митрополии (тот факт, что его перевод был выполнен, скорее всего, болгарин, не играет в данном случае существенной роли) и должен был быть переведен на славянский язык незамедлительно. В то же время переход этого жития в сербскую рукописную традицию (причем уже несомненно в славянском переводе) представляет явление без преувеличения исключительное¹², которое могло произойти лишь при экстраординарных обстоятельствах. И такая ситуация имела место примерно год спустя после канонизации новомучеников. В следующем, 1375 г., не ранее конца мая или начала лета¹³, в Константинополь прибыла сербская церковно-правительственная делегация для восстановления отношений между вселенским патриархатом и сербской поместной церковью, нарушенных за 30 лет до этого из-за провозглашения главы последней патриархом и венчания короля Стефана Душана царской короной. Примирение благополучно состоялось [32. С. 346–364], в связи с чем вполне уместно было вручить сербским посланникам частицы мощей вновь канонизированных святых вместе с их житием¹⁴. Киприан в это время несомненно находился в столице Византии (возведен в сан митрополита «Киевского, Русского и Литовского» 2 декабря 1375 г. [7. С. 465]) и почти наверняка принимал участие в греко-сербских переговорах. По крайней мере один из членов сербской делегации мог быть его давним знакомым по Афону — это игумен Русского Пантелеимонова монастыря¹⁵ (и вероятный переводчик на славянский Творений Псевдо-Дионисия Ареопагита с толкованиями преп. Максима Исповедника) Исайя (подробнее о нем: [37; 38. С. 279–284; 39. С. 188–189; 40–41]). Принимая во внимание это обстоятельство, перевод на славянский жития виленских мучеников можно датировать в любом случае не позднее весны — лета 1375 г., а причастность к нему Киприана выглядит более чем вероятной. При этом нельзя исключить вероятности «литературного обмена» между будущим киевским митрополитом и Исайей. Последний мог привезти с собою копию недавно выполненного (1371 г.) перевода Творений Псевдо-Дионисия

¹² Хорошо известно, что краткие жития древнерусских святых получили известность в болгарской и сербской книжности кон. XII — первой половины XIII вв. в составе Пролога [30. С. 163–164]. Равным образом жития болгарских и сербских святых пришли на Русь в конце XIV — XV вв. в составе Стишного Пролога [31. С. 40–43; 29. С. 534]. В случае же с житием виленских мучеников текст переходит из одной славянской национальной традиции в другую сам по себе, вне макротекста. Попутно следует отметить и ограниченность сербской традиции памятника — два списка (хотя, разумеется, нельзя исключить новых находок в будущем).

¹³ Верхний хронологический предел определяется датой кончины (29 апреля 1375 г.) сербского патриарха Саввы IV, бывшего противником примирения [32. С. 358–359].

¹⁴ Другие варианты (и, соответственно, другая датировка) перехода жития виленских мучеников в сербскую книжность в пределах до 1440-х годов представляются существенно менее вероятными. В этот период вполне укладывается пребывание в Сербии в конце XIV или начале XV в. (возможно, двукратное) тесно связанного с Киприаном Григория Цамблака, который был там настоятелем Дечанского монастыря [33. С. 584]. Вариант, однако, выглядит несравненно менее удачным, чем константинопольский. В 1375 г. житие литовских мучеников было связано с грядущим триумфом патриархата — обращением в православие «последних язычников Европы». Четверть (и более) века спустя, после того как в 1384 г. Литва приняла католичество, канонизация виленских новомучеников стала всего лишь рядовым фактом истории, едва ли способным вдохновить на специальную переписку их жития в далекой Сербии.

¹⁵ Излишне говорить, что монастырь в то время (да и много позже) был «русским» лишь по названию. Его насельниками были сербы и он находился под покровительством сербских правителей [34. С. 76–81, 119–121, 172–175; 35. С. 436–437]). Показательно, что даже монастырский сборник служб третьей четверти XIV в. в честь небесного покровителя обители (Пант. Слав. 9; отрывок — РГБ, собр. В.И. Григоровича (Ф. 87), № 46 / М. 1723) представляет собой сербско-греческую билингву [36. С. 36–37, № 9].

Ареопагита с толкованиями Максима Исповедника, с которого первый сделал список, получивший позднее распространение на Руси¹⁶. Подобная версия непосредственного контакта двух афонских исихастов в столице Византии хорошо объясняет отсутствие собственно болгарских списков перевода Дионисия Ареопагита (при значительном числе восточнославянских [42. С. 49–53]) и почти полное отсутствие их в славяно-молдавской традиции, являющейся наследницей тырновской¹⁷.

Чтобы закончить сюжет с литературными памятниками, посвященными виленским мученикам, необходимо упомянуть еще два из них, с деятельностью митрополита Киприана по всей очевидности не связанными. Речь идет о двух торжественных словах на их память. Первое – это пространственный текст, написанный в конце XIV в. (возможно, между 1390 и 1394 гг.) по-гречески «ритором Великой церкви» Михаилом Вальсамоном [19. С. 238–239]. Греческий текст памятника неоднократно издавался [20. С. 35–47; 24. С. 201–243]. Но существует, как известно, и его славянский перевод, выполненный не позднее 1438 г. и до сих пор не опубликованный [43. С. 252, 272; 29. С. 651, 662, 674, 691]. Он сохранился в двух славяно-молдавских списках: 1) Бухарест, БАН Румынии, Слав. 164, 1438 г. (автограф известного молдавского книгописца Гавриила Урика) [44. С. 245–248]; 2) Б-ка Св. Синода Румынской православной церкви, III. 26, XVI в. [45. С. 119–124], по всей вероятности, список с предыдущего. И восточнославянские и сербские списки текста отсутствуют; первое особенно странно, учитывая важность памятника для Киевской митрополии и в широком и в узком смысле этого понятия. Такая разница в рукописной традиции перевода похвального слова от жития и службы явно служит указанием и на отличие во времени и обстоятельствах их перевода.

Второе слово краткое, оно анонимно и посвящено только младшему из новомучеников – Евстафию. Я наткнулся на него случайно несколько лет назад в сборнике слов, житий и повестей первой половины XVI в. (Гос. архив Ярославской обл., коллекция рукописных книг, № 1418). В кратком печатном описании собрания [46. С. 78] памятник не отмечен. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это широко известное в древнерусской письменности общее «Заповедание о праздниках» Климента Охридского (нач.: «Да есть ведующе, братия, яко днесь есть праздник святаго имярек...») [47. С. 55–87], приуроченное в данном случае к дню памяти Евстафия Виленского. Подобное использование древней общей модели, весьма популярное на Руси, совершенно не свойственно тырновским книжникам XIV – раннего XV вв. (да к тому же и сам памятник не был в то время известен на славянских Балканах), поэтому связывать его с деятельностью митрополита Киприана нет никаких оснований.

С митрополитом Киприаном, либо с его канцелярией (что в данном случае трудно разграничить) в настоящее время может надежно быть связано появление на Руси (составление, перевод или привоз) древнейшего эпистолярного (письмовника), содержащего формуляры шести посланий к духовным и светским лицам

¹⁶ Справедливости ради следует заметить, что это был не единственный список творений Ареопагита, попавший на Русь по крайней мере до середины XV в. Г.М. Прохоров, занимавшийся рукописной традицией памятника, отмечает, что разные его восточнославянские списки, судя по оформлению толкований, восходят к разным южнославянским оригиналам [42. С. 52–57].

¹⁷ Единственная известная молдавская рукопись памятника рубежа XV–XVI вв. – Вена, Национальная б-ка Австрии, Слав. 14 [27. S. 139–141, № II/43] – переписана, вероятно, в Зографском монастыре на Афоне непосредственно с сербского списка.

(«к святейшему митрополиту и епископам», «к митрополиту епископа», «к царю или князю», «властелину», «властеля калугером», «старцу велику»). Памятник известен ныне в русских списках начиная с 1410—1420-х годов [48], однако его существование не позднее 1409 г. (т.е. явно до приезда на Русь митрополита Фотия — весна 1410 г.), причем не в одном из центров митрополии, а на периферии — в окрестностях Вологды, засвидетельствовано посланием некоего «грешного» инока Фоки к архимандриту Дионисию (вероятно, настоятелю Спасо-Каменного монастыря, будущему архиепископу Ростовскому), сохранившимся в копии этого года, приписанной к пергаменной Триоди постной (РГАДА. Ф. 181. № 760. Л. 148об.)¹⁸. В письме Фоки использован формуляр послания к «великому старцу» (ср.: [48. С. 566, 568]). На достаточную продолжительность бытования данного эпистолярия на Руси к 1420-м годам указывают как многочисленные разночтения старших списков, так и то обстоятельство, что один из них (Ярославль, Историко-архитектурный музей-заповедник, инв. 15231, л. 259—260 об., не позднее 1423 г.) переписан, вероятнее всего, в Спасо-Прилуцком монастыре под Вологдой [48. С. 558—560; 51. С. 54]¹⁹.

Причина, по которой появление письмовника на Руси до последнего времени не связывался с личностью и деятельностью митрополита Киприана, заключается в следующем. До 1980-х годов известные ныне старшие списки памятника не были введены в научный оборот, создание русского эпистолярия принято было датировать в литературе временем великого князя Московского Ивана III Васильевича (1475—1477 гг.) [52]²⁰. При публикации древнейших русских списков эпистолярия было высказано мнение о сербском происхождении данной версии письмовника и ее создании не ранее второй четверти XIV в. [48. С. 561—562]²¹. Если предложенная датировка эпистолярия вполне может быть принята, то версия его сербского происхождения ныне находит еще меньше подтверждений в дошедшей рукописной традиции, чем на момент публикации. Тогда был известен лишь один²² сравнительно древний южнославянский список письмовника (Слепченский второй четверти XVI в. (до 1550 г.), переписанный в Охридской архиепископии в основном по ресавской орфографии)²³. Уже год спустя к нему добавились еще два (Косиницкий и «царский»)²⁴, а около трех лет назад и древнейший известный

¹⁸ Текст послания издан [49. Кат. 99]; описание рукописи см.: [50. С. 345—347, № 119]. На момент подготовки публикации письмовника издатели, к сожалению, не знали этого текста, поэтому не исключали возможности появления эпистолярия на Руси позже, уже при митрополите Фотии [48. С. 562].

¹⁹ Второй ранний список этого письмовника (ГИМ. Музейское собр. № 1009. Л. 75—77об., 117—117об.) имеет, по всей видимости, московское происхождение [48. С. 556].

²⁰ Начальный этап смены парадигмы в изучении истории эпистолярия на Руси зафиксирован в статье Д.М. Буланина 1989 г. [53].

²¹ Может показаться странным, но оно принадлежит целиком покойному А.И. Плигузову, так как я в то время не считал себя компетентным в данном вопросе и занимался лишь ярославским списком эпистолярия.

²² Если не считать приписанных сербским канцелярским письмом второй половины XIV в. начал четырех посланий на первой (не имеющей текста) странице Службника РНБ, О.п.1.10 [48. С. 554. Примеч. 1]. Памятник нуждается в специальном изучении.

²³ РГБ, ф. 87, № 52 / М. 1743. Текст издан: [54]. Об этой рукописи, написанной известным охридским книжником Виссарионом Дебрским см. подробнее: [55. С. 197, 200—201].

²⁴ Тексты опубликованы: [56]. В реальности об этих эпистоляриях было известно в науке задолго до публикации [57. С. 55—56], но материал долго не привлекал внимания исследователей. Для данной темы особенно важен, несмотря на довольно позднюю дату списка, «царский» письмовник, который явно восходит к византийскому оригиналу. Попутно уместно остановиться на датировке рукописи. В каталоге Х.Н. Кодова [57. С. 55], она датирована XVI—XVII в. (причем специально отмечен вставной характер и более поздняя датировка л. 238, на котором помещен Косиницкий письмовник), но при этом указано, что кодекс написан на

в настоящее время (1510-е годы) Норовский (РГАДА. Ф. 201. № 88. Л. 211–218об.) [63]²⁵, который включает как собственно сербские, так и охридские и константинопольские материалы. В богатой сербской эпистолярной культуре XIV–XVI вв.²⁶ неизвестны как древнерусская версия письмовника в целом, так и конкретные послания, написанные по включенным в нее формулярам. Поэтому скорее следует полагать, что древнейший русский письмовник мог быть либо заимствован из болгарской тырновской традиции XIV в., которая сохранилась несравненно хуже, чем сербская²⁷, либо специально переведен с греческого в окружении митрополита Киприана (и даже при его участии). При этом явно следует отказаться от мнения А.И. Плигузова [48. С. 561–562], что к той же редакции принадлежит эпистолярный в молдавской пергаменной Псалтыри XVI в. (Бухарест, БАН Румынии, Слав. 219 [61. С. 360–362; 62. С. 88–91; 48. С. 561–562]), поскольку несмотря на близкий набор формуляров, между письмовниками практически нет текстуальных совпадений²⁸. Его история бесспорно заслуживает специального изучения.

Еще более неоднозначно, чем в случае с Письмовником, выглядит ситуация в определении авторства первого перевода такого важного для истории Церкви памятника, как «Константинов дар», получившего известность на Руси не позднее первой четверти XV в.²⁹ Старший его список (издан: [70]) сохранился в том же сборнике ГИМ, Музейское собр., № 1009, что и один из древнейших русских списков письмовника³⁰. Остается нерешенным вопрос, переведен ли он еще при Киприане или же уже при Фотии. Какие-либо исторические свидетельства в пользу одной из этих версий отсутствуют, остается надеяться на исследование особенностей перевода. Стоит, пожалуй, упомянуть, что до конца 1600-х годов в Москве (скорее

бумаге с водяным знаком «латинская литера L» (с отсылкой к альбому Ш.-М. Брике: № 8282 (1472 г.). Более чем вероятно, что описатель принял за букву перевернутый ранний (без наверх и щита) вариант польского герба «Топор», встречающийся в рукописях 1560–1600-х годов (см. например: [58. № 1629–1640]).

²⁵ Рукопись в настоящее время доступна исследователям на сайте РГАДА (rgada.info, раздел «Уникальные»). Эпистолярный в составе Норовского сборника включает формуляры посланий патриарху (только начало), «епископу и митрополиту» (начало и конец), «епископу» (начало), «отцу игумену» (начало и конец), «старцу», «брату», «царю», игумену и братии» (во всех случаях только начало). Далее следуют формулярные изводы посланий безымянного охридского архиепископа «сынам земли», иерусалимского патриарха Феофила сербскому деспоту Стефану Лазаревичу (1402–1427), и константинопольского патриарха Дионисия (1473–1478, 1490–1493) «митрополиту имярек» (только начало). Пользуюсь случаем сердечно поблагодарить Л.В. Мошкову, обнаружившую эту рукопись в процессе описания сборников XVI в., хранящихся в РГАДА, и сообщившую мне сведения о ней задолго до публикации описания.

²⁶ Нелишним будет напомнить, что помимо целиком сохранившихся текстов она представлена многочисленными пробами пера на полях рукописных книг, содержащими начала посланий, как официальных так и неофициальных, которые требуют исследования в качестве самостоятельного феномена (известно, что в болгарских и русских рукописях такие пробы пера вплоть до самого конца XIV в. можно буквально перечислить по пальцам). Некоторые наблюдения над этим материалом см.: [60. С. 215–224].

²⁷ В сущности, мы практически ничего о ней не знаем, если не считать бухарестского письмовника, о котором речь ниже. Уместно заметить, что послание «Блаженнейшему архиепископу всею Българию» в составе «царского» эпистолярия [57. С. 56] относится не к Тырновскому, а к Охридскому престолу.

²⁸ Впервые это в решительной форме указал (в устной беседе с автором) такой знаток средневековой славянской эпистографии как Д.М. Буланин. Примечательно, что формуляр начала послания к молдавскому или валашскому воеводе в Косиницком письмовнике [57. С. 56] почти полностью соответствует началу образа послания «господарю» в Бухарестском [48. С. 569].

²⁹ Подробнее см. о нем: [64. С. 134–145; 65; 66. Р. 74–75; 67. С. 784–796; 68. С. 360–369; 69. С. 128–129]. В других православных славянских литературах текст не известен до второй половины XVII в., времени распространения на Балканах содержащего его московского издания (1653 г.) печатной Кормчей.

³⁰ Список был известен еще А.Д. Седельникову [71. С. 207, 215], однако по настоящему введен в научный оборот и издан лишь 18 лет назад А.И. Плигузовым [67. С. 784–796; 70].

всего, в составе царской или — что менее вероятно — патриаршей библиотеки находилась греческая рукопись «Константинова дара», вероятно, пергаменная. В 1610 г., во время Смуты она была вывезена в Польшу и в 1633 г. от имени короля Владислава IV подарена в качестве подлинника («autentic») документа папе Урбану VIII великим коронным подскарбием Ежи Оссолиньским во время его визита в Рим [72. С. 49, 333]³¹. Возможно, разыскание этой рукописи (точные сведения о которой ныне неизвестны) в богатейших хранилищах Ватикана могло бы пролить свет и на происхождение славянского перевода «Дара».

По поводу еще одного памятника, по меньшей мере свыше 40 лет связываемого в исторической литературе с митрополитом Киприаном и его канцелярией [73], «Списка русских городов дальних и ближних», было выказано в последнее время решительное возражение. В.А. Кучкин [74] в обширных тезисах доклада на конференции 2015 г. «Проблемы комплексного источниковедения» попытался опровергнуть традиционную точку зрения. По его мнению составление списка следует датировать второй четвертью — серединой XV в. Аргументы, приведенные исследователем, бесспорно, важны, но они никак не могут отменить того факта, что начальный раздел Списка («А се болгарский и волосские гради») бесспорно фиксирует ситуацию до османского завоевания региона, около 1394—1396 гг. [73. С. 155—157]. Наиболее непротиворечивый вывод состоит в том, что первоначальный («Киприанов») текст списка до нас не дошел, а сохранившийся в списках XV—XVI вв. отражает следы редактуры (возможно, неоднократной) и содержит позднейшие интерполяции.

Заметные перемены произошли в последние десятилетия и в оценке церковно-юридической деятельности митрополита Киприана. Долгое время в исторической литературе господствовало мнение, что с ним связано создание сокращенной (так называемой Мясниковской) редакции Русской Кормчей (см., к примеру: [75. С. 181—185; 76. С. 131—133])³²: старшие списки — РНБ, Ф. II. 119, Ф. II. 49 — оба первой четверти — трети XV в.³³). Ныне же с очень большой степенью вероятности (практически без сомнений) Киприану приписывают появление на Руси нового памятника — болгарской по происхождению Мазуринской редакции [81] Сербской Кормчей с сокращением и систематизированным тематическим расположением материала [79]. Старший русский список этого канонического сборника (ГИМ. Чуд.168) датируется 1410-ми годами [81. С. 55—56; 82] (т.е. вскоре после кончины митрополита Киприана)³⁴, однако заметное распространение в восточнославян-

³¹ Пользуюсь случаем сердечно поблагодарить Б.Н. Флорю, сообщившего мне этот малоизвестный в отечественной науке факт.

³² Вероятно, известную роль здесь сыграло то обстоятельство, что писец одного из старших списков этой редакции Кормчей (РНБ, Ф. II. 49) довольно последовательно использовал средне-болгарскую орфографию (образец письма см.: [77. С. 130]). Но для данного времени это нисколько не свидетельствует ни о его принадлежности к митрополическому окружению, ни о правописании оригинала [77. С. 128—129; 78; 29. С. 254—255, 612—639].

³³ Практически до настоящего времени в литературе можно встретить датировку обеих рукописей концом XIV или рубежом XIV—XV вв. (см., например: [77. С. 130; 79. С. 56], хотя еще в конце XIX в. один из основоположников русской филологии Н.П. Лихачев написал специальный этюд о том, что кодекс Ф. II. 119 нельзя датировать ранее первой четверти XV в. [80. С. СХVII—СХIХ]. Прекрасный пример того, что справочниками пользуются, но их не читают.

³⁴ Стоит обратить внимание на одну особенность кодекса, которой в литературе до сих пор не придавали буквально никакого значения. Переплет рукописи, по всей вероятности, первоначальный [82. С. 85], хотя ранее предлагалось датировать его XVI в. [83. С. 89]. Представить себе вид средника по описаниям весьма затруднительно: «средник с изображением Георгия на коне» [83. С. 89], «В центре на верхней доске изображение всадника с мечом в левой руке» [82. С. 85]. Нигде, однако не сказано, что этот средник представляет большую медную бляху, более всего напоминающую печать (из которой, возможно, и изготовлен). Всадник, помещенный на этом

ской рукописной традиции памятник получил лишь почти столетие спустя [81]. Но, пожалуй, еще важнее факты использования этой редакции в качестве образца и модели при дальнейшем редактировании Кормчей книги в восточнославянском регионе на протяжении второй половины XV–XVI вв. [82. С. 60–69].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История на българската средновековна литература / Съст. А. Милтенова. София, 2008 (2-е изд. – 2010).
2. Киприанови четения: 600 години от успението на св. Киприан, митрополит Московский. Велико Търново, 2008.
3. Словарь книжников и книжности Древней Руси (СККДР). СПб., 2012. Вып. 2 (втор. пол. XIV – XVI вв.). Ч. 3 (Библиографические дополнения. Приложение).
4. *Флора Б.Н., Турилов А.А.* Киприан // Православная энциклопедия (ПЭ). М., 2013. Т. 33 (Киево-Печерская лавра – Кипрская икона Божией Матери).
5. *Желтов М.С.* Киприана (митрополита) Служебник // ПЭ. М., 2013. Т. 33.
6. *Дончева-Панайотова Н.* Киприан – старобългарски и староруски книжовник. София, 1981.
7. *Дробленкова Н.Ф. (б-фия), Прохоров Г.М.* Киприан // СККДР. Л., 1988. Вып. 2 (втор. пол. XIV–XVI вв.). Ч. 1 (А–К).
8. Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39.
9. *Пентковский А.М.* Из истории литургических преобразований в Русской Церкви в третьей четверти XIV в. (Литургические труды святителя Алексия, митрополита Киевского и всея Руси) // Символ, Париж, 1993, № 29. Сентябрь. С. 217–238.
10. *Булычев А.А.* Из истории русско-греческих церковных и культурных взаимоотношений 2-й половины XIV в. (судьба святителя Дионисия Суздальского) // Вестник церковной истории. 2006. № 4. С. 110–111.
11. *Ульянов О.Г.* «Диатаксис» патриарха Филофея: древнейшая редакция по афонским спискам и в переводе митрополита Киприана (Vat. Slav. 14) // Палеография и кодикология: 300 лет после Монфокона / Мат-лы Международной научной конференции. М., 2008. С. 211–222.
12. *Ульянов О.Г.* Литургическая реформа в Русской Православной Церкви на рубеже XIV–XV вв. в контексте русско-афонских связей (к 600-летию преставления святителя Киприана) // Киприанови четения...
13. *Дончева-Панайотова Н.* Неизвестно «Похвално слово за митрополит Петър» от Киприан // Литературна мисъл. 1975. № 1. С. 98–101.
14. *Дончева-Панайотова Н.* Киприаново похвално слово за Петър в българската и руската панегирична традиция // Език и литература. 1977. № 2.
15. *Дончева-Панайотова Н.* Неизвестно «Похвално слово за митрополит Петър» от Киприан Цамблак // Старобългарска литература. София, 1977. Кн. 2.
16. *Ангушева А.* Киприан, митрополит Киевски, Московски и Всеруски // История на българската средновековна литература. София, 2008 (2-е изд. – 2010).
17. *Коссова А. Дж.* Митрополит Киприан – основоположник на литературната традиция на Московска Рус // Средновековни текст, автори и книги: Сборник в чест на Хайнц Миклас. София, 2012 (= Кирило-Методиевски студии. Кн. 21).
18. *Клосс Б.М.* Избранные труды. М., 2001. Т. 2 (Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI вв.: Агиография Москвы, Твери, Ярославля, Суздаля).
19. *Огицкий Д.П.* К истории виленских мучеников // Богословские труды. М., 1984. Т. 25.
20. *Сперанский М.Н.* Сербское житие литовских мучеников // ЧОИДР. М., 1909. Кн. 1.
21. *Ogicki D.* Blutzeugnisse für Christus in Litauen des 14. Jahrhunderts. Legende und Wirklichkeit der drei Martyrer von Vilna // Stimme der Orthodoxie. 1984. № 6–8.

металлическом среднике, разумеется, не св. Георгий (хотя бы чисто хронологически). В зависимости от места изготовления бляхи (надписи на ней нет) это либо герб великого князя Литовского Витовта «Погонь», либо копирующий его «ездец», помещавшийся на печатях его зятя, великого князя Московского Василия Дмитриевича (см.: [84. Табл. 20 и С. 129]). Более вероятен (исходя хотя бы из места хранения рукописи) второй вариант, но окончательный ответ должны, разумеется, дать сфрагисты. Здесь же нужно отметить следующее. Помещение «большой государственной печати» на крышке церковно-канонического сборника (Кормчей) свидетельствует, по всей видимости, об исключительном характере чудовского экземпляра, детали истории которого требуют специального изучения.

22. *Baronas D.* Trys vilniaus kankinai: gyvenimas ir istorija (Istorines studija ir šaltiniai). Vilnius, 2000.
23. *Баронас Д.* По поводу литературной истории Мучения трех виленских мучеников // *Krakowsko-Wileńskie studia slawistyczne*. Kraków, 2001. Т. 3. С. 73–98.
24. *Baronas D.* The three Martyrs of Vilnius: a Fourteenth-Century Martyrdom and its Documentary Sources // *Analecta bolandiana*. 2004. Vol. 122. № 1.
25. *Флоря Б.Н., Шлеус Г.* Антоний, Евстафий и Иоанн // ПЭ. М., 2001. Т. 2.
26. *Meysendorf J.* The three Lithuanian martyrs: Byzantium and Lithuania in the fourteenth century // *St. Vladimir's Theological Quarterly*. 1982. Vol. 26.
27. *Birkfellner G.* Glagolitische und kyrillische Handschriften in Österreich. Wien, 1975.
28. Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР) / Сост. А.А. Турилов. М., 1986.
29. *Турилов А.А.* Межславянские связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики. М., 2012.
30. *Турилов А.А.* Древнерусские (восточнославянские) «влияния» на южнославянскую культуру // ПЭ. М., 2007. Т. 16.
31. *Турилов А.А.* Оригинальные южнославянские сочинения в русской книжности XV–XVI вв. // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978.
32. *Богдановић Д.* Измирење српске и византијске цркве // *Богдановић Д.* Студије из српске средњовековне књижевности. Београд, 1997.
33. *Турилов А.А.* Григорий Цамблак // ПЭ. М., 2006. Т. 12 (Гомельская и Жлдобинская епархия – Григорий Пакуриани).
34. *Кораћ Д.* Света Гора под српском влашћу (1345–1371). Београд, 1992 (= Зборник радова Византолошког института (ЗРВИ). Књ. 31).
35. *Турилов А.А.* Забытые русские святогорцы – Калинин и «филадельф» (Страничка истории русского книгописания на Афоне рубежа XIV–XV вв.). // *МОСХОВІА: Проблемы византийской и новогреческой филологии*. М., 2001. [Т.] 1 (Сб. к 60-летию Б.Л. Фонкича).
36. *Tachiaos A.-E.N.* The Slavonic Manuscripts of Saint Panteleimon Monastery (Rossikon) on Mount Athos. Thessaloniki; Los Angeles, 1981.
37. *Мошин В.А.* Житие старца Исайи, игумена Русского монастыря на Афоне // Сборник Русского археологического общества в Королевстве Югославии. Белград, 1940. Т. 3.
38. *Кашанин М.* Српска књижевност у средњом веку. Београд, 1975.
39. *Богдановић Д.* Историја старе српске књижевности. Београд, 1980.
40. *Трифуновић Ђ.* Писац и преводилац инок Исаја. Крушевац, 1980.
41. *Гаврюшина Л.К., Турилов А.А.* Исайя Серрский // ПЭ. М., 2011. Т. 27 (Исаак Сирийн – Исторические книги).
42. *Прохоров Г.М.* Памятники переводной и русской литературы XIV–XV вв. Л., 1987.
43. *Турилов А.А.* Южнославянские памятники в литературе и книжности Литовской и Московской Руси XV – первой половины XVI в.: парадоксы истории и географии культурных связей // *Славянский альманах 2000*. М., 2001.
44. *Rapăitescu P.* Manuscrisele slave din Biblioteca Academiei RPR. Bucuresti, 1959. Vol. 1.
45. *Томова Е.* Сборник БСС, III, 26 от библиотеката на Светият Синод в Букуреш // *Старо-българска литература*. София, 1994. Кн. 28–29.
46. *Лукьянов В.В.* Описание коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области XIV–XIX вв. Ярославль, 1957.
47. *Климент Охридски.* Събрани съчинения / Обработили Б. Ст. Ангелов, К.М. Куев, Хр. Кодов. София, 1970. Т. 1.
48. *Плигузов А.И., Турилов А.А.* Древнейший южнославянский письмовник третьей четверти XIV в. // *Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI в. (РФА)* М., 1987. Вып. 3. Прилож. 1.
49. *Вздорнов Г.И.* Искусство книги в Древней Руси: Рукописные книги Северо-Восточной Руси XII – нач. XV вв. М., 1980.
50. Каталог славяно-русских книг XV в., хранящихся в РГАДА / Отв. ред. А.А. Турилов. М., 2000.
51. *Турилов А.А.* Досифей, архимандрит Печерский (Нижегородский) // ПЭ. М., 2007. Т. 16 (Дор – Евангелическая церковь союза).
52. *Демин А.С.* Русский Письмовник XV в. // *Ученые записки Азербайджанского педагогического института им. М.Ф. Ахундова*. Баку, 1964. Серия XII (Язык и литература), № 1.
53. *Буланц Д.М.* Письмовники // *СККДР*. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2 (Л–Я).
54. *Радонић Ј.* Еписколар манастира Продрома (Слепче) из XVI в. // *Споменик Српске Краљевске Академије*. Београд, 1910. Књ. 49.

55. Ангелов Б.С. Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1978. Кн. 3.
56. Билярски И. Два наръчника за питания от късното средновековие // ЗРВИ. Београд, 1991. Кн. 29–30.
57. Кодов Х. Опис на славянските ръкописи в Библиотеката на Българската Академия на науките. София, 1979.
58. Lausevičius E. Popierius Lietuvoje XV–XVIII a. Vilnius, 1967.
60. Бубало Б. Писана реч у српском средњем веку: Значај и употреба писаних докумената у средњовековном српском друштву. Београд, 2009.
61. Яцимирский А.И. Славянские и русские рукописи румынских библиотек. СПб., 1905.
62. Яцимирский А.И. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературам. СПб., 1908. Вып. 1.
63. Мошкова Л.В. Долгие путешествия сербского сборника // Вестник Альянс – Архео. Вып. 16. СПб., 2016.
64. Терновский Ф. Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в Древней Руси. Киев, 1876. Вып. 2.
65. Павлов А.С. Подложная дарственная грамота Константина Великого папе Сильвестру в полном греческом и славянском переводе // Византийский временник. СПб., 1896. Т. 3.
66. Wieszynski J. The Donation of Constantine in Medieval Russia // Catholic Historical Review, 1969. Vol. 55.
67. Плигузов А.И. С. «Соборный ответ 1503 г.» // РФА. М., 1988. Т. 4. Прилож. 10.
68. Плигузов А.И. Полемика в русской церкви первой трети XVI в. М., 2002.
69. Королев А.А., Крюкова А.А., Турилов А.А. Константинов дар // ПЭ. М., 2015. Т. 37 (Константин – Корин).
70. Старшая редакция Константинова дара // РФА. М., 1988.
71. Седельников А.Д. К изучению «Слова кратка» и деятельности доминиканца Вениамина // ИОРЯС. Л., 1926. Т. 30.
72. Kubala L. Jerzy Ossolinsky. Warszawa, 1924.
73. Наумов Е.П. К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних» // Летописи и хроники 1973. М., 1974.
74. Кучкин В.А. Датировка списка «А се имена градом всем руским далним и ближним» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015, № 3.
75. Русская Правда / Под. ред. акад. Б.Д. Грекова. М.; Л., 1940. Т. 1.
76. Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде. М.; Л. 1941.
77. Бегунов Ю.К. Козма Пресвитер в славянских литературах. София, 1973.
78. Турилов А.А. О времени и месте создания пергаменного «Евангелия Мемнона-книгописца» // Информ. бюллетень МАИРСК. М., 1992. Вып. 26.
79. Белякова Е.В. Мазуринская редакция как памятник права и культуры на Руси // Мазуринская Кормчая. Памятник межславянских культурных связей XIV–XVI вв.: Исследование. Тексты. М., 2002.
80. Лихачев Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1 (Исследование и описание филигранных).
81. Белякова Е.В. Тексты Мазуринской редакции и их происхождение // Мазуринская Кормчая. Памятник межславянских культурных связей XIV–XVI вв.: Исследование. Тексты. М., 2002.
82. Белякова Е.В. Чудовский список // Мазуринская Кормчая. Памятник межславянских культурных связей XIV–XVI вв.: Исследование. Тексты. М., 2002.
83. Описание рукописей Чудовского собрания / Сост. Т.Н. Протасьева. Новосибирск, 1980.
84. Соболева Н.А. Русские печати. М., 1991.

© 2017 г. Л.И. ЖУРОВА

МИТРОПОЛИТ ДАНИИЛ И МАКСИМ ГРЕК: ПАРАДИГМА ТВОРЧЕСТВА

Сопоставление двух церковных публицистов второй четверти XVI в. – митрополита Даниила и Максима Грека основано на анализе интенции, реализации замысла и рецепции их творчества. Диалогические отношения «Судного списка», «Послания Даниилу» и «Ответа Святому Собору» Максима Грека, архитектура авторских кодексов, функционирование сходных мотивов в сочинениях писателей – предмет исследования.

A comparison of two church publicists of the second quarter of the sixteenth century, Metropolitan Daniil and Maximus the Greek, is based on the analysis of intention, implementation and reception of their creative work. The subject of investigation are dialogic relations of Maximus the Greek's «Judicial list» («Sudnyj spisok»), «Epistle to Daniil» («Poslaniye Daniilu») and «Answer to the Saint Council» («Otvét Svyatomu Soboru»), architectonics of the author codices, and functioning of similar motives in the writers' works.

Ключевые слова. Максим Грек, митрополит Даниил, рукописная традиция, авторский кодекс, Московские Соборы 1525, 1531, 1548 гг., «славянское возрождение».

Keywords. Maximus the Greek, Metropolitan Daniel, manuscript tradition, author codex, Moscow Councils of 1525, 1531, and 1548, «Slavic Renaissance».

Отношения двух ярких личностей первой половины XVI в. – Максима Грека и митрополита Даниила хорошо известны. Даниил, принявший митрополичий престол в 1522 г., в 1525 г. инициировал Собор, осудивший ватопедского монаха. Драматичной была встреча Максима Грека и Даниила на Соборах 1525 и 1531 гг., о чем свидетельствует «Судный список», особенно его Сибирская редакция, самая ранняя и самая полная, открытая и исследованная Н.Н. Покровским [1].

Судебные прения и приговор во многом определили парадигму творчества Максима Грека (под парадигмой творчества понимаю модель, описывающую интенцию, реализацию замысла и рецепцию сочинений писателя). Они послужили интенциональным моментом в формировании авторских кодексов Максима Грека¹. Ответы Собору содержатся в серии его сочинений: программном «Исповедании веры», двух «отвещательных» Словах об исправлении книг русских (главы 11, 12 Иоасафовского собрания), двух Словах к начальствующим на земле (главы 24, 25

Журова Людмила Ивановна – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН.

Работа выполнена в рамках поддержанного РГНФ гранта, проект № 15-04-00503.

¹ В науке согласно классификации, предложенной Н.В. Синецкой, в качестве кодексов признаны два прижизненных собрания сочинений Максима Грека: Иоасафовское [2] и Хлудовское [3].

Иоасафовского собрания) и др. Эта тема хорошо разработана в исторических исследованиях жизни и творчества Максима Грека, так, в своем новом труде Н.В. Синицына пишет: «Автор с помощью сочинений, направленных против “ересей” и “отступлений”, доказывал чистоту своей собственной веры, отсутствие “еретического порока”. Именно в этом заключался первоначальный замысел собрания» [2. С. 20]. На протяжении всей своей жизни ученый монах в виде прямых обращений к «судиям своим» или опосредованных высказываний различного формата (статья или сборник) защищался от хулителей и клеветников.

В парадигме творчества митрополита Даниила никак не отразились реалии его достаточно бурной биографии, архипастырской деятельности. У него нет полемических сочинений. Все конфликты (с Максимом Греком, Вассианом Косым и другими оппонентами) он разрешал административными средствами. Церковная публицистика Московского митрополита посвящена просвещению и назиданию. Нравственное богословие занимает главные позиции в трудах писателя. Жанровый образ проповеднического дискурса Даниила (в него входят слова и послания) — пастырь добрый, и он расходится с исторической характеристикой личности архиерея как «потаковника» Василия III, человека лукавого и бесчестного.

«Судный список», считали историки (Н.Н. Покровский, С.О. Шмидт), можно рассматривать как памятник публицистики, как нарративный источник, а не только документальный [1. С. 6, 89].

В оглавлении сборника, обнаруженного экспедицией Н.Н. Покровского на Алтае в 1968 г.², «Судный список» имеет название: «Собор на Максима Грека Святогорска». Сам текст сочинения в сибирской рукописи заголовка не содержит, тогда как Погодинский и Барсовский списки начинаются со слов «Список с судного списка» и названия «Прение Данила митрополита Московского и всеа Руси со иноком Максимом Святогорцем» [1. С. 140, 160].

Смысловым ядром судебных «взысканий» послужила обвинительная речь Даниила. В рукописи она отмечена киноварным заголовком: «И митрополит Максиму говорил». Используя риторический прием единоначатия, Даниил умело выстроил свой пространный монолог:

Да ты же говорил многим людем: быти на тои земли Рустей салтану турецкому...

Да ты же, Максим, великого князя Василия называл гонителем и мучителем нечестивым...

Да ты же, Максим, волшебными хитростями писал еси водками на дланех...

Да ты же, Максим, говорил многим, учил и писал в книгах, яко сидение Христово одесную Отца мимошедшее есть...

Да ты же, Максим, святые церкви и монастыри укоряеши и хулиши...

И ты, Максим, себе везде оправдаешь, и возносишь, и хвалишь...

и т.д.

Такой способ ведения речи отграничивал изложение каждой «вины» Святогорца и нагнетал обвинительный пафос. Ситуативное функционирование обращений составляет одну из примечательных особенностей архипастырских проповедей Даниила, которую можно наблюдать в главах «Соборника» [4. С. 50–57]. Апеллятивы поддерживают драматургию общения автора и читателя (слушателя). За обращением к персонажу на «ты», как правило, стоит упрек митрополита всякому маловерующему, сомневающемуся или еретику, например в Слове 8 «Соборника»

² Хранится в Отделе редкой книги и рукописей Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН (F.IV.3. В лист. 90-е гг. XVI в. Л. 323–355об.).

(«Яко подобает къ властем послушание имѣти и честь въздаати, и еже на врагы Божиа») безымянному адресату Даниил выставляет обвинения: «Ты же пастыря презираеши и ни въ что же полагаеши»; «Ты же реченная басни мниши, ибо нечувственъ еси, похабень еси...»³.

Даниил, упомянув в начале своего публичного выступления благодеяния великого князя Василия Ивановича монастырям Святой Горы, выдвинул Максиму Греку ряд «вин»: сговор с турецким царем, оскорбление великого князя, колдовство, написание «седев одесную Отца», критика русских монастырей (стяжание) и поставление митрополитов в Москве без благословения Царьградского патриарха, хуление русских чудотворцев, гордость, хвала «еллинских» и жидовских чернокнижных волхований и др. В обвинительный приговор войдут только две позиции: о книжных исправлениях и поставлении московских митрополитов.

Монолог Даниила послужил зачином судебного разбирательства, и сам митрополит открыл «взыскания»: «А ныне на тобя иные богохулные вины многия явилися. И ты скажи нам, что еси с своими единомысленики и советники мудровал, и смышлял, и действовал на православную веру?». И Максим отвечал: «Ни с кем есми, господине, хулы на Бога, и на Пречистую, и на православную веру не говаривал, и не писывал, и не веливал писати» [1. С. 100]. Краткие ответы Максима Грека контрастируют с пространными речами владыки и судий: они — условность протокольного повествования или, вероятнее всего, сознательный прием, позволивший составителю «Судного списка» умалить роль персонажа (Максима Грека) в драматургическом сценарии, составленном и срежиссированном, более чем вероятно, Даниилом (во всяком случае подборка «свидетельств» от Божественных Писаний, зачитанных на суде, принадлежит архиерею, такую практику мы наблюдаем в Словах «Соборника» митрополита).

Развернутые ответы «судиям» Максим Грек дал в своих сочинениях. На продолжение диалога он провоцировал Даниила в послании «К Данилу митрополиту» (далее «Послание Даниилу»), который включил в состав Хлудовского собрания⁴ [3. С. 136–145]. На основе текстологического анализа можно видеть, насколько тщательно работал Святогорец над посланием: памятник существует в двух редакциях, представленных тремя прижизненными списками, содержит авторскую правку [5. С. 342–370], в том числе надписанный рукой Святогорца заголовок «Того же Максима Грека. Послание примирительно къ бывшему митрополиту всея Руси Даниилу» в уникальном Румянцевском сборнике (РГБ. Ф. 256. Собр. Румянцева. № 264. Начало 50-х гг. XVI в. Л. 127.)

Завершением оправдательных речей ватопедского монаха может служить уникальный «Отвѣтъ въкратцѣ к Святому събору, о нихже оклеветан бываю» (далее «Ответ Святому Собору»), составленный, видимо, в тревожном ожидании Собора 1548–1549 г., подготовка которого могла спровоцировать и составление «Судного списка» [1. С. 38–39] (Даниил скончался в Волоколамском монастыре в 1547 г.). Это сочинение Максима Грека известно в единственном списке, правленном автором, в составе того же Румянцевского сборника.

Само восприятие Максимом выдвинутых против него обвинений выразилось в горьких словах «Послания Даниилу»: «Акы хулника и Священных Писаней тлителя осудисте мя нѣкъых ради малых описеи...» [3. С. 137] и «Ответа Святому Собору»:

³ Текст «Соборника» цитируется по рукописи РГБ. Ф. 173. Собр. МДА/І. № 197. Л. 203. Далее листы указаны в скобках.

⁴ Существует три авторских варианта названий этого сочинения.

«чесо ради оклеватан бываю от нѣких, акы хульникъ и льстивъ?»⁵. Клеветник, хульник — самые болезненные для него точки в обвинениях Собора.

Основная мысль «Послания к Даниилу митрополиту» — доказать соблюдение афонцем «непорочной отцепреданной веры». Здесь он обсуждает два обвинения: ложность свидетельств против него о хуле на православную веру христианскую, построенных на «описях» в книжных переводах, и отказ на просьбу митрополита Даниила перевести книгу блаженного Феодорита Киррского. Первая «вина» была одной из сюжетных линий «Судного списка». В «Послании Даниилу» Максим Грек вспоминает свои ответы «вашему Священному събору, яко ниже по ереси, ниже по лукавству нѣкоему сиечево что дрѣзнуто бысть мною, Богъ свидѣтель, но по нѣкоему всяко случаю или по забвению, или по скръби, смутившей тогда мою мысль, или нѣчто излишнему винопитию, погрузившу мя, написашья тогда тако» [4. С. 137–138]. В «Судном списке» таких речей инока нет. Приведя многочисленные доводы против судебных «извѣтгов», Максим Грек в конце «Послания Даниилу» обратился с просьбой к своим судьям: «Прочтите с кротостию хриstopодобною писаньи мои отвѣтъ о живушей въ мнѣ православнои вѣрѣ и [...] разорите ваше еже къ мне, грѣшному, многолѣтнее негодование» [3. С. 142]. Святогорец построил систему своих аргументов в форме ответов «господам моим» и владыке.

Вторая «вина» Максима Грека — отказ перевести книгу блаженного Феодорита отражает личный конфликт афонца и русского митрополита и в материалах суда не представлена. Однако Максим Грек в «Послании к Даниилу» ссылается на Собор: «И сие вѣдомо мнѣ бысть, имиже твое преподобство тогда провѣщаль есть съ негодованиемъ ко мнѣ, судимому от тебе и съборнѣ испытующему, рекль бо еси къ мнѣ тогда: “Достигоша тебе, окаанне, грѣхы твои, онем же отрелкъся превести ми священную книгу блаженаго Феодорита”» [3. С. 140]. Это «преслушание» Святогорец объяснил тем, что «таковъ преводъ будеть претыкание и съблазнъ нѣкимъ православным от послании Ариевых и Македониевых [...] превѣзняюще убо и прославляюще нечестивое свое мудрование [...] Сего ради преслушах тя тогда, убоявся простоты нѣкихъ благочестивыхъ и слабости къ еже искусити правѣ всяко списание» [4. С. 140]). То есть Максим Грек свой отказ объясняет опасностью, что сочинения Феодорита Киррского могут быть неправильно поняты православными, поскольку антиохийский богослов, талантливый писатель и яркий оратор, защищал Нестория и напал на Кирилла Александрийского.

В сочинениях Даниила краткие выписки из трудов Феодорита находим всего лишь в трех (из 16) Словах «Соборника»⁶. Очевидно, митрополиту не доставало источников по творчеству Киррского епископа.

Максим Грек в «Послании Даниилу» приводит новые доказательства сохранения им «благочестивых и правых догмат [...] непорочных отцепреданных вѣры» и признается, что «до послѣдняго издыхания моего съблюденъ буду в неи» [3. С. 138]. Свидетелями своей позиции он выставляет собственные «неложни списания [...] противу латынех [...] но еще и яже на еврея зловѣрныя и непокоривыя, и яже къ еллиномъ, бывшим дотолѣ моимъ учителемъ, а не и нынѣ, и яже на нечестивѣишу и бѣсы обрѣтенную прелестъ сквернѣишаго Моамефа, ересиарха

⁵ Текст цитируется по рукописи РГБ. Ф. 256. Собр. Румянцева. № 264. Начало 50-х гг. XVI в. Л. 289об. Далее листы указаны в круглых скобках. Издание [6. С. 84–86].

⁶ «О крестном знамении» (Слово 4), «О Вочеловечении Христа» (Слово 5) и «О крестной смерти» (Слово 6).

измаилтяном» [3. С. 138–139]⁷. В многочисленных полемических сочинениях Святогорец писал о своей преданности православию и сохранении чистоты веры.

Самый полный список трудов, доказывающих непричастность к еретичеству, Максим Грек привел в «Ответе Святому Собору». К своим достижениям он отнес полемические труды против лукавых списаний Николая Немчина (Булева), латинского зловерия, «измаильской прелести», «еллинского» многобожия, иудейского зловерия, «армянской» ереси, на хулящих Богородицу. Наряду с обличительными словами Максим Грек впервые отметил и свои сочинения «о добродѣтели и злобѣ, правдѣ же и на неправдѣ, о цѣломудрии же и на нечистоту, о покааннии же и иночьском житии, о нестяжании же и многоимѣнии, и ина различна в них же есть» (л. 288об.–289). Это важное авторское свидетельство об обширном и разнообразном творчестве, сложившемся к концу 40-х годов XVI в. Как видим, афонец уже отходил от узкой задачи ответа «судиям» и обратился к широкому кругу проблем жизни Московской Руси. Но его не оставляло ожидание новых обвинений. Так, в том же «Ответе Святому Собору» он отстаивал «образ глаголения» от имени Господа (за что, видимо, его упрекали) в сочинении о тверском пожаре 1537 г. [3. С. 231–237]: «какы от лица Самого страшного Судии повѣствую и сказую виновнаа толь страшнаго пожара» (л. 289). Наученный горьким опытом, Святогорец принял превентивные меры.

Творчество двух церковных писателей – Максима Грека и митрополита Даниила принадлежит одной исторической эпохе, оба находились в эпицентре развития русской публицистики XVI в. Но их публицистическая деятельность достаточно конвергентна. Не установлено межтекстовых, смысловых связей, аллюзий или реминисценций в их сочинениях, но Даниилу, очень вероятно, были известны труды Святогорца. Во всяком случае Московский митрополит пользовался переводами, выполненными ватопедским монахом (Толковой Псалтыри, Бесед Иоанна Златоуста и др.). В сочинениях Максима Грека нет никаких намеков на его знакомство с трудами Даниила.

Сближающим моментом в творчестве церковных публицистов нужно признать цель, которую они ставили перед собой: дать готовое оружие, а именно слово, в борьбе с еретическими речами. Так, Даниил в Предисловии к «Соборнику», повторяя слова Иосифа Волоцкого, писал: «Зане аще что кому ключаемо будет или противу еретических речей или межи православных нѣкое стязание и рѣчи, и благодатию Божиею обрящет готово без труда в коемждо Словѣ противу бываемых которых винъ къ благоугождению Божию и ползѣ душамъ» (л. 4). То есть митрополит замысел своей книги определил как некую заготовку, помощь в «стязаниях». Максим Грек признавался в «Ответе Святому Собору», что своими полемическими сочинениями «приготових оружиа неборимаа, да сими могут загражати скверных усть ихъ» (л. 289). В Предисловии к Иоасафовскому собранию Максим Грек оценил свой труд как «наставление всякое, руководяще чтущаго на стезя преподобных добродѣтелей», чтобы «правити житие свое» [2. С. 49]. Это общая позиция средневековых публицистов.

Основная тенденция развития русской публицистики просматривается в практике составления авторских сводов. Сборники церковных писателей Московской Руси начала XVI в. – «Устав скитской жизни» Нила Сорского

⁷ Максим Грек ссылается на «Слово против лъстивого списания Николая Немчина, латынина» (глава 68 Хлудовского собр.), «Словеса против Самуила еврейна» (глава 73 Хлудовского собр.), «Слово обличительное на еллинскую прелесть» (глава 6 Иоасафовского собр.), «Слово обличительно на агарянскую прелесть...» (глава 8 Иоасафовского собр.), «Слово... на богборца пса Моамефа» (глава 9 Иоасафовского собр.).

(конец XV—начало XVI в., 11 Слов), «Книга на новгородских еретиков» (или «Просветитель») Иосифа Волоцкого (1502—1506 гг., 16 Слов) [7. С. 314], «Соборник» митрополита Даниила (30-е годы XVI в., 16 Слов) монографичны по содержанию и цельны по своей форме [8. С. 43—58]. «Соборник» Даниила в этом ряду отличается замкнутостью состава, некоторой осложненностью в организации самих Слов, межтекстовыми связями и паратаксическими отношениями между ними, не допускающими изменений в последовательности глав. Слова «Соборника», сцепленные друг с другом, как бы вложенные друг в друга, складываются в единое цельное произведение с устойчивой архитектурой как всего состава, так и каждой главы. Например, Слово 1 «О ложных пророках», Слово 2 «О ложных пророках и истинных учителях», Слово 3 «Об истинных учителях и церковных преданиях» и т.д. Главы «Соборника» нельзя переставить, поменять местами.

Сочинения Даниила, как правило, единообразны по форме и довольно традиционны по содержанию. Повторы, возвращения к одним и тем же мотивам повествования, вариативность в изложении — приметы творчества митрополита, и они облегчали восприятие текста читателем (но читатель этого не оценил). Даниил новое содержание укладывал в знакомую форму, обеспечивая тем самым доступ к смыслу своего произведения, помогая прочтыванию и пониманию текста.

Кодексы Максима Грека создавались по иному принципу. Они представляют собой избранное писателя. В Предисловии к собранию писатель подчеркнул, что его книга составлена из сочинений различной природы: «Обдержится в ней не единый образ списания, но различна и многообразна съчинения, исполнена ползы духовныа...» [2. С. 49]. Тексты, написанные им в разное время и по разным поводам, складывались автором в комплексы, которые могли пополняться, переформатироваться, имея открытую архитектуру. Так, вначале был цикл сочинений, созданных в 1530-е годы на «разорение многолетнего негодования» (собрание в 25 глав, по концепции Н.В. Синецкой). Затем, после 1549 г., Максим Грек, перебравшись из Тверского Отроча в Троице-Сергиев монастырь, освобождаясь от гнета возведенных на него обвинений, почувствовал себя свободнее. Накопив «тетрадки» своих сочинений, он приступил к формированию собственного рукописного собрания. Систематизация трудов, написанных на протяжении 30—50-х годов XVI в., выразилась в составе и композиции Иоасафовского [2] и Хлудовского собраний⁸.

В отличие от сборников Нила Сорского, Иосифа Волоцкого и Даниила Рязанца, монотемных по содержанию, гомогенных по структуре, единообразных и однотипных по жанру и стилю повествования, собрания Максима Грека представляют собой своды сочинений с многоуровневой семантикой, уложенных в динамичную структуру, которая позволяла автору (а позже редакторам, книжникам) свободно передвигать и вставлять тексты, изменяя внешнюю композицию свода. Хлудовское собрание отличается от Иоасафовского не только числом глав, но и их порядком. Сочинения единого тематического цикла, например трактаты против астрологии, в одном собрании (Иоасафовском) представлены двумя группами: главы 13, 14 и главы 36, 37. Подвижность состава, открытость структуры, многообразие жанров стали приметами нового типа авторского свода.

Кодексы Максима Грека отличаются широтой тематики, богатством интонаций, языка и способов изложения. Авторский дискурс писателя складывался из большого круга проблем и стилей повествования: от полемического

⁸ Публикация репрезентативного ряда сочинений Хлудовского собрания см. [3].

до лирического, от трактата до плача, от обвинительной речи до молитвы. Максим Грек раздвигал рамки традиционных форм повествования. Так, доминирующий жанр средневековой публицистики — слово, не имеющее четких жанровых определений, у Максима Грека приобрел семантическую валентность: слово обличительное, слово похвальное, слово отвещательное, словеса душеполезные, слово благодарственное, слово пространное, словеса супротивные и т.д. В названиях глав его сочинений заложены продуктивные способы апелляции автора к читателю.

Сопоставление тематики сочинений Максима Грека и Даниила позволяет видеть, что круг проблем, поднятых в проповедях и посланиях митрополита (это основные формы словесности в его творчестве), довольно ограничен. В 16-ти Словах «Соборника» изложены известные богословские истины о: вреде лжеучений и опасности лжепророков (Слово 1), учителях истинных, ведущих враждующих к примирению (Слово 2), важности святоотеческих церковных преданий (Слово 3), обряде крестного знамения (Слово 4), человеческой природе Христа (Слово 5), силе милости Спасителя, принявшего крестную смерть (Слово 6), премудрости Божьего провидения (Слово 7), божественной природе царской власти (Слово 8), грехе осуждения (Слова 9–10), божьей судьбе человека (Слово 11), соблюдении святого крещения (Слово 12), греховности мира (Слово 13), неразлучении мужа и жены (Слова 14–15), втором браке (Слово 16). В посланиях Даниила (общим числом около 40) обсуждаются вопросы монашеской жизни, целомудрия и человеческих пороков.

Литературное наследие Максима Грека значительно шире и богаче. Сегодня атрибутировано около 150 сочинений писателя, и в прижизненные собрания вошла половина его трудов (Иоасафовское собрание состоит из 47 глав, в Хлудовском собрании к ним добавлено 27 глав). Подняты вопросы богословские, политические, этические, просветительские, полемические и др. Н.В. Сеницына представила Иоасафовское собрание как «“Сумму” социальной и культурной жизни эпохи, сочетающей полемическую направленность с изложением истин вероучения» [2. С. 9]. Установить единую систему в Хлудовском собрании сложнее. Совершенно очевидно, что писатель стремился полнее представить свое творчество, и «энциклопедичность» содержания свода является его главной особенностью.

На отношении писателей к своим текстам указывают их автографы. Многочисленная и разнообразная правка Максима Грека свидетельствует о развитии замысла автора, об активных процессах в его творчестве, о том, что работа по составлению кодексов не закончилась, а оборвалась со смертью инок [9. С. 37–61]. Напротив, Даниил, известный редактор русских летописей [10. С. 88–95], собственные сочинения не правил⁹.

Общий проблемный сегмент авторских сборников Даниила и Максима Грека не велик. В него вошло несколько мотивов: о ложных пророках, мирском и иноческом жителстве, целомудрии, лихоимании, крестном знамении и другие очень распространенные в Средневековье темы, но они позволяют судить о степени актуализации вопросов в социальной жизни Московской Руси. В.С. Иконников считал, что изучение исторических свидетельств, приведенных в трудах двух публицистов, может дать «обильный материал для оценки современных общественных явлений» [11. С. 417]. Мне представляется важным описать функционирование мотивов в сочинениях двух писателей, для того чтобы определить особенности их творческой лаборатории.

⁹ Указанные Б.М. Клоссом глоссы в списке «Соборника» РГБ. Ф. 173. Собр. МДА/І. № 197. Л. 247об., 255, 266 автографами Даниила не являются.

Темой лжепророков открывается «Сборник» Даниила. Очевидно, митрополит таким образом пытался установить преемственную связь с «Просветителем» Иосифа Волоцкого, где новгородские еретики суть лжеучители. Первая глава сборника митрополита «Слово... Яко внимати подобает от ложных пророкъ и от ложных учителей, и яко от сего познавается ложный учитель и ложный пророкъ...» (л. 5) посвящена предупреждению совращений в «жидовство». В отличие от своего наставника, Даниил не полемизирует с еретиками, а пишет поучение с наказами пастве, как надо оберегаться лжеучений. Пафос проповедника направлен против льстивых речей лжеучителей с той целью, чтобы предупредить «живущих в простоте» от коварных слов. Лжепророков он изображает в виде волка, змеи, лисицы. В христианской культуре эти звери входили в символическое поле, означенное образом дьявола. В семантике представленных аллегорических фигур общим элементом была хитрость («лесть»), и в то же время каждый из них олицетворял черты портрета лжепророков: зло, искушение, коварство, лукавство, вероломство. Обращение Даниила к bestiariu объясняется традицией средневекового иносказания. Мотив лжепророков проходит сквозь другие Слова «Сборника». Так, во втором Слове писатель противопоставляет учителям лживым учителей истинных, праведников. В остальных главах тема лжеучений звучит рефреном в интонации авторской речи.

В творчестве Максима Грека тема лжеучений связана с полемикой, в первую очередь против латинян. Наиболее выразительна критика «лжеумышлений» в «Слове против льстиваго списания Николая Немчина» [12. С. 241–252]. Сам мотив лжепророков выполнил здесь функцию вступления к пространной обличительной речи ученого монаха. Она открыта библейской цитатой, ставшей топосом в проповеднической литературе [13. С. 21–32]: «Внемлите от лъживых пророковъ, иже приходят къ вамъ въ кожах овчихъ, внутрь же суть вльци хищници» (Мф 7:15). Максим Грек в самом начале «Слова» дал определение лживым учителям, «[...] иже преухыщреннымъ суесловиемъ прельщаютъ сердца простыхъ» [12. С. 243]. Желание защитить простых людей от «прелести» объединяет церковных писателей. К лжепророкам отнесен и Николай Булев, апологет латинской веры: «Такова познаваю и льстиваго Николая Нѣмчина» [12. С. 244]. Таким образом, если Даниил свой проповеднический дискурс построил на обсуждении вопроса «лжеумышлений» в конститутивном выражении, то Максим Грек использовал популярный мотив в качестве вспомогательного средства, инициализации авторской речи, направленной против конкретных лиц (Николая Булева и астрологов).

Подобную функцию другого мотива находим в посланиях, написанных на тему примирения. В «Послании Даниилу» Максим Грек использовал мотив со-мирения во вступительной части сочинения. Концептом послужил евангельский текст «миръ имѣте намъ межъ себе» (Мрк 9:50), развернутый в самом начале сочинения библейскими цитатами (Мф 5:24; Пс 119:6, 67:28; Деян 22:6–7; Евр 12:14; Рим 12:18). Эта система эксплицитных, по классификации М. Гардзанини, цитат, которые прямо отсылают к Священному Писанию, дала отзвук в заключительной части Послания: «Азь убо, святыи владыко, съврѣших повелѣнное намъ всѣми Святыми Писании и смиривъ себе пред Богомъ и пред тобою» [3. С. 143]. Таким образом, по принципу «кольцевой референции» [14. С. 189, 205.] встроен Максимом Греком мотив смирения в текст «Послания Даниилу». Повинуясь «завещаниям» священных слов, ученый монах выразил надежду на примирение: «Аще не краткими писмены излѣчу сие твое многолѣтное, еже о мнѣ дрѣжишь, недоброе мнѣние...» [3. С. 137]. В завершение своего послания, не надеясь на примирение и со-мирение, он напоминает о грядущем Суде: «Сам, владыко мой, узриши, егда станемъ оба

пред страшным и неумытнымъ Судиею, слово отдающе каждо о себе» [3. С. 143]. Основное содержание «Послания Даниилу» посвящено защите от хулы и клеветы.

В Окружном послании Даниила («Смиренаго Данила, митрополита всея Руси. Поучение и наказание о смирении, и о соединении, и о согласии, и о любви, и о съблюдении православныхъ вѣры и закона». РГБ. Ф. 113. Волоколамское собр. № 522. Л. 481–495) на основе мотива смирения развернута концепция строительства духовной жизни. Логика рассуждений Даниила может быть представлена по следующей модели: а) смирение (согласие) и любовь – разгласие; б) любовь и смирение (долготерпение) – ложь (шепотники и клеветники); в) любовь и смирение (соединение) – расколы и раздоры. На антитезе понятий «смирение», которое обязательно находится в одной связке с понятием «любовь», и «разгласие» строит митрополит свое поучение, покидая митрополичью кафедру в феврале 1539 г. Смысловых и концептуальных пересечений между сочинениями Даниила и Максима Грека не существует, и Даниил не подал примера реализации одного из своих тезисов: «злаго недуга разделения и разгласия очищъмся истиннымъ смирениемъ» (Волок. собр. 522, л. 483). Если в Послании Максима Грека концепт «смирение» занял сильную позицию начала текста и обеспечил устойчивость положения автора в его непростой ситуации просителя, то мотив смирения у Даниила стал стержневым и сквозным в пространных рассуждениях и послужил смысловой основой для назиданий. Если Максим Грек концепт «смирение» выводит из библейских цитат, представляя их в виде краткого связного цикла («тематического ключа»), то Даниил опирается на пространные выписки из апостольских и святоотеческих текстов (Павла, Иоанна Богослова, Ефрема Сирина и др.), т.е. референция прецедентных текстов у двух писателей не совпала. И направленность слова у них разная: ученый грек проецирует на себя идею смирения, а архипастырь обращает ее на других, на паству в первую очередь.

Вопрос о крестном знамении стал предметом обсуждения в русской публицистике второй половины XV – первой половины XVI в. в силу ряда причин [15. С. 1–13]. Даниил в обширной главе «Соборника»: «Яко приахом предания писанаа и неписанаа; и да знаменуем лице свое крестообразно; и еже на вѣстокъ обращаться въ молитвах и зрѣти, сице еже и поклоняться. Слово 4» (л. 92об.–117) изложил представления о крестном знамении как священном знаке христианской веры и правило двуперстия, опираясь на святоотеческую литературу. Но митрополит, которому отводили роль распространителя двуперстия на Руси, не сформулировал собственного высказывания на эту тему. Он привел целую систему «свидетельств» о правиле крестного знамения (цитаты и выписки из прецедентных текстов), создал собственную редакцию «Феодоритова слова», памятника XV в., открывшего тему. Главная заслуга Даниила состоит в распространении знания об истории перстосложения. Основная задача проповедника – просветить и вразумить «неразумныхъ челоукоу», важное достижение церковного писателя – создание собственной поэтической системы корреспондирования догмата в «низкую» культуру паствы.

Иная архитектоника, стилистика и модальность в «Сказании, како знаменоватися крестнымъ знамениемъ» Максима Грека [2. С. 290–292]. В одном из прижизненных списков Иоасафовского собрания (РГБ. Ф. 173. Собр. МДА/III. № 138. Середина XVI в. Л. 202об.–205об.) почерком Максима Грека к названию дописано: «и что есть сила и тлъкъ сицевому знаменованию». И заканчивает автор свое сочинение утверждением: «Такова сила есть, яко же мне мощно есть вѣдѣти, знамения Честнаго Креста». Оговорка «яко же мне мощно есть вѣдѣти» – примечательная черта авторского текста Максима Грека. Святогорец построил повествование

как ответ на просьбу («О нем же предваривъ, въпросилъ мя еси раскрыти тебѣ силу таинаго апостольскаго преданія, сирѣчь образа крестнаго»), используя нарративные материалы, предпочитая цитатам и выпискам пересказы источников. В этой свободе изложения надо видеть еще одну особенность поэтической речи писателя, тогда как Даниил говорил словами «другого», скрывая себя за «чужим» текстом (как, впрочем, и Нил Сорский).

Еще пример. Одной теме – «истицанию скверному» посвящены «Послание к некоему другу его, сѣдящу въ темници и просившу у него, како избыти от искушения сатанина, бываему истицанию скверному въ снѣ, и от скоктании стужаему, и помысловъ блудных, и от малодушиа» [3. С. 133–135] Максима Грека и текст «О целомудрии, и о чистотѣ, и о хранении девства» из Сильвестровского сборника посланий Даниила (РНБ. Софийское собр. № 1281. 60-е г. XVI в. Л. 297–327). Митрополит включил рассуждения об «истицании» в контекст темы о скверных помыслах и блуде. Приведены две версии происхождения этого греха, известные по трудам отцов Церкви (Афанасий Великий, Максим Исповедник и «инии мнози»): «безстрастно движения и истицания от телесе исходити, еже по естеству телесному комуждо» и «сие прилучится еже по естеству, а еже от сытости брашен, сирѣчь многа ядение, и много питие, и многа сна, и о празности, и игранія, и празнословія, и кошуны, и от украшения ризнаго, и от ослабления чювством». Пафос проповеди архипастыря направлен против страстей, смущающих помыслы человека.

Максим Грек в послании к некоему другу, обратившемуся к нему с «прошением», предлагает вспомнить, что «скотолѣпное распаление и послѣдующее ему ношное осквернение» бывает от тепла, сытости, гордости, а также от лукавства бесов, «разжигающихъ въ сердцихъ наших скотскую похоть». В излечении души видит инок спасение от телесного недуга и приводит в укрепление своей позиции цитаты из псалмов (Пс 34:13, 31:4, 37:7–8). Как видим, у Даниила и Максима Грека смысл наставлений, генерированных христианским вероучением, один, но референция двух писателей в разговоре на общую тему разная. Интонация, стилистика изложения, система аргументов индивидуальны в посланиях писателей.

Итак, принципиальное различие творческой лаборатории Даниила и Максима Грека состоит в том, что митрополит всегда говорит «от Священных Писаний», а Святогорец – от своего лица. Основной тон повествования Даниила – назидание, дидактика, у Максима Грека – беседа, полемика, просветительство, исповедальность. Даниил ставит себя над ситуацией, он «режиссирует» действие, а Максим Грек помещает себя внутрь действия и становится соучастником происходящего, и такая авторская позиция, видимо, обеспечила продуктивное читательское восприятие трудов писателя.

Рецепция сочинений писателей определяется особенностями их рукописной традиции. В.М. Живов ставил задачу реконструкции «внутренней систематики, присущей текстам определенной эпохи» и видел ее решение в определении параметров интенции автора и в изучении литературной истории его сочинений, тогда «место в литературном процессе произведений определяется характером их рецепции» [16. С. 608–609].

Рукописная традиция литературного наследия Даниила и Максима Грека представляет разные картины. «Соборник» Даниила известен всего в пяти списках: два списка XVI в. (один из них прижизненный), три – XVIII в. (связаны

с традицией страобрядческой книжной культуры)¹⁰. Текстологический анализ показал удивительную устойчивость истории текста митрополита. Ограниченное распространение сочинений Даниила говорит об отсутствии большого интереса к его слову и самому автору. Ни авторитет главы Русской церкви, ни митрополичий скрипторий, ни традиции волоколамской книжности не оказали большого влияния на судьбу литературного наследия писателя. Может быть, причина кроется в самой личности Даниила, вызывавшей у многих его современников неприятие. Гневные осуждения нравов человеческих, высмеивание человеческих слабостей, настойчивые и назойливые назидания митрополита, видимо, не находили у читателей душевного отклика.

Рецепция трудов Макама Грека, напротив, очень сильная. Этому способствовали многообразие тематики его сочинений, широта интересов, четкость позиции, убедительность рассуждений, высокая культура слова и сам удачный авторский опыт формирования рукописных собраний. На популярность трудов ватопедского инока, вероятно, влиял его образ мученика.

Практика составления избранного Максима Грека была продолжена русскими книжниками. Во второй половине XVI – начале XVII в. появились новые собрания сочинений писателя, составленные с позиций редакторов: Соловецкое собрание, собрание Ионы Думина, Троицкое, Собрание в 112 глав (Парижское), Синодальное, Полное (в 151 главу), Поморское (XVIII в.), собрания в единственном списке. Число сочинений Святогорца, дошедших в составе сборников смешанного состава, пока вовсе не учтено. Феномен формирования сборников обусловлен заложенной автором идеей собирания и систематизации своих сочинений.

Своеобразно рецепция творчества двух писателей выразилась в «Слове ответном Николаю Немчину» (списки 80-х годов XVI в.), которое книжником приписано Максиму Греку. Этот компилятивный текст, текст-монтаж, составленный из фрагментов посланий Максима Грека Федору Карпову, сочинений Никиты Стифата, Никиты Никейца и других [5. С. 137–178], заканчивается фрагментом, в котором якобы Максим Грек дал похвальную характеристику Даниилу:

«Егда же разумом просвѣщенъ будеши, господина и учителя Данила, митрополита всея Руси, о том воспросиши, тои ты научить всю истину, зане аз неученнѣ и нераздунѣ, варварскимъ и дебелимъ словомъ списах; тои своим учением просвѣтит и возвѣстит тебѣ. Тогда откровеннѣ узриши, колико отстоит солнце от луны во свѣтлости, толико отстоит онъ от нас благодатию и разума свѣтом. Тогда луну отринеси и солнцу прилѣпишися [...] Егда изящнаго разума Христова закона доктора святаго митрополита многими сообщена художества узриши, любезнѣ слышати имаши, – пощади, честны друже, малословию и трости моеи буе...» [12. С. 386].

Очевидно, книжник, в восприятии которого писатели принадлежали одной эпохе и поднимали общие вопросы, пытался «помирить» Даниила и Максима Грека. В их примирение поверила наука XIX–XX вв., но последние исследования памятника решили вопрос его атрибуции: «Слово ответно Николаю Немчину» ученому греку не принадлежит [12. С. 44–48; 5. С. 137–167].

Единственная подлинная характеристика Святогорца дана митрополиту в «Послании Даниилу»: «Ты же, якоже таиноучитель, и строитель таинъ Святаго Духа, и небеснаго жительство рачитель, и ученикъ кротчайшаго Иуса [...]

¹⁰ РГБ. Ф. 173. Собр. МДА/І. № 197. 30-е гг. XVI в.; РНБ. F.1.522. Вторая половина XVI в.; ГИМ. Собр. Хлудова. № 87. Первая четверть XVIII в.; ГИМ. Синодальное собр. № 985. Вторая четверть XVIII в.; ГИМ. Собр. Уварова. № 730. Середина XVIII в.

разори многолѣтное твое еже на мя негодование и покажи къ мнѣ, бѣдному, священную любовь[...]» [3. С. 141]. Она этикетна и в то же время удивительно точна: все творчество Даниила посвящено распространению знаний христианского учения с помощью «свидетельств от Божественных Писаний», рассуждениям о тщетности земной жизни, греховности мира и наставлениям о «мысленном делании» и Царствии Небесном.

Каждый писатель выполнил свою роль в эпистемологическом сдвиге книжной культуры XVI в. «Соборник» Даниила находился на переходе от опоры на достоверное знание к личному наследию. Кодексы Максима Грека — от опоры на личное наследие к новому знанию. Но вместе они привели публицистику к открытию перспектив ее развития.

Максим Грек, освоивший «шумящий» (как он его называл) русский язык, безусловно, связал московскую культуру слова со славянским возрождением. Обращение к ранним христианским ценностям, практика перевода священных книг и отношение к слову Писания афонского монаха в какой-то степени повторилось в творчестве словенского книжника XVI в. Приможа Трубаря [17]. Явление этих двух писателей Н. Зайц рассматривает как «высочайший пример творчества на славянском языке» [18. С. 231].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Судные списки* Максима Грека и Исака Собака / Изд. подг. Н.Н. Покровский; ред. С.О. Шмидт. М., 1971.
2. *Преподобный Максим Грек*. Сочинения. М., 2014. Т. 2.
3. *Журова Л.И.* Авторский текст Максима Грека.: рукописная и литературная традиции. В 2-х ч. Новосибирск, 2011. Ч. 2. Сочинения.
4. *Журова Л.И.* «Наказания» в структуре Слов «Соборника» митрополита Даниила // Сибирский филологический журнал. 2014. № 3.
5. *Журова Л.И.* Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции. Новосибирск, 2008. Ч. 1.
6. *Филарет* [Гумилевский]. Максим Грек // Москвитянин, журнал, издаваемый М. Погодиным. М., 1842. Ч. 6. № 11–12.
7. *Алексеев А.И.* Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510-х гг. СПб., 2010.
8. *Журова Л.И.* «Соборник» митрополита Даниила в поэтической системе авторских сводов XVI в. (функции предисловий и заглавий) // Археографические и источниковедческие аспекты в изучении истории России. Сб. научн. тр. Новосибирск, 2016. Вып. 34. Археография и источниковедение Сибири.
9. *Журова Л.И.* Авторская правка в истории текста Максима Грека // Исторические источники и литературные памятники XVI–XX вв. Развитие традиций. Сб. научн. тр. Новосибирск, 2004. Вып. 23. Археография и источниковедение Сибири.
10. *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.
11. *Иконников В.С.* Максим Грек и его время. Историческое исследование. Киев, 1915.
12. *Преподобный Максим Грек*. Сочинения. М., 2008. Т. 1.
13. *Ранчин А.М.* О топике в древнерусской словесности: к проблеме разграничения топосов и цитат // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 3 (49).
14. *Гардзанити М.* Библейские цитаты в церковнославянской книжности. М., 2014. (Сер. Slavia Christiana).
15. *Журова Л.И.* Слово четвертое «Соборника» митрополита Даниила в контексте сказаний о крестном знамении // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 1.
16. *Живов В.М.* Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. I. Древняя Русь.
17. *Zajc N.* Krogozor slovanske besede: preizkušnja renesančnega humanizma skozi prerez opusov besedil Primoža Trubarja in Maksima Greka. Ljubljana. 2011.
18. *Zajc N.* Slovanska podoba besede: sile upodabljanja v nekem slovanskem jeziku XVI. Stoletja. Ljubljana. 2012.

© 2017 г. В.В. КАЛУГИН

КНИГИ ПРОРОКОВ В БИБЛИИ МАТФЕЯ ДЕСЯТОГО 1502–1507 ГОДОВ

Данные текстологии и языка со всей определенностью указывают на русский оригинал Толковых пророчеств (далее – ТП) в Библии Матфея Десятого 1502–1507 гг. Эта рукопись имела общий протограф с другими русскими списками ТП, сохранившимися с конца XV в., и через него восходила к восточнославянскому кодексу 1047 г. по па Упыря Лихого. Матфей Десятый взял за основу Книгу пророка Даниила (далее – Дан) в редакции ТП и серьезно переработал ее текст. Целью редакторской работы было адаптировать древний болгарский перевод для читателей. Источниками правки были мефодиевский перевод Дан, компиляция по всемирной истории, имевшая общий протограф с Архивским и Виленским хронографами, а также «Еллинский летописец» Второй редакции. Источники и характер этой правки оставались до сих пор невыясненными.

Textology and the language evidently testify, the Prophecies («Толковыe prorochestva») in the Bible of Matfei Desyatyi of 1502–1507 are of Russian origin. This manuscript had a protograph common with other Russian copies of the Prophecies survived from the late fifteenth century and through it went back to the eastern-Slavic codex of 1047 of the priest Upry' Likhoi. Matfei Desyatyi took the Book of Prophet Daniel and overworked its text. The goal of the editor's work was to adapt the ancient Bulgarian text for the readers. His sources were Method's translation of the Book of Prophet Daniel, compilation from the general history, which had a common protograph with the Archivskiy and Vilenskiy chronographs as well as the second edition of the «Hellenic annalist» («Ellinskiy letopisets»). The sources and character of this correcting have been unclear until now.

Ключевые слова: архетип, протограф, список, текст, разночтения, редакция.

Keywords: archetype, protograph, copy, text, alternative readings, version.

Предварительные замечания. Библия Матфея Десятого – выдающийся памятник древнерусского книжного искусства и важный этап в восточнославянской истории Св. Писания. Она отразила книжные традиции Московской и Литовской Руси, Сербии и Западной Европы. Биография Матфея Десятого изложена им самим в Библии, в особой статье [1. Л. 476об.–477об.]. Матфей родился в Торопце (на западе совр. Тверской обл.) и был десятым сыном Иоанна и Елены. Семья была религиозной и книжной. Родители, девять братьев и три сестры приняли постриг. Только Матфей Десятый остался в миру [1. Л. 476об.]. Он перебрался в Вильно и поступил на службу писарем.

Калугин Василий Васильевич – д-р филол. наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Русская рукописная Библия Матфея Десятого 1507 г. Подготовка издания» (проект № 16-04-00276).

Со временем им овладела мысль составить библейский кодекс и дать его вкладом на помин души, своей и родителей. Матфей Десятый оставил службу и занялся Библией. На ее изготовление ушло почти пять лет. Работа началась в 1502 г. в Вильне и была закончена 21 февраля 1507 г. в Супрасльском Благовещенском монастыре возле Белостока (ныне на северо-востоке Польши) [1. Л. 477]. В супрасльский период у Матфея Десятого появился помощник. По наблюдениям М.Н. Сперанского, большую часть книги переписал Матфей Десятый, а меньшую, некоторые новозаветные тексты – его помощник: л. 299–303об. (кроме последних шести строк на л. 303об.) и л. 478–542об. [2. С. 92. Сн. 1].

Матфей Десятый был хорошо знаком с письменностью Московской Руси и ее книжными новинками конца XV в. В Библии, в автобиографической заметке, он зашифровал свое имя и прозвище редким способом – литореей в квадратах. Литорея в квадратах – русское изобретение конца XV в. [3. С. 107]. Она почти не употреблялась на практике. Едва ли не единственный пока известный случай – криптограмма Матфея Десятого [1. Л. 477об.; 3. С. 106].

Толковые пророчества в Библии Матфея Десятого и проблема их оригинала. В сборнике Матфея Десятого Новый Завет представлен полностью, а Ветхий Завет – фрагментарно и часто в своем литургическом виде – в извлечениях из Паримийника [4. С. 201]. По объему Книги пророков с пропущенными толкованиями занимают центральное место в ветхозаветном отделе Матфея Десятого. Примечательно, что в его кодексе многие библейские книги расположены не по порядку. Пророчества оказались в начале рукописи [1. Л. 3–122], хотя их обычное место после учительных книг. Псалтырь перенесена со своего места после Книги Иова в самый конец ветхозаветного отдела. В Новом Завете Апокалипсис, неполный, предшествует Апостолу. Скорее всего, Матфей Десятый подбирал тексты в сборник по мере их переписывания и, следовательно, занимался Книгами пророков в начальней, виленский период своей работы.

По мнению П.А. Лаврова, перевод Толковых пророчеств (далее – ТП) в списке Матфея Десятого «тот же, что и в рукописи с записью Упыря Лихого (1047 г.)» [2. С. 104]. После переезда в Супрасльский монастырь Матфей Десятый работал с сербскими оригиналами. Б.М. Ляпунов справедливо считал, что последняя часть книги, Псалтырь и Новый Завет, «могла быть списана с текста сербской или смешанной редакции». На это указывают орфография по преимуществу с одним **ь**, почти полное отсутствие **ж** (хотя в предшествующих частях используются даже **жъ**, **ѡъ**), удвоение **ь** в окончании существительных в форме род.п. мн.ч.: **сѣльь**, **врагьь**, **ѡ начат'къь** [1. Л. 191, 202, 202об.], слово **мьчь** с **ь**, ср. серб. *мѣч* (в других частях *мѣчь*) [2. С. 112].

А.А. Алексеев полагает, что текст ТП в Библии Матфея Десятого «не восходит к протографу Упыря Лихого» [4. С. 201], а, «как кажется, представляет собою промежуточную форму между южнославянской и восточнославянской ветвями» [4. С. 165]. Дело в том, что «южнославянский список РНБ, F.I.3, а также сербский список XVI в. Хлудова 1 и сборник 1502–1507 гг. Матфея Десятого (восточнославянская копия с сербского оригинала) содержит начало книги пророка Иеремии (1: 1–2: 12), отсутствующее в других рукописях Толковых пророков. Создается впечатление, что этот пассаж относится к числу четых мефодиевских переводов» [4. С. 165].

но не весь, а только в маленькой части, да и то с лакунами (Иер 1: 1–8, 11–17, Иер 2: кон. 1–12).

Это добавление находится уже в московской рукописи 1489 г. [19. Л. 288–289]. Источником вставки был не четий перевод, а богослужебный Паримийник [6. С. 103]. Неполнота восстановленного фрагмента объясняется литургическими особенностями Паримийника, в котором ветхозаветные книги приводятся в отрывках. В Паримийнике главы Иер 1–2 даны не полностью, а с пропусками. Здесь не хватает стихов Иер 1: 9–10, 18–19, почти всего стиха Иер 2: 1 и более двух третей второй главы (Иер 2: 13–37). Границы пропусков в начале Иер в ТП приходятся на три разных паримийных чтения. В Библии Матфея Десятого этот текст полностью совпадает с восточнославянскими списками ТП и вместе с ними отличается от сербской рукописи [1. Л. 90–90об.; 20. Л. 253–254об.].

Таблица 1. Разночтения во вставке Иер 1–2 по Паримийнику

<i>Библия Матфея Десятого и восточнославянские ТП</i>	<i>Сербские ТП</i>	<i>Списки Паримийника</i>
1. <i>к' немѣ глѣ</i> (Иер 1: 4) [1. Л. 90; 8. Л. 274об.; 11. Л. 302об.; 12. Л. 373а; 13. Л. 192; 14. Л. 176об.; 19. Л. 288; 21. Л. 286б; 22. Л. 273г].	<i>кѣ мнѣ глѣ</i> [20. Л. 253].	<i>кѣ немѣу глѣ</i> [23. Л. 168об.]; <i>кѣ мнѣ глѣ</i> [24. Л. 102; 25. Л. 13], греч. πρὸς με λέγων.
2.1. <i>и рѣ гѣ ко мнѣ ѿ лица сѣвера</i> (Иер 1: 14) [1. Л. 90; 8. Л. 274об.; 11. Л. 303; 13. Л. 192; 14. Л. 176об.; 19. Л. 288; 21. Л. 286в; 22. Л. 274а]. 2.2. Пропущено [12. Л. 373б].	Пропущено [20. 253об.].	<i>и рѣ кѣ мнѣ ѿ лица сѣверѣ</i> [24. Л. 102; 25. Л. 13об.]. Пропущено [23. Л. 168об.], так как писец или его предшественник перескочил глазами с одного слова <i>сѣвера</i> (Иер 1: 13) на такое же в следующем стихе.
3. <i>в' сѣни смѣртнѣ. и в' землѣ в' нейже не проиде в' нем мѣжь</i> (Иер 2: 6) [1. Л. 90; 8. Л. 275; 11. Л. 303об.–304; 12. Л. 373в; 13. Л. 192об.; 14. Л. 177; 19. Л. 288об.; 21. Л. 286г; 22. Л. 274б].	<i>въ сѣни смѣртнѣни въ нѣиже не проидѣ моѣ</i> [20. Л. 254].	<i>в сѣни смѣртнѣни. и въ землѣи в нейже не приде въ нѣ мѣжь</i> [23. Л. 169об.]; <i>въ сѣни смртнѣ, и в землѣи в' нѣиже не прииде моѣжь</i> [25. Л. 14].

Позднее, но в том же в XVI в. один из читателей Библии обнаружил пропуски в паримийных чтениях. На нижнем поле л. 90 он написал недостающие стихи Иер 1: 9–10, а на верхнем поле – новое окончание стиха Иер 1: 17 (старое окончание в тексте зачеркнуто киноварью) и стихи Иер 1: 18–19. Кроме того, он сделал мелкие поправки в Иер 1. В языке приписок встречаются восточнославянизмы *тобѣ, я* (Иер 1: 17, 19) и типичный для Литовской Руси глагол *докнуѣса* ‘коснулся’ (Иер 1: 9), ср.: ст.-польск. *dotknąć się* и ст.-чеш. *dotknuti se*.

Еще одна вставка мала по объему, но является важной текстологической приметой. Она известна лишь немногим рукописям. Среднеболгарский список ТП конца XIV в. и его славяно-молдавская копия 1474 г. восполняют пропуск Иер 52: 1 (сразу же после Иер 45: 1–5, толк.), причем

весь стих написан киноварью [18. Л. 166об.; 26. Л. 24об.]. Эту вставку знают некоторые русские экземпляры ТП конца XV в. и Библия Матфея Десятого. Замечательно, что и в этих источниках стих Иер 52: 1 также выделен киноварью [1. Л. 100; 10. Л. 326об.; 17. Л. 440об.; 27. Л. 215–215об.]. Южно- и восточнославянские рукописи расходятся между собой только в указании на возраст последнего иудейского царя Седекии. Стих Иер 52: 1 совпадает с 4 Цар 24: 18. Согласно обеим библейским книгам, Седекии был 21 год, когда он воцарился. Этот возраст называют южнославянские ТП: **сѣциѸ вторѡѡмоу (вторѡѡмоу [26. Л. 24об.]) лѣтоу. ти ѣдиномоу (21 год) седекѣиннѸ...** [18. Л. 166об.; 26. Л. 24об.], но русские списки считают иначе: **сѣцию ѣдиномоу лѣтоу ти (синонимичная замена архаизма на и [27. Л. 215]) ѣдиномоу на десѣте (1 год и 11 лет) седекѣиноу...** [17. Л. 440об.; 1. Л. 100; 10. Л. 326об.; 27. Л. 215]. Особое чтение, характерное для редкой группы русских рукописей, повторяет и Матфей Десятый.

Матфей Десятый поместил в Библии небольшой словарик-указатель «От пророчеств пословици», составленный на основе маргиналий, разночтений в других списках ТП и выписок из толкований. По многочисленным глоссам и некоторым особенностям основного текста словарю Матфея Десятого близки некоторые русские рукописи ТП конца XV–начала XVI в. [10; 27–28]. Особенно много совпадений с новгородским, геннадиевским списком 90-х годов XV в. со вставленными новыми переводами Вениамина из Вульгаты (Иер 1–25, 46–48: 17 и 48: 17–52: 3) [10. Л. 272–301об., 301об.–303об., 350–358]. В этих источниках примечательны гебраизмы конца XV в. и уточнения библейской топографии, например: **КѢ Рааѣсинѣ; реѣинѣ црѣ** (Ис 7: 8) [1. Л. 123об.б; 10. Л. 73; 27. Л. 64; 28. Л. 163об.], **Амеѣвъ [=самеѣвъ]; шемаи: дѣ** (Иер 26: 20) [1. Л. 124в; 10. Л. 231об.; 27. Л. 188 об.], **а Ховарѣ; Кеварѣ** (Иез 1: 1) [1. Л. 124б; 10. Л. 146 (ошибочно харивѣ); 27. Л. 119 (маргиналия перенесена в основной текст)] и др.

Эти глоссы, общие для небольшой группы списков, появились в ТП, видимо, не ранее конца XV в. Матфей Десятый не был их автором. Он работал с уже прокомментированными ТП и, перенося маргиналии в свой словарик, иногда ошибался, неправильно соотносил толкования с библейским текстом и не всегда понимал значения гебраизмов. Так, Матфей Десятый объединил в одном толковании две разные глоссы и отнес их к холму Гарив на западной стороне Иерусалима: **дѣ до моголѣ; до хѣма; пѣна** (Иер 31: 39) [1. Л. 93об., 124в; 10. Л. 304об.]. Однако **пинна** — гебраизм в значении ‘угол’. Он уточняет вполне корректный церковнославянский перевод **до врат ѡугѡльный** (на северо-западе Иерусалима) в предшествующем стихе (Иер 31: 38) [1. Л. 93об., 124в; 10. Л. 304об.]. Объясняя выражение **вѡдѣ** (в др. сп. **воды**) **сѣлоа.мла**, Матфей Десятый также объединил две соседних глоссы: **кѣ воды; рѣка ѣного** (Ис 8: 6) [1. Л. 35об., 123об.б]. В геннадиевской рукописи здесь две приписки: **рѣкъ** (разночтение **рѣка** [28. Л. 164]) относится к **воды**, а **ѣно** без знаков сноски стоит напротив следующего стиха (Ис 8: 7) [10. Л. 74об.].

Маргиналии и разночтения в указателе — неопровержимые доказательства того, что Матфей Десятый работал не с одним, а с разными русскими рукописями ТП не ранее конца XV в. Во всяком случае, его Книги пророков связаны с южнославянской традицией опосредованно, через русские списки. Предположение об использованном им сербском оригинале Пророков не подтверждается ни текстовыми, ни языковыми особенностями его списка.

Правка по мѳодіевскому переводу Книги пророка Даниила. Истории Дан в древнеславянской письменности посвящено фундаментальное исследование И.Е. Евсеева [29]. Однако Библия Матфея Десятого не привлекла его внимания, хотя И.Е. Евсеев рассматривал Дан в составе библейских кодексов и ее бытование в письменности Литовской Руси. Между тем Дан в Библии Матфея Десятого является уникальным источником. Матфей Десятый предстает перед нами совершенно неизвестной стороной своего творчества. Он был не только замечательным писцом-каллиграфом, лексикографом, но и книжным редактором. Матфей Десятый взял за основу Дан в редакции ТП и серьезно переработал ее текст. Источники и характер этой правки оставались до сих пор невыясненными. Правка велась главным образом по переводу Дан, который атрибутируется славянскому первоучителю Мефодию [29. С. XV–XXXII, XLVII, LIX–LX, LXX, 2–164, 180, 182], но привлекались и другие материалы. Поэтому редакция Матфея Десятого может быть названа Контаминированной.

Мефодиевский перевод не был распространен. Он дошел до нас в составе Архивского (60-е годы XV в.) и Виленского (первая треть XVI в.) хронографов [29. С. XV, XLVII; 30. Л. 10а–478б]. Судя по языковым и текстовым особенностям, обе эти рукописи и их протограф были созданы в Литовской Руси [31. С. 30–32; 32. С. 47–49]. По свидетельству Ф. Добрянского, Хронограф поступил в XIX в. в Виленскую публичную библиотеку «из Супрасльского монастыря» [33. С. 247] (БАН Литвы, Фонд церковнославянских и русских рукописных книг F19–109 [34. С. 42–43]). По составу этим двум спискам близок Варшавский хронограф конца XV–начала XVI в. (Варшава, Национальная библиотека, BOZ 83), но он заканчивается на 2 Цар 1–21 и не содержит Дан [35. С. 137, 139–140; 36. С. 29–30, № 5].

Один из списков этой компиляции по всемирной истории знал Матфей Десятый. Он основательно исправил и дополнил Дан по мѳодіевскому переводу. Вот типичный пример его редакторской работы: *и вхожахъ вси мѳри къ црѳю. и не можахъ писанїа прочести. ни сказанїа повѣдати црѳю* (вм. въписаниѳ почисти. ни разжама црѳю възвѣстити). *црѳъ же валтасаръ възматеса. и образъ* (вм. озрьчь) *ѳго измѣниса на не. и велможа ѳго смущахъса* (вм. мѳцаахуъса). *и црѳа прѳмо словеса црѳвы и велможѳ ѳго в допѳра вниде* (вм. вниде въ храмъ пиръный). *и ѳвѣща црѳа и рѳ. црѳю в вѣкы жиѳи. да не смущаю* (вм. моутатъ) *тебе помышленїа* (вм. размышленїа) *твоя. и образъ твоѳ* (вм. озрьчь твоѳ) *да са не измѣнѳ* (Дан 5: 8–10) [1. Л. 115об.; 29. С. 84].

Матфей Десятый внес по мѳодіевскому переводу много дополнительных чтений в редакцию ТП. Вот один из примеров: *власть ѳго до конца поѳмле; Тоѳа црѳъ рѳ, поклонѳте живущен по все земли вѳж даниловж. и иѳбавле, и твори знаменїа и чѳдеса на небеси, и на земли. и иѳбави данила ѳ оустъ лвовъ: Данилъ исправиса* (так в Виленском хронографе, в Архивском – иѳгрависа [30. Л. 298б], в ТП – оуправи) *въ црѳвѳ дарѳевѳ; и въ црѳви кѳра персаго* (вм. кѳра персина) (Дан 6: 26–27) [1. Л. 116об.; 29. С. 102].

Разночтение *исправиса* в правке совпадает с Виленским хронографом, но и он не был непосредственным источником Контаминированной редакции. Это видно, например, из следующей правки: *дарѳи повелѳ написати заповѳ* (вм. въписаниѳ и заповѳдь): *Данилъ ѳга очюти. ѳа написана въ заповѳ* (вм. оуѳвѳдѳ. ѳако заповѳдь въчиниса). *вниде в двѳ свои. и Оконца ѳверста* (вм. двѳрьца же оѳтѳврьсты) *ѳмѳ в ногатѳи* [маргиналия

по мѳодіевскому переводу: на горніца̑ ѿго (Дан 6: 9–10) [1. Л. 116; 29. С. 96]. В Виленском же хронографе начало десятого стиха испорчено: данилъ сего да не учютиль [29. С. 96]. И другие текстовые особенности Контаминированной редакции указывают на то, что у Матфея Десятого была рукопись Хронографа, имевшая отличия и от Архивского, и от Виленского списка.

Особенно обширна лексическая правка. Матфей Десятый тщательно сравнил свои источники и сделал по мѳодіевскому переводу многочисленные замены отдельных слов и выражений: не забѣ ли ты напи́са вѣ. не зарокъ ли ты бѣ оучинилъ (Дан 6: 12) [1. Л. 116; 29. С. 96], въ іаму къ лѣво вѣ ровъ лѣвсѣкъ (Дан 6: 16) [1. Л. 116об.; 29. С. 98], коснѣса вѣ приколесеса (Дан 9: 21) [1. Л. 117; 29. С. 130], вразжмі ма вѣ наказа ма (Дан 9: 22) [1. Л. 117; 29. С. 130], наставити та разжму вѣ оустройти тебѣ разжмъ (Дан 9: 22) [1. Л. 117; 29. С. 130], видѣнїа вѣ дзрьчь (Дан 10: 6) [1. Л. 117 об.; 29. С. 136], въста̑ трепеца вѣ въстахъ съ троусѣмъ (Дан 10: 11) [1. Л. 117 об.; 29. С. 140] и др.

Некоторые слова, главным образом устаревшие, непонятные или неточные по мнению редактора, объясняются общепринятыми книжными синонимами в киноарных маргиналиях. В глоссах на полях рукописи часто используются варианты чтения мѳодіевского перевода. Так, в основном тексте *вождѣ* – маргиналия *иръ* (Дан 4: 10) [1. Л. 113; 29. С. 70] (в Виленском хронографе после *иръ* добавлено: *то анѣтъ то ангелъ* [29. С. 70]), *протѣвжъ съвѣсти* – *прѣ свѣщею* (Дан 5: 5) [1. Л. 115; 29. С. 82], *вождрета* – *мѣдрвствъ* (Дан 5: 11) [1. Л. 115об.; 29. С. 86], *въ ногатїци* – *на горніца̑* (Дан 6: 10) [1. Л. 116; 29. С. 96], (*црь*) *ѣллінскъ* – *греческъ* (Дан 8: 21) [1. Л. 115; 29. С. 120], *скрежѣва̑* (в др. сп. *кръжъдевахъ*) – *волѣхъ* (Дан 8: 27) [1. Л. 115; 29. С. 122], *сѣмїць* – *нѣль* (Дан 9: 24) [1. Л. 117; 29. С. 130], (*на земли*) *гавейръ* – *сѣвѣстѣн* (Дан 11: 16) [1. Л. 118об.; 29. С. 152] и т.п. Бывает и наоборот. Гречизм *и на лѣву*, внесенный из мѳодіевского перевода в Контаминированную редакцию, прокомментирован на поле исходным чтением ТП: *и на востѣ* (Дан 8: 4) [1. Л. 114об.; 29. С. 116], греч. *καὶ λίβα* от *λίβη* ‘юго-запад’ [29. С. 117; 37. С. 119–120].

Целью редакторской работы было адаптировать древний болгарский перевод для читателей, сделать его понятным, простым и связным. Руководствуясь этими соображениями, Матфей Десятый восполнял пропуски, делал добавления и лексические замены, избавлялся от устаревших и малопонятных слов и грамматических форм. Дан переработана неравномерно. В зависимости от качества перевода и редакторских установок одни главы исправлены в большей степени, другие – в меньшей (Дан 10, 11). Главы 1, 2, 13 подправлены лишь слегка. Языковая правка показывает, что Матфей Десятый работал не с самим Архивским или Виленским хронографом, а с другим списком памятника, отличавшимся от них рядом разночтений.

Структурные изменения и хронографические вставки. Содержание канонических текстов Дан разделяется на две части: историческую (гл. 1–6) и пророческую (гл. 7–12). Такая структура имеет свою логику, но нарушает хронологию событий. Поэтому еще в архетипе Архивского и Виленского хронографов были сделаны перестановки в Дан, восстановившие хронологическую последовательность. Главы расположены в таком порядке: 1–4, 7, 8, 5, 6, 9–12: 1–5 (1-я пол. стиха), 14: 31–32. В обоих списках Хронографа мѳодіевский перевод неполон, так как он был переработан редактором в их общем источнике. Некоторые тексты отсутствуют: Дан 1: 1–2; 9: 5–19; 12: 5 (2-я пол. стиха)–13; 13–14: 30, другие даны в пересказе [29. С. XV, LX; 38. С. 335]. В таком же измененном порядке стоят главы в редакции Матфея Десятого, но Дан приведена полностью

и начинается она, как и в ТП, историей Сусанны и старцев (Дан 13), которая служит своеобразным введением ко всей книге.

Средневековые хронисты любили Дан и широко использовали ее в своих трудах. Она вошла, например, в Полную хронографическую палею, Троицкий и Тихонравовский хронографы, а также (с отрывками из Толкований Ипполита Римского) в «Еллинский летописец» Второй редакции (далее – ЕЛ) [29. С. IX, XLIX, LXVIII, № 43; 39. С. 285–286, № 19, 29, 30, 33, 39; 40. С. 13–15, 188, примеч. к с. 28–40, 48–51, 54–55, 57–58, 58–61]. Матфей Десятый использовал ЕЛ в своей работе, главным образом, как источник исторических примечаний.

Дело в том, что в редакции ТП Дан не имеет комментариев. Толкования на эту книгу существовали в отдельных списках и принадлежали Ипполиту Римскому. Матфей Десятый обратился к Хронографу и ЕЛ, так как его интересовали не церковно-учительные рассуждения Ипполита Римского, а историческое содержание книги. Понимая трудность ее чтения без специальных пояснений, Матфей Десятый сделал несколько хронографических вставок. (Эти примечания имеют нередко ошибочный и легендарный характер, и в дальнейшем они нами не комментируются.) П.А. Лавров обратил внимание на две вставки на л. 120 и 121об., но не определил их источников [2. С. 92–94].

После Дан 3: 97 приведен отрывок (чуть более 12 строк) с пометой-глоссой «Из Царств» о грандиозной перестройке Вавилона Навуходоносором II, о висячих садах, разбитых во дворце царя для его жены [1. Л. 112об.; 29. С. 68; 30. Л. 293в–г].

Таблица 2. Вставка из Хронографа и глосса из ЕЛ

<i>Архивский хронограф</i>	<i>ЕЛ Второй редакции</i>	<i>Матфей Десятый</i>
1. црѣтова... навуходносорѣ црѣ. лѣтъ к. ѿ. д. тѣи іерлѣмомѣ овлада. ѿ гра великыи вавилонѣ сѣздавѣ. ѿ плѣны жъженыа [30. Л. 293в].	царьствова... и Навходъ- носорѣ 20 и 4 лѣта. Тѣи Иерусалимомѣ овлада 17 лѣт. И град великыи Вавилонѣ сѣздавѣ плѣтами жъжеными [41. С. 42].	Навуходносорѣ црѣтова лѣтъ, кд. ѿ тѣ іерлѣмо овлада (маргиналия <i>ѣі лѣтъ</i>). ѿ гра великыи вавѣлонѣ сѣздавѣ, ѿ плѣны жъженыа [1. Л. 112об.].
2. въ восхо людѣмъ своимъ сѣтвори. ѿ искрѣ же града ископа ѣзеро. ѿ сѣзда стѣну ѿкроугѣ ѣго [30. Л. 293г].	въсход и исход людѣмъ своимъ. Сѣтвори же влизѣ града и ископа озе- ро, и сѣзда стѣну около ѣго [41. С. 42].	ѿ въсхо людѣмъ своимъ сѣтвори. ѿ искрѣ града ископа ѣзеро. ѿ сѣзда стѣну ѿкроугѣ ѣго [1. Л. 112об.].

Основным источником вставки была рукопись, подобная Архивскому хронографу, но в киноварной маргиналии *ѣі лѣтъ*. использовано чтение ЕЛ. Такое же число лет указано в Полной хронографической палее [42. Л. 392б], а в Тихонравовском и Троицком хронографах всего *ѣ. лѣтъ* [43. Л. 351; 44. Л. 255б].

И в других случаях оба эти источника, ЕЛ и хронографическая компиляция, сравнивались между собой при составлении исторических примечаний. После Дан 4: 34 помещена маленькая связующая вставка о вавилонских царях после Навуходоносора II.

Таблица 3. Работа по двум источникам

<i>Архивский хронограф</i>	<i>ЕЛ Второй редакции</i>	<i>Матфей Десятый</i>
1. ѿ по навхѣносорѣ црѣтѣвова оулемарда. ѿже ѿ евла снѣ его лѣтъ ̅. ѿ ѿхонню раздрѣши ѿ оузѣ. сътвори его ясти съ собою...	По Навходоносорѣ же царствова сынъ его Улемардах лѣтъ 5. Тъни Охонню раздрѣши отъ ѿзѣ и сътвори его ясти съ собою...	По наѣхѣносорѣ. Црѣтѣвова снѣ оулемарда, ѿ ѿ евла. снѣ его. лѣтъ, ̅. ѿ ѿхонню раздрѣши ѿ оузѣ. ѿ сътвори его ясти съ собою:
2. По саоульмадра (так!) же црѣтѣвова. в лѣтъ валтасарѣ лѣтъа трѣи [30. Л. 295а].	По Улемардасѣ царствова братъ его Валтасарѣ, вторымъ сынъ Навходоносоровъ 3 лѣтъа [41. С. 45].	По леоулардасѣ (так!) црѣтѣвова бра ѿго валтасарѣ вторымъ снѣ наѣхѣносоровѣ ̅ лѣтъ: [1. Л. 113об.].

У Матфея Десятого первое сообщение об Улемардахе совпадает с Архивским хронографом и расходится с ЕЛ (кроме необходимого уточнения снѣтъ, добавленного, кажется, из ЕЛ). Второе известие о Валтасаре повторяет чтение ЕЛ, но с ошибкой в имени Улемардах. После Дан 5: 29 на книжных полях добавлен легендарный рассказ с пометой «От Царств» о случайном убийстве вавилонского царя Валтасара его телохранителем Дарием Мидянином, не узнавшим ночью своего господина, и захвате им царской власти [1. Л. 116]. Приписка в Библии Матфея Десятого почти дословно совпадает с версией Троицкого хронографа [44. Л. 266г–267а] и отличается некоторыми чтениями от этого же рассказа в Полной хронографической палее и Тихонравовском хронографе [39. С. 243, № 90, 263, № 34; 42. Л. 397а; 43. Л. 373–373об.; 45. С. 99].

Особенно показательны такие совпадения, как снѣтъ саѿириѣ и стрегѣщѣ ѿ ѿ сѣни [1. Л. 116; 44. Л. 267а], в Троицком хронографе – в сини. В Тихонравовском хронографе и Полной хронографической палее иначе: снѣтъ оусарниѣвъ (ноуировѣ) и стрегѣщи (-щій) ѿго войни [43. Л. 373; 42. Л. 397а].

Вставка написана беглым полууставом, современным Библии Матфея Десятого. Почерки основного текста и маргиналии различны, но между ними есть и определенное сходство, особенно заметное в некоторых специфических начертаниях. Это грецизированная ѣ, ѣ с очень тонким прямым штрихом вверху влево (на шестой строке снизу в основном тексте и второй строке снизу во вставке), частая ѿ вм. ѿ после букв согласных и др. Орфография приписки восточнославянская, причем писец произносил предлог въ [v] перед согласным как неслоговое [v]: ѿ велѣцѣ страѣ.

После Дан 9: 27, в конце главы, добавлено легендарное сообщение (одна строка с небольшим) об убийстве Дария Киrom и его женитьбе на вдове Дария Дардане [1. Л. 117об.]. Источник вставки пересказан и приспособлен применительно к библейскому тексту. Версии Матфея Десятого наиболее близок ЕЛ, где сообщается об убийстве Дария Киrom [41. С. 61]. В Архивском и Виленском хронографах эта важная деталь отсутствует [30. Л. 299б; 46. С. 172–173].

После Дан 12 помещена большая вставка о победе Кира II над царем Лидии Крѣзом, якобы предсказанной Даниилом, и обещании Кира в случае исполнения пророчества отпустить евреев из вавилонского плена [1. Л. 119–120; 30. Л. 301а–302а; 41. С. 61–62]. В Архивском и Виленском хронографах этот рассказ передан с пропусками, многими искажениями и ошибками. Возможно, так же

Таблица 4. Хронографическая вставка

Архивский и Виленский хронографы	ЕЛ Второй редакции	Матфей Десятый
<p>1. посла де дельфы (так!) въ коумирницу. ѿ в'дадѣте малымъ сѣмъ дары (далее <i>первие</i> в Виленском хронографе) жрѣцю. глѣцю ѣмоу ѣгиптане ѣсмо, ѿ прѣидоша нечто въпрошати. но молиса (молиса в Виленском хронографе), ѿ въпроси нынѣ богыня, почто прѣидохъ (прѣидохомъ в Виленском хронографе) [30. Л. 301б; 46. С. 173–174].</p>	<p>посла въ Дельфы въ кумирницу, бесѣдова къ нимъ си (разнотчение: сице): «Промѣните ризы ваша и облечетеса въ ризы египетскы, и идете въ кумирницу и въздадите малыя снѣ дары жерцу, глаголюще емю: “Египтяне есмы, приидохомъ въпрашати Пүфна и отъ пути долга забыхомъ, что приносити приидохомъ и что въпрашати, нѣ молиса и въпроси богыня, почто приидохомъ”» [41. С. 61].</p>	<p>посла в дельфы в кумирницѣ. бесѣдова к нимъ сѣце; премѣните ризы вашѣ. ѿ облечете в ризы египетскы. ѿ идѣте в кумирницю въздайте малымъ сѣмъ дары жерцу. глѣце емю. ѣгиптане ѣсма. прѣидохъ въпрашати поуфѣлѣ. ѿ пѣти долга прѣидохъ что приносѣти. ѿ забыхъ что въпрашати; нѣ молиса ѿ въпроси богыня почто прѣидохъ [1. Л. 119об.].</p>
<p>2. ѿсхожаа на войскѣ (вонско в Виленском хронографе) [30. Л. 301б; 46. С. 173].</p>	<p>ѿсхождааше на вонну [41. С. 61].</p>	<p>ѿсхожаа на вонскѣ [1. Л. 119об.].</p>
<p>3. нарѣгаюцесѣ вѣ вѣ ма (богыня в Виленском хронографе) въпрошасте [30. Л. 301б; 46. С. 174].</p>	<p>нѣ рѣгающесѣ богы въпрашасте [41. С. 62. Ст. 25].</p>	<p>нѣ рѣгаюцѣ бѣгыня въпрашасте [1. Л. 119об.].</p>

было и в находившемся у Матфея Десятого источнике. Поэтому он обратился к ЕЛ (см. табл. 4, № 1), но следовал ему не буквально¹. Иногда его версия отличается от ЕЛ (см. подчеркнутые места в табл. 4, № 1) и совпадает с Хронографами (см. табл. 4, № 2, 3). Вероятно, и в этом случае работа велась по двум источникам.

Матфей Десятый сохраняет архаизм Хронографов на *вонскѣ* в значении ‘на войну’, греч. *ἐν τοῖς πολέμοις* [46. С. 173; 47. С. 210] (см. табл. 4, № 2), между тем как ЕЛ содержит общепринятый синоним. В то же время в протографе Архивского и Виленского хронографов, в рассказе о посольстве Крѣза к дельфийскому оракулу, были допущены две ошибки. Сначала был пропущен текст между двумя одинаковыми словами *коумирницу* (см. табл. 4, № 1). Затем писец превратил союз *нѣ* (но) в приставку и соединил ее со следующим причастием, получилось *нарѣгаюцесѣ* вм. *нѣ рѣгаюцесѣ*, греч. *ἀλλὰ παίζοντες* (см. табл. 4, № 3). Позднее переписчик Архивского списка или его предшественник переосмыслил первоначальное чтение *богыня*, сохраненное Виленской рукописью, и разделил его

¹ В ЕЛ и Хронографах не окончена цитата Ис 45: 3 [30. Л. 301г; 41. С. 62; 46. С. 175], но у Матфея Десятого окончание восстановлено: *прозываѣ ѿ ма твое ѣъ ѿнѣвь* [1. Л. 120].

натрое: **вѡ вѣ мѡ**. У Матфея Десятого правильно — **вѣгна**, а в ЕЛ иначе — **вогы**. Это еще одного свидетельство того, что Матфей Десятый работал не с самим Архивским или Виленским хронографом, а со списком, имевшим общий с ними протограф.

После Дан и заключительной статьи Феодотиона (с повсеместной ошибкой **фѣѡрѣтгово**), приведенной с разночтениями, помещена хронографическая подборка [1. Л. 121 об.—122]. Она начинается рассказом о разрешении персидского царя Кира вернуться евреям из вавилонского плена [1. Л. 121 об.]. Комментарий составлен на основе ЕЛ [41. С. 63] с привлечением чтений Хронографа, например, добавление **ѡпѡстѣ же ѡ данїлоу молившѡ ѡ** [30. Л. 302б; 46. С. 176]. В списке возвратившихся из плена была использована 1 Езд 2: 64–67 при перечислении количества рабов, певцов и вьючных животных [15. Л. 283об.].

Затем следует сообщение о поражении и убийстве Кира-Камбиса в войне с жителями о. Самос [1. Л. 121 об.]. На использование Хронографа указывает его отличительное чтение: **прїде на нѡ в кораблѣ** [30. Л. 302б; 46. С. 176], в ЕЛ иначе: **приведеными въ кораблїх** [41. С. 68]. Однако источником комментария не мог быть ни Архивский, ни Виленский список, так как в их протографе под конец статьи писец перескочил глазами с одного слова **премоудрыи** на такое же последующее и пропустил между ними отрывок [30. Л. 302б; 46. С. 176]. У Матфея Десятого, как и в ЕЛ, эта фраза приведена полностью [41. С. 68–69].

Подборка заканчивается извлечениями из истории Иудифи и Олоферна в царствование Камбиса, сына Кира II [1. Л. 121об.—122]. Версия Матфея Десятого составлена на основе ЕЛ [41. С. 69], в целом ряде случаев отличного от Хронографа [30. Л. 302б, 302в–г; 46. С. 176, 177–178].

Матфей Десятый рассматривал Дан не только как пророческую, но и как историческую книгу. Поэтому он решил снабдить ее фактическим комментарием. С этой целью он использовал в большей степени ЕЛ Второй редакции и в меньшей — компиляцию по всемирной истории, близкую, но не тождественную по тексту спискам Архивского и Виленского хронографов.

Правка по «Летописцу еллинскому и римскому» Второй редакции. Как уже говорилось, мефодиевский перевод Дан полностью не сохранился. В Архивском и Виленском хронографах он представлен с пропусками. В Библии Матфея Десятого в некоторых местах, отсутствующих в списках Хронографа, имеется небольшая правка. Сделана она по ЕЛ.

У Матфея Десятого сразу же после слов о Сусанне **дцїи хелкїева**, добавлено: **сестра же ѡеремїа прѣка** (Дан 13: 2) [1. Л. 108]. Это редкое чтение. Оно отсутствует в библейском тексте. В одном из списков ТП оно написано редактором XVI в. на книжном поле [48. Л. 324об.]. В двух более поздних рукописях XVI в., восходящих к одному русскому протографу, это уточнение внесено уже в текст [12. Л. 395в; 20. Л. 310об.]. И.Е. Евсеев считал вероятным источником этого добавления Толкования Ипполита Римского, где сообщается о Сусанне: **сѣлѣ вѣ бра ѡеремїи** [49. Л. 269; 29. С. 166]. Однако прямого совпадения здесь нет. Точная параллель к этому месту находится в ЕЛ и «Мериле праведном»: **и сестра Иеремїа пророка** [41. С. 20]. Впрочем, в данном случае влияние ЕЛ могло быть не прямым, а опосредованным, через один из русских списков ТП с этой вставкой.

Однажды Матфей Десятый сократил заголовок ЕЛ до слов **ѡ ѡскжшѣнїи вила** и под влиянием этого же источника начал следующий текст Дан 14 не с первого, а со второго стиха [1. Л. 120; 41. С. 67], так как в ЕЛ о воцарении Кира после Астиага (о чем сообщается в Дан 14: 1) было сказано ранее [41. С. 61]. В этом же стихе **сѣ црѣмь** заменено по ЕЛ на **оу кїра црѣм** (Дан 14: 2) [1. Л. 120; 41. С. 67].

После **дѣ** твои добавлено по тому же источнику **погжѣи** (Дан 14: 29) [1. Л. 120об.; 41. С. 68].

Влияние ЕЛ обнаруживается и в других местах Контаминированной редакции. После **на** **нѣми** добавлено по ЕЛ **постави**, после **нѣмѣць рога**. — **нѣ вѣбцаго в' море. нѣ въ югъ. нѣ въ сѣверъ** (Дан 8: 20) [1. Л. 115; 41. С. 53], после **четыре рози по нѣ**. — **на четыре вѣтры нѣныи** (Дан 8: 22) [1. Л. 115; 41. С. 53].

Как уже отмечалось, Матфей Десятый использовал в своей работе Паримийник.оборот **нѣ хлѣва желаніи не іадо**, заменивший чтение ТП **хлѣва смѣслна не хъ**, заимствован, видимо, из первоначального паримийного (по мнению И.Е. Евсеева, кирилловского) перевода Дан: **и хлѣва желанію не вѣдохъ** (Дан 10: 3) [1. Л. 117 об.; 29. С. 134]. У Матфея Десятого на внешнем поле к слову **желаніи** дана ссылка **дѣ** на указатель «От пророчеств пословици», помещенный им в приложении к Книгам пророков. Там, однако, приведено не новое, а старое, устаревшее чтение ТП: **дѣ смѣслена; помышлѣніа** [1. Л. 124]. Толкование взято из ЕЛ: **хлѣва помышленна** (в др. сп. **помышления**) или **желѣнна** (далее отсутствует глагол) [41. С. 63].

Архаизм **нѣцьгѣса** (Дан 12: 10) сопровождается ссылкой **зѣ** на статью «От пророчеств пословици» [1. Л. 119; 29. С. 166]. В словарице объясняется: **зѣ. нѣцьгѣса; нѣзочтѣтса** [1. Л. 124]. И этот комментарий заимствован из ЕЛ: **нѣзочтѣтса** [41. С. 66]. У Ипполита Римского в этом месте сначала **нѣсвержтса** и потом **нѣзѣржтса** [29. С. 166].

Казалось бы, такой ученый книжник, как Матфей Десятый, должен был знать Толкования Ипполита папы Римского на Дан. В рукописной традиции это сочинение встречается гораздо реже, чем ТП. Прямых заимствований из него в Контаминированной редакции обнаружить не удалось. Немногие совпадения с Толкованиями Ипполита Римского оказываются одинаковыми с ЕЛ или мифодиевским переводом, что никак не свидетельствует в пользу редактирования по Ипполиту Римскому. Таковы, например, некоторые лексические добавления, внесенные Матфеем Десятым: **нѣ вѣаше даніа старѣи на нѣми. іако дхъ вѣи вѣаше нѣзвѣла в' нѣ** (Дан 6: 3) [1. Л. 116], так же в ЕЛ [41. С. 54] и у Ипполита Римского [29. С. 94; 49. Л. 152], **страшенъ нѣ чѣденъ. нѣ крѣпо** (Дан 7: 7) [1. Л. 114], такое же чтение в ЕЛ [41. С. 47] и у Ипполита Римского [29. С. 106; 49. Л. 168об.].

Изредка, если источники расходились между собой, Матфей Десятый мог привести оба варианта. При указании на продолжительность тяжких бедствий еврейского народа (Дан 12: 12) большая часть списков ТП называет период **в.ч.тлѣ** (90 335) дней [50. Л. 460; 10. Л. 264об.; 12. Л. 411а; 19. Л. 347; 20. Л. 342 об.—343; 21. Л. 349а; 22. Л. 331в; 27. Л. 260; 29. С. 166; 48. Л. 370] и меньшая, генадиевская группа рукописей — **д.тлѣ**: (1335) дней [7. Л. 423; 9. Л. 260; 15. Л. 610; 51. Л. 483]², так же в ЕЛ [41. С. 66] и дважды у Ипполита Римского [29. С. 166; 49. Л. 240 об., 245об.]. Матфей Десятый знает оба числа: **въ дѣи дтлѣ чтлѣ**: [1. Л. 119]. Объединенные чтения указывают на сверку текста по разным источникам.

² При этом следует иметь в виду, что иосифо-волоколамский список 1488–1489 г. [50], генадиевская рабочая рукопись начала 90-х годов XV в. [7], экземпляр митрополита Казанского Гермогена 1599/1600 г. [51] и московская книга 70–80-х годов XV в. (до правки) [8] относятся к Основной редакции ТП до вставки в Иер 1–2. К новгородской рабочей рукописи [7] восходят беловой список [9] и позднейшая копия митрополита Казанского Гермогена, будущего патриарха [51].

Языковая правка по ЕЛ незначительна, она и не могла быть большой. Дело в том, что Дан в редакции ТП совпадает в основном по тексту с версией в ЕЛ Второй редакции [29. С. LXVIII, № 43; 40. С. 188].

Выводы. Данные текстологии и языка со всей определенностью указывают на русский оригинал пророческих книг в Библии Матфея Десятого. Эта рукопись имела общий протограф с другими русскими списками ТП, сохранившимися с конца XV в., и через него восходила к кодексу 1047 г. по па Упыря Лихого, заказанному новгородским князем Владимиром Ярославичем. В качестве дополнительных источников привлекались другие русские списки ТП.

Матфей Десятый был не только замечательным писцом-каллиграфом, но и редактором. Целью Контаминированной редакции Дан были полнота, хронологическая последовательность и ясность библейского текста. Добавления, пояснения, лексические замены, поновления языка делались для того, чтобы библейский рассказ стал непротиворечивым, логически связанным и понятным. Матфей Десятый изменил структуру Дан, расположил ее главы в хронологической последовательности, а также снабдил Дан компилятивными хронографическими примечаниями, дополняющими ее историческое содержание.

Опытный книжник, Матфей Десятый не ограничился переписыванием одного оригинала, а работал с разными источниками. Среди них были мифодиевский перевод Дан, компиляция по всемирной истории, имевшая общий протограф с Архивским и Виленским хронографами, а также ЕЛ Второй редакции.

Библия Матфея Десятого расширяет сложившиеся представления о взаимоотношениях между восточнославянскими книжными культурами и является примером русского влияния на украинско-белорусскую письменность в начале XVI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. БАН. Собр. И.И. Срезневского. № 75 (БАН. № 24.4.28). Библия Матфея Десятого. 1502–07 гг.
2. *Лавров П.А.* Библейские книги 1507 года // *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii.* Praha, 1933–1934. Roč. 12. S. 85–112. (С примеч. и послесловием М.Н. Сперанского и Б.М. Ляпунова.)
3. *Сперанский М.Н.* Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма // *Энциклопедия славянской филологии.* Л., 1929. Вып. 4.3.
4. *Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999. (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte: A; N. F., Bd. 24).
5. Старобългарският превод на Стария Завет / Под общата редакция и с въведение от С. Николова. Книга на Дванадесете пророци с тълкования / Изследване, текст, речници Р. Златанова. София, 1998. Т. 1.
6. *Калугин В.В.* Толковые пророчества в восточнославянской и сербской письменности XV–XVI веков // *Вестник РГНФ.* М., 2016. № 2.
7. ГИМ. Чудовское собр. № 184. ТП Основной редакции. Нач. 90-х гг. XV в.
8. РНБ. Собр. Кирилло-Белозерского монастыря. № 9/134. ТП Основной редакции (до правки). 70-е–80-е гг. XV в.
9. РГБ. Собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304.1). № 89. ТП Геннадиевской редакции с дополнениями из Вульгаты. 90-е гг. XV в.
10. РГБ. Собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304.1). № 63. ТП Геннадиевской редакции с дополнениями из Вульгаты. 90-е гг. XV в. (почти все толкования опущены).
11. РГБ. Собр. Музейное (ф. 178). № 4094. ТП (толкования опущены). Кон. 80-х–нач. 90-х гг. XV в.
12. РГБ. Собр. Н.П. Румянцева (ф. 256). № 28. Книги Ветхого Завета (до Сир включительно) с толкованиями на Книги Иова и Пророков (л. 227–413б). Сер. XVI в.
13. ГИМ. Синаodalное собр. № 117. ТП с пермскими глоссами (почти все толкования опущены). 2-я четв. XVI в.

14. РНБ. Ф.1.3. ТП с пермскими глоссами (почти все толкования опущены). 1-я четв. XVI в. (не ранее рубежа XV—XVI вв.).
15. ГИМ. Синодальное собр. № 915. Геннадиевская Библия. 1499 г.
16. РНБ. Собр. Соловецкого монастыря. № 694/802. ТП Геннадиевской редакции с дополнениями из Вульгаты. 1492 г.
17. ГИМ. Чудовское собр. № 183. ТП. Кон. XV в.
18. РНБ. Ф.1.461. Ветхозаветный сборник с ТП (л. 140—337 об.). Кон. XIV в. Среднеболг.
19. РГБ. Собр. МДА (ф. 173.1). № 20. Лицевые ТП В. Мамырёва. 1489 г.
20. ГИМ. Собр. А.И. Хлудова. № 1. ТП (толкования опущены) и Апокалипсис с комментариями Андрея Кесарийского. 60-е—80-е гг. XVI в. Серб.
21. ГИМ. Синодальное собр. № 300. ТП М.Я. Морозова. Сер. XVI в. (до марта 1556 г. или 1555—нач. 1556 г.).
22. ГИМ. Чудовское собр. № 182. ТП. Кон. XV в.
23. ГИМ. Собр. А.И. Хлудова. № 142. Лобковский паримийник. Кон. XIII—нач. XIV в. (1294—1320 гг.). Среднеболг.
24. РГБ. Собр. В.И. Григоровича (ф. 87). № 2 (М. 1685). Григоровичев (Хиландарский) паримийник. Кон. XII—нач. XIII в. Среднеболг.
25. РГБ. Собр. П.И. Севастьянова (ф. 270). Раздел 2. № 2 (М. 1439). Ляпуновский паримийник. 1510/11 г.
26. ГИМ. Собр. П.И. Шукина. № 507. Библейский сборник с ТП. 1474 г. Славяно-молдав.
27. ГИМ. Синодальное собр. № 576. Сборник с ТП с сильно сокращенными толкованиями (л. 1—266 об.). Кон. XV—нач. XVI в.
28. РНБ. Собр. М.П. Погодина. № 80. ТП. Неполный список (начало с Иез 17: 19) с сокращенными толкованиями. Кон. XV в.
29. *Евсеев И.Е.* Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. Введение и тексты. М., 1905. (Изд. ОРЯС имп. АН).
30. РГАДА. Собр. МГАМИД (ф. 181). № 279/658. Архивский хронограф. 60-е гг. XV в.
31. *Орлов А.С.* О Галицко-Волынского летописании // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 15—35.
32. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. *Древнерусский перевод* / Изд. подгот. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева, Г.С. Баранкова, А.А. Уткин. М., 2004. Т. 1.
33. *Добрянский Ф.* Описание рукописей Виленской публичной библиотеки церковнославянских и русских. Вильна, 1882.
34. Кириллические рукописные книги, хранящиеся в Вильнюсе. Каталог / Составитель Н.А. Морозова. Vilnius, 2008.
35. *Томова Е.* Варшавский хронограф с перевод на старобългарския книжовник Григорий Презвитер // Литературна мисъл. София, 1990. Т. 34. Кн. 3. С. 137—140.
36. Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики / Сост. Я.Н. Шапов. М., 1976. Ч. 1.
37. Словарь старославянского языка / Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae Palaeoslovenicae / Репринт. изд. СПб., 2006. Т. 2.
38. *Истрин В.М.* Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893.
39. *Творогов О.В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975.
40. Летописец Еллинский и Римский. СПб., 2001. Т. 2: Комментарий и исследование О.В. Творогова.
41. Летописец Еллинский и Римский. СПб., 1999. Т. 1: Текст / Основной список подгот. О.В. Твороговым и С.А. Давыдовой. Вступ. ст., археографич. обзор и критич. аппарат подгот. О.В. Твороговым.
42. РГБ. Собр. Н.П. Румянцева (ф. 256). № 453. Полная хронографическая палея. 1494 г.
43. РГБ. Собр. Н.С. Тихонравова (ф. 299). № 704. Тихонравовский хронограф. Кон. XV—нач. XVI в.
44. РГБ. Собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304.1). № 728. Троицкий хронограф. Нач. XV в.
45. *Анисимова Т.В.* Тихонравовский хронограф: исследование, публикация текста. М.; СПб., 2015. Ч. 1. Летописи и хроники. Новые исследования. 2013—2014.
46. *Истрин В.М.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе / Подгот. изд., вступ. ст. и прилож. М.И. Чернышевой. М., 1994.
47. Словарь старославянского языка / Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae Palaeoslovenicae / Репринт. изд. СПб., 2006. Т. 1.
48. ГИМ. Синодальное собр. № 577. ТП (толкования опущены). Кон. XV—нач. XVI в.
49. РГБ. Собр. Иосифо-Волоколамского монастыря (ф. 113). № 486. Толкования Ипполита папы Римского на Дан (л. 1—291) с дополнительными статьями в конце списка. 1518/19 г.
50. РГБ. Собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304.1). № 90. ТП Основной редакции. 1488—89 г.
51. РГБ. Собр. Е.Е. Егорова (ф. 98). № 25. ТП Основной редакции. 1599/1600 г.

© 2017 г. И.В. ВЕРНЕР

К ИСТОРИИ ПЕРЕВОДА ПСАЛТЫРИ МАКСИМОМ ГРЕКОМ В 1522–1552 ГОДАХ: ХРОНОЛОГИЯ, ТЕКСТОЛОГИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ

Переписывание, исправление и перевод псалтырного текста рассматривается в статье как единый процесс, продолжавшийся на протяжении всего московского периода жизни Максима Грека и завершившийся последовательной ревизией славянского текста Псалтыри по греческому оригиналу в 1552 г. Этот текст, оформленный в виде билингвы, вписан в европейскую традицию филологически обоснованных и комментированных двуязычных изданий книг Св. Писания. Данные интерлинейрных списков Псалтыри 1552 г. позволяют охарактеризовать лингвоэзегетическую методологию справки Максима Грека и уточнить греческий источник перевода.

The article considers copying, correction and translation of the psalter text as a single process, lasted throughout the whole Moscow period of Maximus the Greek's life and in 1552 ended by his revision of the Church Slavonic text of the psalms according to the Greek original. The manuscript designed as a two-language text is inscribed in the European tradition of philologically justified and annotated bilingual editions of Holy Writ texts. The interlinear lists of the Psalter of 1552 allow characterizing the linguistic and exegetical methodology of Maximus the Greek's revision and clarifying the Greek source of the translation.

Ключевые слова: Максим Грек, Псалтырь, церковнославянские переводы с греческого.

Keywords: Maximus the Greek, Psalter, Church Slavonic translations from Greek.

В канун пятисотлетия приезда Максима Грека в Москву (в марте 1518 г.) в качестве «книжного переводчика» настоящая работа ставит целью обобщить и осмыслить как уже известную, так и новую информацию (не претендуя, впрочем, на всеобъемлющий источниковедческий анализ) о главном филологическом труде афонского монаха, сосредоточенном вокруг церковнославянской Псалтыри. Псалтырь была не первым текстом, к работе над которым обратился Максим Грек, однако стала таковым как по своему объему, так и по значимости среди переводов книг Священного Писания, выполненных Максимом. Переписывание, исправление и перевод псалтырного текста рассматривается в статье как единый процесс, продолжавшийся на протяжении всего московского

Вернер Инна Вениаминовна – канд. филол. наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Работа выполнена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00390а («Интерлинейрный перевод Псалтыри 1552 г. Максима Грека: лингвистическое исследование и подготовка к изданию»).

периода жизни Максима. Хронологическими рамками этой работы стали перевод Толковой Псалтыри в 1522 г. (далее ТП 1522) и перевод Псалтыри без толкований в 1552 г. (далее П 1552).

Обстоятельства выполнения первого перевода хорошо известны: Максим плохо владел церковнославянским, а его помощники Дмитрий Герасимов и Влас Игнатов не знали греческого, поэтому Максим переводил на латынь, а Герасимов и Игнатов, сменяя друг друга, — с латыни на церковнославянский. Процесс работы был описан Д. Герасимовым в письме дьяку М. Мисюрю-Мунехину: «А мы съ Власомъ у него сидимъ перемѣняяся: онъ сказываетъ по-латыньски, а мы сказываемъ по-русски писаремъ; а въ ней 24 толковника» [1. С. 190].

Таким образом в Чудовом монастыре был переведен сначала Толковый Апостол (Деяния — март 1519 г., Апостольские Послания — предположительно в 1520 — начале 1521 г.), а затем Толковая Псалтырь (декабрь 1522 г.) — огромный труд, сохранившийся во множестве списков XVI—XIX вв. [2. С. 40—41]¹. Псалтырь без толкований, которую Максим перевел в 1552 г. при непосредственном участии инокa Троице-Сергиевой лавры Нила Курлятева, известна в гораздо меньшем количестве рукописей [2. С. 43], однако до нас дошли два подстрочных славяно-греческих списка (РГБ. Ф. 173.1. № 8 и 9), выполненные в XVII в. в Троице-Сергиевом монастыре², когда под руководством архимандрита Дионисия Зобниновского там велась масштабная работа по сохранению рукописного наследия Максима Грека³.

¹ В перечне списков ТП 1522 у А.И. Иванова учтены не все рукописи: в число самых ранних списков середины XVI в. входят еще как минимум две рукописи № 116 и 117 Хиландарского монастыря, составляющие полный текст [3].

² Интерлинейрные рукописи из собрания Московской духовной академии (МДА) не вошли в библиографическое описание А.И. Иванова, так как не были атрибутированы М. Греку ни в одном описании троицких рукописей [4; 5. С. 7]. Между тем в рукописи № 9 на обороте последнего листа присутствует оставленная кем-то из исследователей Троицкого собрания (возможно, А.В. Горским, служившим в библиотеке МДА, а позднее бывшим там ректором) весьма точная и конкретная характеристика текста, содержащегося в рукописи. В этой довольно пространной записи говорится, что рукопись представляет собой список с Псалтыри, переведенной Максимом Греком, что переводчик пользовался не одним греческим текстом, что отличительной особенностью перевода является близость к греческому оригиналу, и даже приведены два конкретных примера, иллюстрирующие взаимоотношения переводного и переводящего текста.

³ В первой четверти XVII в. в Троице вокруг архимандрита Дионисия сложился книжный кружок, куда входили как переписчики и каллиграфы (Иона Колоб, Кирилл Новгородец, Илларион Астраханец, Иоасаф Кирьяков, братья Федор и Гаврила Басовы, Герман Тулупов), так и книжники, занимавшиеся справой текстов (книгохранитель троицкой библиотеки Антоний Крылов, монах Арсений Глухой — оба они, возможно, знали греческий, а в 1620-е годы оба были справщиками Московского печатного двора), священник в Клементьевой слободе Сергиевого посада Иоанн Наседка, позднее ставший ключарем Успенского собора Московского Кремля и одним из редакторов московского издания Грамматики Смотрицкого 1648 г. В скриптории возник интерес к полузабытым на тот момент рукописям М. Грека, на которые, по свидетельству написанного Симоном Азарьиным Жития архимандрита Дионисия, последний обратил внимание книжников. Началась активная комплексная работа по составлению собрания сочинений Максима и по переписыванию его крупнейших переводов. Что касается собраний, то в Троице в 1620-е годы были составлены крупнейшие собрания — Троицкое (основным представителем которого является рукопись РГБ. Ф. 304. № 200) и составленное, возможно, несколько позднее собрание в 151 главу (РГБ. Ф. 304. № 201) [6. С. 273—276]. В 1617 г. троицким монахом Ионой Колобом были переписаны Беседы Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна (ГИМ. Син. № 31), а в 1625 г. — Беседы на Евангелие от Матфея (ГИМ. Усп. № 16). Оба текста относятся к ранним (до 1525 г.) совместным переводам Максима и Силуана. Илларион Астраханец в 1619 г. переписал интерлинейрную Псалтырь, о чем на полях рукописи сделана запись книгохранителя Иоасафа Кирьякова (РГБ. Ф. 173.1. № 9. Л. 2 и 6об.). Писец аналогичной рукописи № 8, принадлежавшей Симону Азарьину, неизвестен. Эта совокупность переписанных в конце 1610-х—1620-е годы текстов Максима Грека свидетельствует о целенаправленной работе книжников Троицкого скриптория по собиранию и сохранению наследия Максима в связи с актуальностью его филологической практики перевода книг Священного Писания для целей нового книжного исправления.

В лингвистическом отношении именно эти списки представляют наибольший интерес [7], и на их основе автором статьи готовится издание текста.

ТП 1522 ввиду своего немалого объема, сложности определения греческих источников толкований и трудности атрибуции авторства переводу конкретным участникам работы до сего дня остается неисследованным текстом, не считая вводных, хотя и обстоятельных комментариев А.В. Горского и К.И. Невоструева [8. С. 83–101]. В работах, посвященных лингвистическим инновациям Максима Грека, сложилась традиция совокупного рассмотрения его справы текстов Священного Писания и обоих переводов Псалтыри [9–13] с выделением разновременных слоев или этапов эволюции. Однако отсутствие четкого и полного представления о содержании исправлений в каждом из переводов в отдельности затрудняет создание целостной картины, и без того осложненной большим количеством списков, и, более того, вольно или невольно способствует объединению этих текстов, реализующих собой, как будет показано ниже, разные типы филологической работы с текстом Св. Писания.

Промежуточными, но весьма важными вехами в контексте связи начального и итогового этапов многолетнего труда над церковнославянской Псалтырью являются еще три группы текстов. Во-первых, это переписанные Максимом греческие тексты и правленные им славянские тексты Псалтыри: греческая Псалтырь 1540 г. (РНБ. Соф. № 78), два отрывка греческого текста в рукописях славянской Псалтыри с воследованием (РГБ. Ф. 113. № 152. Л. 454–455 и ГИМ. Епарх. № 78. Л. 478об.) и славянская следованная Псалтырь (РГБ. Ф. 304.1. № 315). Последний текст содержит избирательную правку рукой Максима, внесенную около 1540 г. [6. С. 13–14] или несколько ранее [9. С. 104] и затрагивающую лексику и грамматику⁴. Три греческих текста связаны с периодом первой волоколамской и второй тверской ссылки. Первая ссылка (1525–1531 гг.) отличалась жесткими условиями: Максима лишили чтения и письма за исключением нескольких книг библиотеки Иосифо-Волоцкого монастыря, среди которых были две славянские псалтыри с воследованием рубежа XV–XVII вв. На свободных от славянского текста местах этих рукописей каламом процарапан греческий псалтырный текст с делением стихов косыми линиями. В рукописи № 152 почерк был атрибутирован Максиму Греку Б.Л. Фонкичем, а текст идентифицирован как 109-й псалом со значительными отличиями от рукописной традиции греческой Псалтыри [15. С. 86–87]; рукопись № 87 (также из собрания Иосифо-Волоцкого монастыря) была обнаружена А.И. Плигузовым и И.А. Тихонюк [15. С. 88; 16. С. 174–176]. В условиях более мягкой тверской ссылки в 1540 г. Максим целиком переписал греческую Псалтырь — текст, весьма важный для истории славянского перевода. Вторым писцом и заказчиком рукописи был ризничий тверского епископа Акакия Вениамин, совершенствовавший свои знания греческого в процессе работы. Рукопись содержит большое количество славянских глосс, писанных обоими писцами, и дидактические материалы: склонение артиклей и местоимений, формы глагола «быть» с переводами на церковнославянский, списки греческих омофонов и синонимов с их славянскими соответствиями [17. С. 80–84].

⁴ Датировка глосс в этой рукописи еще нуждается в уточнении, поскольку, с одной стороны, часть исправлений совпадает не только с глоссами в греческой Псалтыри 1540 г., но и с текстом Псалтыри 1552 г.; с другой стороны, неясно, каким образом троицкая рукопись могла попасть к Максиму до 1547–1548 гг., т.е. ранее того, как он оказался в Троице-Сергиевом монастыре [14. С. 48]. Наличие в интерлинейрных списках Псалтыри 1552 г. глосс, содержащих отвергаемые Максимом чтения старшего текста, совпадающие с вариантами Троицкой Псалтыри, но не «сушего» текста ТП 1522 (см. далее в настоящей статье), позволяет предположить использование этой рукописи в процессе работы над переводом 1552 г.

Вторую группу текстов составляют выписки и фрагменты из Псалтыри, являющиеся подготовительными рабочими материалами: «Псалтырные строки» (РНБ. Пог. № 1143), «Изъявление о псалмех» (сохранилось в виде особой главы разных собраний сочинений М. Грека в нескольких списках) [9. С. 102], «Преводные строки» (РНБ, Сол. № 752/862). Эти три текста отличаются друг от друга и структурой, и разным объемом цитирования псалтырного текста, и его зависимостью либо от ТП 1522, либо от П 1552.

Текст «Изъявления о псалмех» содержит отдельные стихи из каждого псалма с указанием его номера на полях рукописи (некоторым псалмам уделено больше внимания, другие цитируются в меньшем объеме). Изредка в текст включается краткое толкование того или иного стиха из ТП 1522, текст которой взят за основу всех выписок. Из первых десяти псалмов выписаны следующие чтения: 1:2, 2:1, 2:6, 4:3, 4:8, 5:5, 6:7, 6:9, 6:10, 7:4, 7:6, 7:7, 7:11, 7:13, 7:14, 7:15, 8:1, 8:4, 8:5, 8:10, 9:9, 9:13, 9:22, 9:23, 9:24, 9:25, 9:29 (с толкованием), 9:30, 9:32, 9:36, 9:38, 10:2.

Несколько более подробно псалтырный текст приведен в «Псалтырных строках», которые находятся в сборнике Погодинского собрания вместе с предисловием Нила Курлятева к Псалтыри 1552. «Псалтырные строки» цитируют уже перевод 1552 г.: в них есть киноварные надписания псалмов (иногда в сокращенном варианте), их номера и избранные стихи, особым образом отмечены пропуски между стихами. Стихи в большинстве случаев приведены не полностью, а фрагментарно. Выписаны именно те отрывки, в которые Максимом были внесены исправления относительно традиционного славянского текста (ср. выборку стихов из 4-го псалма: 4:1 (без окончания), 4:3, 4:4, 4:6 (без окончания), 4:8 (без начала и окончания), 4:9).

Третий текст – «Преводные строки» – входит в конвой соловецкого списка Псалтыри 1552 г. и содержит сравнение пяти греческих переводов отдельных чтений Псалтыри (Септуагинты, Феодотиона, Аквилы, Симмаха и «пятого преводника», имя которого не упоминается) в славянской передаче. Эта рукопись очевидно связана также с периодом работы над Псалтырью 1552 г., так как цитирует псалмы именно по ее тексту, однако разные варианты греческих переводов (которые приводятся по-славянски) выбраны из обширных толкований ТП 1522. Рукопись имеет отчетливо выраженный характер лингвистической критики библейского текста, поскольку из массива толкований выделены только фрагменты, содержащие актуальную для переводчика лингвистическую информацию, которая оценивается с точки зрения точности соответствия греческого перевода еврейскому оригиналу. Ср. выборку из первых двадцати псалмов: 1:3, 1:5, 2:1, 4:5, 9:3–4, 9:10, 9:11, 11:2, 12:3, 16:1, 18:5.

Связь представленных в этих текстах языковых исправлений с правкой, присутствующей в ТП 1522, Троицкой Псалтыри № 315, греческой Софийской Псалтыри № 78 и П 1552, позволила Л.С. Ковтун, Н.В. Сеницыной, Б.Л. Фонкичу [9. С. 104–105] выделить три последовательных этапа работы над Псалтырью. Первый этап, отраженный в глоссах Троицкой Псалтыри № 315 и отдельных исправлениях ТП 1522, был частично унаследован всеми остальными текстами; заключительный этап представлен только в П 1552 и «Псалтырных строках», которые включают в себя также исправления промежуточного, второго этапа, объединяющего часть глосс Троицкой и Софийской Псалтырей и «Изъявление о псалмех».

Третья группа источников – метатексты – это в основном послания Максима Грека, в которых присутствует филологический разбор перевода и толкования избранных чтений Псалтыри («Послание московскому великому князю Василию III

о переводе Толковой Псалтыри» [18. С. 151–166], «Слово отвѣщательно о исправлении книгъ русских», «Словцо отвѣщательно о книжном исправлении» [19. С. 136–149], «Послание къ нѣкоему другу его, в нем же тлъкование нѣкоихъ рѣчений неудоь разумѣаемых в божественном писании» [19. С. 319–325] и др.), а также отдельные толкования псалмов (102-го и 18-го в виде самостоятельных текстов, 89-го — в «Послании брату Григорию» и др.). В послании великому князю Василию III представлена довольно подробная характеристика разных типов толкований и самих толковников, цитируемых в ТП 1522, а также разбираются некоторые ошибки в прежних переводах (речь идет о комментарии к 12-му псалму Афанасия Александрийского, переведенного неверно, и о толковании неназванного «некоего» к 36-му псалму, которое «не токмо ложно, но и неизвѣстно и несъгласно»). В двух Словах о книжном исправлении предметом обсуждения выступают греческие омонимы (омофоны), порождающие не только ложные «по чину писменных» переводы, но и «по силѣ разума стиховнаго». К этим текстам примыкает также предисловие Нила Курлятева к П 1552, где также присутствуют конкретные примеры перевода, ставшие объектом филологической критики Максима Грека. Цитаты и толкования Псалтыри, присутствующие в метатекстах, могли бы стать источником ценной дополнительной информации о процессе перевода, однако за небольшим исключением они до сих пор не были предметом отдельного исследования [20; 21].

Совокупность всех перечисленных текстов представляет итоговый перевод Максима Грека, выполненный в 1552 г., как своего рода гипертекст со множеством нелинейных связей. Некоторые из них, ставшие более или менее очевидными на сегодняшний день, позволяют сформулировать предварительные выводы, касающиеся этого текста.

Прежде всего, возникновение перевода 1552 г. представляется возможным мотивировать не только и не столько дидактическими целями, обозначенными в предисловии к Псалтыри 1552 г. учеником Максима Нилом Курлятевым. Действительно, для Нила в процессе работы над текстом приоритетным было обучение греческому языку: судя по предисловию к Псалтыри, первым этапом его работы стало переписывание греческого текста, а интерлинейрный славянский перевод был внесен в него позже: и ѡ^и пожáловáль и нао^ич^ил^иь склá ѱáл^имомъ по гречески и а^и познáвъ склáдъ í написáль нхъ грéчьски. и к нем^и пр^ишéлъ в к^иблню. í ѡ^и мн^и стáлъ скáзывать з грéчьскаго перевóда. на нáшъ гáзыкъ. í áзъ писáль в одн^ихъ тетрáтэхъ против^и рѣчен рѣчи. и старецъ пожáлова^и скáзывать великимъ рáзумомъ н^извѣстно (РНБ. Соф. 1530. Л. 81–81об.)⁵. То есть необходимый минимум владения греческим для Нила был достигнут прежде его совместной с Максимом работы по соотношению греческого и славянского текстов, в отличие от ситуации с обучением ризничего тверского епископа Акакия Вениамина, которая обусловила большее количество учебных глосс в греческой Псалтыри 1540 г. В П 1552 г. их считанное количество, и они касаются не элементарных грамматических форм, как ранее, а более сложных вопросов: лексической синонимии, лексико-семантических групп, словообразовательных отношений в греческом. Эти глоссы одновременно значимы и как соотношение переводного и переводящего языка, и именно этот процесс составлял содержание второго этапа работы Нила Курлятева с Максимом Греком. Для последнего основным побудительным мотивом сотрудничества

⁵ Список РНБ. Соф. № 1530 к. XVII в., по которому цитируется предисловие Нила Курлятева, не включен в число известных списков этого текста [22. С. 93–102; 23. С. 132]. В рукописи на л. 81–88 текст помещен в виде самостоятельного произведения, отдельно от Псалтыри.

с Нилом должен был стать тот факт, что три предшествовавших десятилетия практически непрерывного труда над славянской Псалтырью так и не завершились появлением нового славянского перевода с греческого «сушего» текста, т.е. текста псалмов вне толкований.

В ТП 1522 с греческого через латынь были переведены только толкования, тогда как собственно чтения Псалтыри вошли в текст в «киприановской» редакции. В «суший» текст ТП 1522, однако, были внесены некоторые исправления [1. С. 187; 8. С. 99–100; 24. С. 15]. По мнению К. МакРоберт, переводчики ТП 1522 ориентировались на псалтырный текст V редакции, представленный в том числе в Геннадиевской Библии (далее ГБ) 1499 г. [12; 13]. Соотношение «сушего» текста 1522 г. с новгородским кодексом и другими текстами – представителями старшей редакции еще подлежит изучению; с уверенностью сейчас можно говорить лишь о том, что главной задачей Максима было снабдить русского читателя арсеналом «основополагающих истолковательных инструментов», недоступных ранее [25. С. 27], и потому работа коллектива чудовских переводчиков была сосредоточена вокруг перевода комментариев, прилагаемых к уже имевшемуся псалтырному тексту.

В списках ТП 1522 присутствуют маргинальные глоссы, которые, с одной стороны, иллюстрируют критику старшего текста чудовскими переводчиками, а с другой – связь «сушего» текста ТП 1522 с переводом П 1552⁶. Так, в рукописи РГБ. Ф. 304.1. № 86 глоссами снабжены оба нижеприведенных стиха 67-го псалма: 67:26 **в'коупѣ с поѹцими** – глосса **влизъ**, 67:30 **Ѡ црѣкѣ твоѡа** – глосса **Ѡ храма твоѡа**. Обе глоссы позднее вошли в перевод П 1552.

67:26 **прѣварѣша кнѣзи юдѣ** (sic) **поѹцихъ. посрѣдѣ дѣтъ тѣмпаницъ** (ГБ 1499) – **прѣварѣша кнѣзи в'коупѣ с поѹцими. посрѣдѣ дѣтъ тѣмпаницъ** (ТП 1522) – **прѣварѣша кнѣзи влизъ поѹцихъ. посрѣдѣ ѡтровокницъ тѣмпаницъ** (П 1552);

67:30 **Ѡ црѣкѣ твоѡа. въ іерлѣимѣ тѣбѣ принесѹтъ црѣе дары** (ГБ 1499) – **Ѡ црѣкѣ твоѡа въ іерлѣимѣ тѣбѣ принесѹтъ црѣе дары** (ТП 1522) – **Ѡ храма твоѡа въ іерлѣимѣ тѣбѣ принесѹтъ црѣе дары** (П 1552).

В отличие от «сушего» текста ТП 1522, П 1552 представляет собой систематическую ревизию старшего перевода по греческому оригиналу, что наглядно демонстрируют интерлинейные списки П 1552. Фрагментарное исправление «сушего» текста в ТП 1522 получило свое логическое завершение в сплошной последовательной сверке славянского текста с греческим; оформление результата этой работы в виде билингвы мотивировано не только учебными целями, но и задачами филологической критики библейского текста и вписано в традицию филологически обоснованных и комментированных двуязычных изданий текстов Священного Писания, заложенную итальянскими гуманистами и воплощенную Эразмом Роттердамским [26].

Последовательность ревизии старшего текста Псалтыри более всего характеризуют грамматические исправления Максима Грека: в отличие от точечных исправлений в «сушем» тексте ТП 1522 и в Троицкой Псалтыри № 315, они регулярны и системны. Инвентарь грамматических замен Максима хорошо известен [7; 9; 10; 12; 13]; степень их императивности в П 1552

⁶ Характер внесенных чудовским коллективом исправлений демонстрируют также надписания псалмов, отличающиеся в ГБ 1499, П 1522 и 1552. Надписания, по-видимому, представляли собой отдельный этап или фрагмент работы с текстом (хорошо известно, что Д. Герасимов переводил надписания с немецкого еще в 1500 г.; в греческой Псалтыри 1540 г., переписанной М. Греком, присутствует славянский перевод надписаний избранных псалмов).

неодинакова: инвариантными являются преимущественно синтаксические формы, заданные греческим (инфинитивные конструкции, членные/нечленные формы непредикативных причастий, оптативные формы, некоторые предложно-падежные конструкции и союзы придаточных предложений) и прескриптивными указаниями церковнославянской грамматики (совпадение винительного и родительного падежей одушевленных существительных), тогда как большую или меньшую степень вариативности допускают грамматические формы, мотивированные не только греческой грамматической семантикой, но и узусом традиционных текстов (формы двойственного/множественного числа, перфекта/аориста 2 и 3 лица, полноударные/энклитические местоимения) [7]. Традиционный список исправлений Максима, впрочем, еще подлежит перегруппировке и переосмыслению: справа Максима может и должна быть рассмотрена в контексте ее типологической связи с теми общими локусами грамматики, которые являются объектом внимания европейских филологов-основателей библейской критики текста, а также в контексте экзегетического статуса тех или иных лингвистических форм [26].

«Критический аппарат» в П 1552 представлен имплицитно в виде маргинальных глосс, меньшая часть которых выполняет учебно-дидактическую функцию, продолжая традицию греческой Псалтыри 1540 г.; большинство же глосс представляет собой вынесенные на поля чтения старшей редакции славянской Псалтыри, снабженные переводом на греческий⁷. Перевод глосс отличен от греческого подстрочного текста, и тем самым он служит доказательством неправомочности старшего чтения.

Основанием для исправления служат, во-первых, неточные переводы прямого значения греческой лексемы: 10:1 **вравен** (στρουθίον) – глосса **птица** (πετεινὰ, ὄρνις, ὄρνιθια)⁸; 5:11 **прегорчиша** (παρελίχανάν) – глосса **прогнившая** (παρόρυσαν); 113:14 **нось** (ῥίνας) – глосса **ноздри** (μυκτήρις); 118:39 **ревность** (ὁ ζῆλος) – глосса **жалость** (οἴχτος); 68:5 **тѣне** (δωρεάν) – глосса **всоте** (μάτην), 43:2 **во днехъ дрѣвниъ** (ἀρχαίαις) – глосса **первыъ** (πρώτης) и др. Во всех приведенных примерах глоссы совпадают с чтениями «киприановской» редакции (по текстам ГБ 1499 и Троицкой Псалтыри № 315) и имеют греческий перевод на полях. Таким же образом оформляются на полях рукописи неверные с точки зрения греческих словообразовательных отношений старшие чтения: 9:21 **законоположника** νομοθέτην – глосса **законодávца** νομοδότην, 135:7 **свѣтила** φωστῆρες – глосса **свѣта** φῶτα, 59:6 **знамѣнїе** σημεῖον – глосса **знаменованїе** σημεῖωσιν (в ГБ 1499 и Троицкой Псалтыри № 315 с глоссой совпадает только чтение 9:21, остальные чтения в них тождественны интерлинейарному тексту).

Не имеют греческого перевода глоссы, призванные иллюстрировать многозначность греческой лексемы либо отвергнуть известные переводчику внеконтекстные переводы в старших текстах (Троицкая Псалтырь и Псалтырь ГБ 1499 в приводимых примерах совпадают с текстом П 1552): 73:17 **лѣто, ѡ веснѣ, тѣ создáлъ еси ѡхъ** – глосса **жáтва** (греч. θέρος как «время года» и «время жатвы»);

⁷ Далее греческие глоссы приведены по рукописи РГБ. Ф. 173.1. № 8 в нормализованной графике (в рукописи греческий текст записан преимущественно кириллическими буквами и с отражением орфоэпических особенностей).

⁸ В данном случае за лексической семантикой исправления стоит и аллегорическое толкование лексемы **вравен**, ср. цитируемый в ТП 1522 комментарий Исихия Иерусалимского к 103 псалму: **вравѣвъ нарицае^т. Ѡ дiавола ѡ сѣдѣиствѣющи^х ѣмѣ. гонимы^х дшѣ ради блáгочестiа. възмѣши^х же ѣго сѣтен ѡзвѣжати. ѡ ниже дѣв^ѣ гла. дша наша ꙗко вравен ѡзвѣи Ѡ сѣти ловящихъ** (РГБ. Ф. 304.1. № 86. Л. 239).

150:3 въ глѣсѣ трѣвѣ^а – глосса шѣмѣ, 150:5 в ки^авѣлѣх доврѣдгласны^х – глосса шѣмны^х (греч. ἤχος (εὐήχοις) как «звук» и «шум»).

Глоссы без перевода могут маркировать характерное для Максима предпочтение единообразного перевода одной и той же греческой лексемы: 77:44 преложилъ на кровь, рѣкѣ и ѡхъ – глосса превратилъ, 104:29 преложилъ воды ѡхъ. въ кровь – глосса претвори (глоссы, как и предыдущие, не совпадают с чтениями ГБ 1499 и Троицкой Псалтыри). Прилагательное πλησιος, в старших текстах переводившееся синонимами искреннѣи и ближнѣи, передается всегда одинаково как ближнѣи: 11:3 глѣлъ кѣждо ближнемѣ своемѣ; 37:12 дрѣзи мѣи, ѣи ближнѣи мѣи; 87:19 дрѣга, ѣи ближнѣи. ѣи знаемы^х мѣи^х (в Троицкой Псалтыри и ГБ 1499 во всех приведенных примерах стоят формы слова искреннѣи). При наличии синонимических дублетов в греческом за каждой лексемой закрепляется постоянный славянский эквивалент, ср. φοβέωμαι – (οὐ)βοῦμαι и δειλιάω – (οὐ)στραθίω, φόβος – страхъ и δειλία – боязнь: 26:1 когѣ οὐβοῦσασα (φοβηθήσομαι) ... ѡ когѣ са оѣстрашѣ (δειλιάσω), 13:5 тѣмо оѣстрашишасѣ страха, идѣ же не вѣ страха (εδειλίασαν φόβω, οὐ οὐκ ἦν φόβος) – глосса оѣвоашасѣ (так в Троицкой Псалтыри и ГБ 1499), 54:5–6 стра^х (δειλία) смѣрти нападе на мѣ. боязнь (φόβος) ѣи трѣпе^т прѣиде на мѣ – глосса стра^х (Троицкая Псалтырь и ГБ совпадают с чтениями П 1552).

Целый ряд глосс иллюстрирует повторяющиеся, устойчивые на протяжении всего текста лексические замены. Эти глоссы встречаются преимущественно в начале текста, т.е. не сопровождают каждый случай внесенного в текст исправления; приведенный однажды греческий перевод отсутствует, если глосса затем повторяется. Как правило, такие замены связаны с устранением вариативного перевода одной и той же греческой лексемы, а при наличии синонимической пары в греческом – с закреплением за каждой из лексем-синонимов постоянного славянского эквивалента. Наиболее характерными производными от греческого парами являются следующие: нищѣи πένης – оѣбогыи πτωχός (9:10, 9:13 – глоссы с переводом, 24:16, 33:7, 71:2 – глоссы без перевода); глаза ὀφθαλμοί – очи ὀμματα (16:2 – глосса с переводом, 16:11, 17:28, 18:9, 24:15, 30:10 – глоссы без перевода); почки νεφρός – оѣтровы σπλάγχνα (7:10 – глосса с переводом, 138:13 – глосса без перевода); глѣмѣ λάκκος – рѣвѣ τάφος (7:16 – глосса с переводом), лѣкѣвѣство ληνρία – злоба κακία (7:10 – глосса с переводом, 77:49, 111:7 – глоссы без перевода); персть χῶμα – прахъ χνοῦς (1:4 – глосса с переводом, 17:43 – глосса без перевода). Глоссами обозначены в рукописи далеко не все замены в синонимических парах относительно старшей редакции Псалтыри, ср., например, неглоссированные чтения с теми же лексемами, сопоставленные с Троицкой Псалтырью № 315: 72:21 пѣчки мѣи ѣзмѣнишасѣ (← оѣтрова мѣи), 27:1 нисходѣнимъ въ ѣмѣ (← в ровѣ), 34:5 да бѣдѣт ѣакоже перѣсть (← прахъ), 11:6 озлобленѣи рѣди оѣбогы^х, ѣи въздыхѣнѣи нищѣихъ (← нищѣи ... оѣбогы^х), 31:8 оѣтвержѣю на тѣ глазо мѣи (← ѡчи).

Основанием для дополнительного распределения этих славянских синонимов выступает не только их однозначная связь с греческой лексемой, но и экзегетический статус каждого из вариантов, связанный с их толкованием, чаще всего аллегорическим или прообразовательным. Большинство из приведенных выше пар неоднократно комментируется в ТП 1522, а также в некоторых других текстах Максима Грека.

Так, пара нищѣи – ѣбогнѣи имеет как историческое толкование нищего как смиренного просителя подаяния, а убогого как добывающего пропитание своими руками (ср. в ТП 1522 комментарий из Евсевия к 11:6: глѣуть* нищаго быти ѡ бога^тства

паша. оубогаго* ѿже потребнаа на пищѣ трѣдо^м снискаюца, (РНБ. СПбДА. А.І.171. Л. 41об.), так и прообразовательные толкования: под нищими понимаются отклонившиеся от христианской веры и ее не принявшие, а под убогими — язычники, веры не обретшие. Ср. комментарий Исихия к 34:10: оубогаго нѣкоего ѿ ницаго разнѣствіе быти нелицю^т. ницаго збо нѣчто ѿменова вѣровавшѣ ѿ іоуден. збогаго* ѿже ѿязыкъ не блгровѣнаго ра^ам кѣ ѿдол^м приближеніа вывшѣ (РНБ. СПбДА. А.І.171. Л. 198об.), комментарий Феодора к 9:36: нищій збо глѹтсѣ. ѿко не ѿмѣюциі бога^тства вѣтвеных ѿ сценных дарованіи. сирѣч ѿ* ѿ сожитіа стго ѿ живота ѿже ѿ хѣ^т (РНБ. СПбДА. А.І.171. Л. 65об.), комментарий Кирилла Иерусалимского к 71:4: нищии бо вѣша заблѣжаеміи. бога^тства оубо не ѿмѣюще добродѣтел^и. лишени* ѿ истинна познаніа ѿко* глѣ^т блженни паве^а. надежи неимѣще (РГБ. Ф. 304.І. № 86. Л. 100), комментарий Исихия Иерусалимского к 73:19: Оубогых грѣшниковѣ нарицае^т. ни единого бога^тства правды ѿмѣюцих (РГБ. Ф. 304.І. № 86. Л. 119об.). В тексте Троицкой Псалтыри, ГБ 1499 и «сушем» тексте ТП 1522 соотношение нищій лένης — оубогын πτωχός отсутствует.

Перевод греч. χυοῦς только как **персть** отличает Максима Грека от предшествующих текстов, где были синонимичны **персть** и **прахъ**. В выборе варианта Максим следует толкованиям, в которых созданные из земли люди, живущие перстною жизнью (первый перстный человек — Адам), т.е. лишённые духа и не уверовавшие, уподобляются праху — носимой ветром пыли. За лексемой **прахъ**, таким образом, остается только это последнее значение, тогда как **персть**, согласно толкованию Кирилла Иерусалимского к 34:5, олицетворяет тех, кто **непріаша вѣры ... выша вѣ ѿврѣжени ѿ вгоненавидци. ѿпа^аша* ѿ при- своеніа вѣіа. ѿ не причастни превыша блгых пришествіа гна. сего ра^ам соутѣ аки прах. ѿ* всакы^м дхо^м преноси^м. ѿ оудобѣ развѣвае^м** (РНБ. СПбДА. А.І.171. Л. 195об.).

Символическое толкование имеет лексема **почки**: в отличие от **зтробы**, обозначающей все внутренности, **почки** соотносятся только с той плотской частью человека, которая отвечает за вожделение и похоть. Ср. толкование к 7:10 Феодорита Кирского: **По^чкы* глѣть внѣтренаа помышленіа, зане по^оу^тробенна похотѣніа по^чкы вѣздвижѣ^т** и Василия Великого: **Грѣце збо писаніе нарицае^т влѣчственое дши. по^чкы* похотител^ное, сѣдїа оубо вѣтъ е^а** (РНБ. СПбДА. А.І.171. Л. 45об.)⁹.

Обобщающее толкование лексемы **яма** содержится уже в ранних выписках Максима Грека из Лексикона Свиды (РГБ. Рум. № 264), касающихся псалтырной и вообще библейской лексики и делавшихся, по-видимому, параллельно переводу ТП 1522¹⁰: «Яма — смерть; поне же подобне яме гроб копається». Псалом: «И уподоб-

⁹ Эти толкования были хорошо известны церковнославянским книжникам XVII в. Так, Евфимий Чудовский в трактате «О исправлении в прежде печатаных книгах минеях неких бывших погрешений в речениях» обращает внимание на недопустимое вследствие разного толкования смещение лексем **зтроба** как «вѣемющаа всѣ внѣтрности. ѿже сѣа, срце, сырнице, чревеса, печень, ѿтра, селезень, сплинѹ, и прѣчаа» и **почки** как «часть нѣкаа во зтробѣ сѹци. бли^з чреслѣ лежѣще: ѿже сѣть при^мателаны похоти», и упоминает о том, что «многочисленный мѣзжъ, и въ превожденіи искусный Мазимъ грекъ преводѣ толкованіа стыхъ на псалтырь, писаше мѣстѹ вѣверѣтъ почки. На псаломіи з глѣтъ в толкованіи Васіліа великаго: срце ѿвѣ писаніе нарицае^т влѣчствител^ное дши: почки же похотител^ное» [27. С. 99].

¹⁰ Связь Рум. № 264 с периодом работы над ТП 1522 была отмечена Н.В. Синеицкой [6. С. 67–68] на основании выборки Максимом из Лексикона Свиды толкований (чаще всего Феодорита) псалтырных фрагментов. На основании сходства метода работы с источниками в Румянцевском и в Синодальном сборнике (ГИМ. № 791), относящемся к первым годам жизни Максима в России, Д.М. Буланиным была подтверждена датировка выписок из Свиды в Рум. № 264 временем до 1522 г. [28. С. 72].

люся низходящим в яму». И великия беды сице обыче именовати святое писание. «И възведе мя, — рече, от ямы страстей» (цит. по [28. С. 157]). Толкование Дидима в ТП 1522 практически повторяет этот фрагмент, ср. комментарии к 7:16 $\lambda\mu\delta^*$ зловѣ именѹе^* и к 27:1 обычан $\text{бжтвеннаго писанїа}$ ѣ ровѣ нарицати а (РНБ. СПбДА. А.1.171. Л.47об., 140об.). В отличие от перевода 1552 г., «сущий» текст ТП 1522 в обоих комментируемых стихах содержит лексему *ровѣ*, которая только в толкованиях заменяется либо варьируется с *яма*.

Неинтерлинейные списки П 1552 показывают, что подобные лексические замены Максима не были адекватно, в соответствии с толковыми значениями, прочитаны переписчиками, и в первую очередь заменялись на традиционные чтения. Нил Курлятев в своем предисловии предвидел подобное отношение к переводу Максима: *что бѣдетъ написано вамъ помнитса во шлмѣх сегѡ перѡда некрасно. а азъ то все приахъ еѡ сомнѣнна доврѡ и составно, и счел необходимым указать на обоснование замен формально-семантическим соответствием славянских лексем греческим: во многѣхъ рѣчехъ что вамъ помнитса пременѡ. то wⁿ сказывалъ извѣстно. не едиⁿ рѣзмъ рѣчемъ но котѡрыа рѣчи едиⁿ рѣзмъ вездѣ. то вездѣ едиⁿ. а нынѣ рѣчи двоерѣзны или на три рѣзмы говораⁿ ѡкоже по нашemu пишѣтъ произвѡтники. тако и ѡнъ сказывалъ рѣзмы извѣстно* (РНБ. Соф. 1530. Л. 87–87об.).

Лингвоэзегетическую методологию Максима Грека в целом иллюстрирует текст «Преводных строк» (далее ПС) [22. С. 35–40], входящих в конвой соловецкого списка Псалтыри 1552 г. (РНБ. Сол. 752/862). Сравнение пяти греческих переводов отдельных чтений Псалтыри в славянской передаче обращает внимание как на собственно лингвистические проблемы точности перевода (на лексическом и грамматическом уровнях), так и на их связь с экзегезой библейского текста, и полностью соответствует характеру последовательных исправлений, внесенных Максимом в текст 1552 г. относительно предшествующей редакции. Ввиду огромного объема перевода толкований в ТП 1522 включение в них лингвоэзегетических комментариев, связанных с критикой переводов Священного Писания, было лишь сопутствующей, но не самостоятельной целью. Поэтому в тексте ТП 1522 упоминания о разных греческих переводах Псалтыри присутствуют, но только в контексте того или иного (аллегорического, тропологического, анагогического, буквального) толкования Отцов церкви. К примеру, очень лаконичному комментарию ПС к чтению 65:6: *в рещѣ прейдѣтъ ногою. сиⁿма^x, прейдѡша ногою* в ТП 1522 соответствуют обширные толкования Афанасия, Дидима, Феодора, и только последний автор приводит процитированный в ПС перевод Симмаха, объясняя его выбор формы прошедшего времени отсылкой к ветхозаветным событиям исхода из Египта, тогда как форма будущего времени в переводе LXX толкуется тропологически как прообраз таинства крещения.

ПС представляют собой собрание далеко не всех ссылок на разных греческих переводчиков Псалтыри, имеющих в ТП 1522. Выбор отдельных лингвистических комментариев из толкований осуществлялся по нескольким принципам. Прежде всего, это точность соответствия греческого перевода еврейскому тексту Псалтыри, и этим объясняется преимущественное обращение к текстам Аквилы и Симмаха как к наиболее близким оригиналу. Сравнению лексических вариантов посвящена большая часть ПС: 4:5 *на лѡже^x ваши^x оумилнитеса. акїла и феѡдотїѡⁿ преведѡша. оумолчїте. симма^x же, оутїшитеса*; 46:10 *ѡкоже бжїи крѣпци. сѣмдесаⁿ, крѣпки^x. акїла циты. симма^x же. зацищенїа*. В некоторых случаях, как и в комментариях ТП 1522, обозначены предпочтения того

или иного варианта перевода или указана его обусловленность еврейским текстом: 84:14 *симма*х же *іавственѣйше* преведе, 67:19 *акила* *іавственѣйше* преведе, 44:7 *акила* же *еврейском*х послѣдовалъ.

В части комментариев внимание к лексемам-синонимам связано не с их соответствием оригиналу, но с закрепленным за разными вариантами экзегетическим значением. Таковы два относительно пространных комментария к лексемам *законъ*, *оправданіе*, *повелѣніе*, *свидѣніе* и *соудьба* (псалом 118) и *ожити* — *встати*, *возвѣдигтиса* и *смерть* — *оуспеніе* (песнь 5):

Пс. 118: *вѣдомо* же да *ѣсть* *іако* *іное* *оубо* *ѣсть* *законъ*. *іное* же, *оуправданіе*. *іное* же *повелѣніе*. *іное** *свидѣніе*. *іное* же *соудба*. *закона* же *во* *нарицае*т даннаго *ѿ* *бга* *моісее*«. *заповѣди* же *і* *повелѣнія* *паки* *того* же *аки* *цркви* *заповѣданіе* *и* *повелѣнія*. *оуправданія* же, *аки* *оуправдати*. *исправлающаго* *та* *могуща*. *соудбы* же, *аки* *божвеныа* *суды* *показующа*, *и* *достойнаа* *воздаданія* *живущи*« *законнѣ*. *или* *везаконнѣ*. *свидѣніа**, *аки* *свидѣтельствоюща* *и* *показоюща*, *в* *каковы* *вергѣтсја* *казни* (РНБ. Сол. № 752/862. Л. 220–220об.).

Песнь 5: *акила* *и* *симма*х *и* *феѡдотіѡнъ*. *оживѣтъ* *мертвѣи* *твоя* *и* *встанѣтъ*, *возвѣдигтсја*. *прочій* *преведѡша*. *аки* *оусѡпши*« *и*« *не* *оумѣрши*«. *тѣм*« *стых* *смерть* *оуспеніе* *именѣе*тсја. *послѣдователнѣ* же *оуспенію* *воскрѣнію*. *возвѣженіе* же *оубо* *речѣтсја*. *тѣм*« *по* *прочим*« *преводникѡм*«. *возвѣдигтсја* *и*же *во* *гровѣхъ* *по* *перво*м^х *речѣтсја*. *по* *второ*м^х *же* *возвеселатсја* *или* *возхвалатсја* *по* *акила*х. *или* *возкликнутъ* *по* *феѡдотіѡноу* (РНБ. Сол. № 752/862. Л. 221об.–222).

Оба комментария представляют собой дословные цитаты из ТП 1522¹¹, при этом первый одновременно выступает и как пересказ фрагмента из Лексикона Свида, сжато излагающего суть толкования данных лексем¹².

Не менее важную и обширную группу комментариев в ПС составляют грамматические, причем обсуждаемые варианты соответствуют тем позициям исправлений, которые были актуальными для Максима Грека при переводе П 1552 [7]. Это формы времени (87:7 *положиша* *ма* *вѣамѣ* *преиспѡнѣйшей* ... *акила*, *положил* *ма* *ѣси*. *симма*х. *оучинилъ* *ма* *ѣси*. *сіе* же *оуказателное* *ѣсть*), наклоения (9:11 *да* *оуповаютъ* *на* *тебѣ*. *акила* *и* *симма*х. *вѣдѣтъ* *оуповати* *рѣша*. *оуказателно* *вмѣсто* *повелителнаго* *положиша* *слово*), лица местоимений (89:8 *положилъ* *ѣси* *везаконія* *наша*, *прѣ* *собою*. *симма*х. *прѣложилъ* *ѣси* *безаконія* *наша* *прѣ* *тобою*), падежные формы (16:1 *не* *во* *оустнах* *лстивыхъ*. *симма*х, *не* *оустна*ми *лстивыми*, 77:5 *и* *воздвиже* *свидѣніе* *во* *іаковѣ*. *симма*х. *іаков*х),

¹¹ В ТП 1522 фрагмент толкования к 118-му псалму выглядит так: *вѣдомо* же да *ѣсть* *іако* *іное* *оубо* *ѣсть* *законъ*. *іное** *оуправданіе*. *іное* же *повелѣніе*. *іное* же *свѣдѣніе*. *іино* *судба*. *закона* *во* *нарицае*т даннаго *ѿ* *бга* *моісеѡ*«. *заповѣди* же *и* *повелѣнія* *паки* *того* же. *аки* *цркви* *заповѣданъ* *и* *повелѣнъ*. *оуправанія* же, *аки* *оуправдати*. *исправлающаго* *та* *могуща*. *соудбы* же, *аки* *ѣштвеныа* *соуды* *показоюща*, *и* *достойнаа* *вѣданія* *живоущи*« *законнѣ*. *или* *безаконнѣ*. *свѣдѣнія* же. *аки* *свѣдѣтельствоюща* *и* *показоюща*. *въ* *таковы* *вѣврѣгѣтсја* *казни* (РГБ. Ф. 304.І. № 86. Л. 304). Толкование к 5-й библейской песни: *по* *акилоу* *и* *симма*х^х *и* *ѡѡѡтѡнѡм*. *оживѣтъ* *мртвѣи* *твоя* *мртвѣи* же *ѡго* *кои* *сѣтъ*. *развѣ* *тѣи* *ѡго* *мчнци* [...] *вмѣсто* *встанѣтъ*. *взвѡудатсја*. *прочій* *преведѡша* *аки* *оусѡпши*мъ *имъ* *а* *не* *оумѣрши*мъ. *тѣм* же *стых* *смерть* *оуспеніе* *именуѣтсја*. *послѣдователнѣ* же *оуспенію*. *вскрѣніе*. *возвѡуженіе* *оубо* *речѣтсја*. *тѣмъ* *по* *прочимъ*« *преводникомъ*. *взвѡудатсја* *и*же *въ* *гровѣхъ* *по* *прѣво*м^х *речѣсја*. *по* *второ*м^х« *взвѡеселатсја*. *или* *всхвалатъ* *по* *акѡлоу*. *или* *вскликнѣтъ* *по* *ѡѡѡтѡнѡм* (РГБ. Ф. 304.І. № 86. Л. 407а).

¹² Соответствующий фрагмент Лексикона Свида по рукописи РГБ. Рум. № 264. Л.308об.–309: *Оправдания*, *закон*, *заповеди*, *судьбы*. *Закона* *наричетъ* *даннаго* *от* *бога* *Моисеом*, *заповеди* *же* *и* *веления* *того* *же* *паки* *аки* *царьскы* *повелена* *и* *установлена*, *оправдания* *аки* *могущаго* *оправдати* *свършающаго*, *и* *судьбы* *же* *аки* *божественный* *суд* *и* *достойнаа* *взвездиа* *являющаго* *по* *закону* *и* *безаконно* *живущи*, *сведения* *же* *аки* *свидѣтельствующа*, *каковы* *муками* *мучени* *будут*, *и* *сих* *преступаютъ* (цит. по [28. С. 155–156]).

приименные формы субстантивов и атрибутов (118:29 *пѣть неправды ѿстаѣи ѿ мене. ꙗкіа. пѣть лжи ѿстаѣи ѿ мене. си^м.ма^х. пѣть лóженъ ѿимѣи ѿ мене. ꙗкоѡе преведеніе пѣть вѣры предаде^м*). Так же, как и в отношении лексики, присутствуют отвлеченные от конкретных чтений комментарии к экзегетически маркированным грамматическим формам: отмечается прообразовательное использование прошедшего времени в переводе Феодотиона и LXX (*оуже бывша глаголютъ вса ѡже в хрѣтѣ*), тогда как Симмах предпочитает настоящее время, а Аквила сочетает прошедшее и будущее.

Структура и содержание «Преводных строк» позволяют с уверенностью связать авторство текста с Максимом Греком, отнести время его создания к периоду работы над Псалтырью 1552 г. и определить его назначение как экспликацию тех принципов лингвистической критики текста, которыми Максим Грек руководствовался при переводе Псалтыри 1552 г.

Обнаружение интерлинейрных списков П 1522 позволяет комплексно рассмотреть вопрос и о греческом источнике перевода. В свое время С.А. Белокуровым в качестве вероятных греческих книг¹³, привезенных в Москву с Афона в составе личной библиотеки Максима, были названы издания Псалтыри 1494¹⁴, 1524, 1525, 1545 и 1547 гг. [30. С. 301–304]. Обращение к венецианским изданиям Псалтыри продиктовано обстоятельствами итальянского периода жизни Михаила Триволиса, а именно его сотрудничеством с Альдом Мануцием, которое состоялось не позднее 1503–1506 гг., в период наибольшей активности венецианской академии и типографии, а возможно, началось и существенно раньше – не позднее 1495 г.¹⁵

Использование греческой Псалтыри в издании Альда Мануция, предположенное Белокуровым, так и осталось ничем не подтвержденной гипотезой¹⁶. Ее верификация на материале греческой Псалтыри 1540 г., ранних соловецких списков П 1552 без греческого подстрочника и интерлинейрных списков стала возможной как с точки зрения оформления, так и в текстологическом отношении.

Греческая Псалтырь (далее П 1498) была напечатана в типографии Альда Мануция в 1498 г. под редакцией соратника Альда, грека Юстина Декадия, написавшего предисловие к изданию и создавшего специально для него изысканный

¹³ В том, что Максим привез с собой в Москву не только рукописи, но и издания, сомневаться не приходится: в написанном до 1525 г. послании В.М. Тучкову о типографском знаке Альда Мануция Максим дает «тлкъ знамению [...] въ книзѣ печатнѣи» [18. С. 345], в более позднем послании Петру Шуйскому он просит вернуть ему «съ мнѡю ѡтѣде пришѣдшыа здѣ книги греческіа на просвѣщеніе вкѡпѣ и ѣтѣшеніе дѡвное окабнней дши моеи (РГБ. Ф. 304.1. № 200. Л. 357об.). Последнее послание датируется 1541–1542 гг., т.е. периодом тверской ссылки после второго суда 1531 г., когда Максим получил некоторую «ослабу» относительно условий содержания в Иосифо-Волоколамском монастыре после суда 1525 г. Облегчение условий касалось возможности писать, отобранные же после первого суда книги, как следует из послания, в Тверь к Максиму не вернулись (или вернулись частично). Возвращение библиотеки (по-видимому, не без потерь) можно предполагать лишь в 1547–1548 гг., когда Максим был переведен в Троицу. В этом случае обращение к переводу Псалтыри без толкований получает еще один повод – обретение греческого источника.

¹⁴ Дата 1494 г. у Белокурова является ошибочной: первая греческая Псалтырь была напечатана Джованни Крастоне в Милане в 1481 г., вторым итальянским изданием в 1486 г. стала венецианская Псалтырь критян Алессандро и Лаонико, а в типографии Альда Мануция Псалтырь вышла не позднее 1 октября 1498 г. [29. Р. 191–192].

¹⁵ Последнее предположение было сделано Н.В. Синецкой на основании недавней находки переписанных каллиграфом Михаилом Триволисом сочинений Феокрита, изданного Альдом в 1495 г. [31. С. 280–281], а также – косвенно – на основании присутствия в русских сочинениях Максима переводов из других ранних изданий Альда [28. С. 13–29].

¹⁶ Это предположение, в частности, было повторено Е.Л. Немировским в связи с греческой Псалтырью 1540 г., однако кроме факта знакомства Максима Грека с изданиями венецианской типографии и с самим Альдом Мануцием, никаких аргументов в пользу этой версии высказано не было.

курсивный греческий шрифт¹⁷. Издание предназначалось для итальянской греческой диаспоры и должно было иметь продолжение: Декадий в своем предисловии упоминает о намерении Альда издать Библию параллельно на древнееврейском, греческом и латыни, однако этот проект так и не состоялся¹⁸. Псалтырь была издана форматом в четверть листа, 20 строк на странице, с киноварным оформлением надписаний псалмов и инципитов стихов. Текст псалмов разделен на 20 кафизм и сопровождается библейскими песнями.

С этими характеристиками полностью совпадает оформление греческой Псалтыри 1540 г. Ранние соловецкие списки П 1552 (РНБ. Сол. № 752/862 и № 753/863) отличаются от греческих текстов форматом (в восьмую долю листа), однако, Сол. № 752/862 содержит те же 20 строк на странице (Сол. № 753/863 – 15 строк), в обеих рукописях есть киноварные надписания и инициалы глав, в Сол. № 753/863 непоследовательно выделены киноварью и инципиты стихов.

Объединяет Псалтырь Декадия, список Сол. № 752/862, а также «суший» текст П 1522 в раннем списке РНБ. СПбДА. А.1.171 ситуация с наличием диапсалм¹⁹: во всех текстах они обозначены с разной степенью непоследовательности. В начале Псалтыри Декадия их нет, впервые диапсалма появляется только в конце 56-го псалма и далее sporadически встречается до 139-го псалма (далеко не во всех случаях)²⁰. Диапсалмы, как и инципиты и надписания псалмов, выделяются в тексте киноварью. В списке Сол. № 752/862 первая киноварная диапсалма отмечена на полях в конце 3-го псалма, следующие (с конца 19-го до 142-го псалма) уже внесены в текст, однако тоже непоследовательно. Также sporadически диапсалмы обозначаются и в «сушем» тексте П 1522, где их появление может поддерживаться толкованиями²¹. В интерлинеарных списках П 1552 диапсалм нет.

Общей особенностью Псалтыри Декадия и списков П 1552 является структура 118-го псалма: он разделен на три части (после 72-го и 131-го стихов) «славами» и оглавлениями **στᾱτίᾱ. β̄.** и **στᾱτίᾱ. γ̄.** В Псалтыри Декадия, однако, эти части нумерованы как **στᾱσις α** и **γ** (в греческой Псалтыри 1486 г. **στᾱσις δεῦτερο**). Но в издании 1498 г. (в отличие от издания 1486 г.) есть еще деление псалма на две части, которое обозначено большим киноварным инципитом 94-го стиха. Славянские интерлинеарные списки в этом месте содержат

¹⁷ Шрифт издания по начертанию букв и стилю очень напоминает почерк Максима Грека в Псалтыри 1540 г.

¹⁸ В качестве анонса этой работы Альд напечатал небольшой фрагмент текста на трех языках («Introductio perbrevis ad hebraicam linguam») в приложении к своей латинской грамматике 1501 г., который затем неоднократно был воспроизведен в изданиях грамматики «De octo partibus orationis» Константина Ласкариса, начиная с 1501 г.

¹⁹ Греч. *διάψαλμα* соответствует евр. *selāh*, встречающемуся в Псалтыри 71 раз в 39 псалмах (из них 31 псалом содержит указания на музыкальные инструменты) в конце фразы и строфы. Точное значение этого литургико-музыкального термина неизвестно; принято считать, что он обозначает паузу, необходимую для размышления после уже спетых строк и/или связанную с переменной ритма или мелодии.

²⁰ Интересно, что пользователи этого греческого издания, судя по экземпляру Ватиканской библиотеки Inc. IV.758, на котором присутствует владельческая запись рубежа XV–XVI вв., ощущали эту непоследовательность обозначения: многие из отсутствующих в тексте диапсалм вписаны рукой на полях книги.

²¹ В П 1522 в толковании Евсевия к 23-му псалму дается объяснение: **дѣлѣна* ѣже напре^{ан}. възмѣте врата. видитѣ сътворивъ пѣсни премѣненіе. зане и развѣма, тайно* сіе да видѣт. ѿ ѿхоженіе є гадаѣтнѣ знаменѣт. ѿ зане не единъ входаше. повелѣвае^т слово вса ѿврѣсти врата, вѣдѣши^к ра^{ан} наслѣствовати црѣтвѣ нѣное с ни^н. мнѡгаѡ во ѿ разнаѡ нѣнаѡ * врата ѿврѣзе** (РНБ. СПбДА. А.1.171. Л. 131).

инициал с орнаментом, а на полях — глоссу: *срѣдѣ мѣси* (греч. μέση «середина»). В Сол. № 752/862 глосса без греческого перевода внесена в текст.

Греческий подстрочный текст славянских списков²² обнаруживает практически полное совпадение с Псалтырью Юстина Декадия в надписаниях псалмов и обозначении кафизм (предшествующее венецианское издание Псалтыри 1486 г. в этом отношении существенно отличается). Исключением является лишь 11-й псалом, который предваряется «славой», отсутствующей в издании 1498 г. (но не в издании 1486 г.): П 1552 *дѣѣа. ѣс то тѣлос, ѡпертѣс ѡгдонс* — П 1486 *δόξα εἰς τὸ τέλος, ὑπὲρ τῆς ὀγδόης* — П 1498 *εἰς τὸ τέλος, ὑπὲρ τῆς ὀγδόης*.

Написания греческих слов под титлом (помимо *κύριος*) в интерлинейрных списках демонстрируют неоднозначную ситуацию, поскольку среди них есть варианты, соответствующие сокращенным написаниям в обоих венецианских псалтырях, есть совпадения только с изданием Декадия, но есть и написания, которые не отвечают ни одному из венецианских изданий. Эти данные, скорее всего, не могут быть надежным свидетельством в пользу греческого источника, поскольку Нил Курлятев не просто копировал греческий текст, но понимал его, включая лигатуры и титла, и мог обходиться с последними относительно свободно.

Исходя из перечисленных особенностей оформления славянских текстов, греческое издание Псалтыри 1498 г. как минимум не может быть отвергнуто. Для более утвердительного вывода о его использовании Максимом Греком требуется сравнение с другими изданиями, напечатанными до 1550-х годов, хотя вероятность их попадания к Максиму, на наш взгляд, весьма невелика, учитывая обстоятельства московского периода его жизни.

Существенные уточнения в это утверждение вносит сравнение греческих чтений интерлинейрного списка П 1552 с Псалтырью Декадия. С одной стороны, есть совпадающие чтения при их отличии от Псалтыри 1486 г., ср.: 2:12 *πάντες οἱ πεποιθότες ἐπ' αὐτῷ* — П 1498 *πάντες οἱ πεποιθότες ἐπ' αὐτῷ* — П 1486 *πάντες οἱ ἐλλίζοντες ἐπ' αὐτῷ*. С другой стороны, в тексте Псалтыри Декадия встречаются лакуны (в 27:1 пропущена повторяющаяся в стихе синтагма, что никак не отразилось в славянском интерлинейрном тексте: *μη παρασιωπίσης ἀπ' ἐμοῦ μη ποτε παρασιωπίσης ἀπ' ἐμῶν* — П 1498 *μη παρασιωλήσης ἀπ' ἐμοῦ καὶ ὁμοιωθήσομαι τοῖς καταβαίνουσιν εἰς λάκκον* — П 1486 *μη παρασιωλήσης ἀπ' ἐμοῦ, μήποτε παρασιωλήσης ἀπ' ἐμοῦ καὶ ὁμοιωθήσομαι τοῖς καταβαίνουσιν εἰς λάκκον*. Наконец, в интерлинейрном тексте есть несовпадающие с обоими греческими изданиями чтения, ср.: 6:6 *ἐν τῷ ἄδι δε* — *ἐν δὲ τῷ ᾄδῃ* (П 1486 и П 1498), 5:9 *ἐχθρῶν μου ἕνεκα τοῦ* — *ἕνεκα τῶν ἐχθρῶν μου* (П 1486 и П 1498). Отличия не очень значительны и касаются лишь порядка слов, однако во всех приведенных примерах интерлинейрный текст следует стандартизованному тексту LXX. Это заставляет полагать, что Максим Грек пользовался не одним греческим источником.

Таким образом, в комплексной работе Максима Грека с текстом Св. Писания имела место не только критика языка, но и критика текста. Это еще раз подтверждает ее исключительное значение для славянской библейской филологии XVI в. и ее типологическую общность с деятельностью итальянских и немецких филологов эпохи гуманизма, воплотивших в новых переводах Св. Писания принцип *ad fontes*, способствовавший достижению как языковых целей, так и целей научной экзегезы.

²² Далее интерлинейрный греческий текст приведен в оригинальной графике и орфографии рукописи РГБ. Ф. 173.1. № 8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горский А.В. Максим Грек, святогорец // Прибавления к Творениям св. Отцов. М., 1859. Ч. 18. Кн. 2.
2. Иванов А.И. Литературное наследие Максима Грека: характеристика, атрибуции, библиография. Л., 1969.
3. Карачорова И. Новонайденная catena к Псалтыри в двух рукописях Хиландарского монастыря // Старобългаристика. 2015. № 1.
4. Иеромонах Арсений, иеромонах Иларий. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры // ЧОИДР. М., 1878. Кн. 2. Т. 1.
5. Архимандрит Леонид. Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища св. Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г. (ныне находящихся в библиотеке Московской духовной академии). М., 1887. Вып. 1–2.
6. Симицына Н.В. Максим Грек в России. М., 1977.
7. Вернер И.В. Грамматическая справка Максима Грека в Псалтыри 1552 г. / Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XV Международный съезд славистов. М., 2013.
8. Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1857. Отд. II: Писания святых отцов. Ч. 1: Толкование Священного Писания.
9. Ковтун Л.С., Симицына Н.В., Фонкич Б.Л. Максим Грек и славянская Псалтырь (сложение норм литературного языка в переводческой практике XVI в.) // Восточнославянские языки: источники для их изучения. М., 1973.
10. Кравец Е.В. Книжная справа и переводы Максима Грека как опыт нормализации церковнославянского языка XVI века // Russian Linguistics. 1991. V. 15. № 3.
11. Olmsted H.M. Recognizing Maksim Grek: Features of his Language // Palaeoslavica. 2002. V. X. № 2.
12. MacRobert C.M. Maksim Grek and the Norms of Russian Church Slavonic // Papers to be presented at the XIV International Congress of Slavists. Ohrid, 2008.
13. MacRobert C.M. Maksim Grek in linguistic context // Specimina philologiae slavicae. 2017. Bd. 192 (в печати).
14. Новикова О.Л. Ефросин Белозерский и московские книжники последней четверти XV в. // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2012.
15. Фонкич Б.Л. Максим Грек – узник Иосифо-Волоколамского монастыря // Греческие рукописи и документы в России. М., 2003.
16. Дианова Т.В., Костюхина Л.М., Поздеева И.В. Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ // Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991.
17. Фонкич Б.Л. Русский автограф Максима Грека // Греческие рукописи и документы в России. М., 2003.
18. Преподобный Максим Грек. Сочинения. М., 2008. Т. 1.
19. Преподобный Максим Грек. Сочинения. М., 2014. Т. 2.
20. Казимова Г.А. Псалтирные цитаты в «Слове пространном, излагающем с жалостью нестроения и безчиния царей и властей последнего века сего» Максима Грека // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2008. Т. 13.
21. Казимова Г.А. К вопросу о текстологии «Слова пространного» Максима Грека // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2008. Т. 13.
22. Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII в. Л., 1975.
23. Буланин Д.М. Нил Курлятев / Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2. Л–Я.
24. Порфирьев И.Я., Вадковский А.В., Красносельцев Н.Ф. Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской Духовной Академии. Казань, 1881.
25. Гардзанти М. Максим Грек и конец средневековья в России // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3 (61).
26. Вернер И.В. Locī communes европейской гуманистической филологии: справа библейских текстов Эразма Роттердамского и Максима Грека // Specimina philologiae slavicae. 2017. Bd. 192 (в печати).
27. Никольский К. Материалы для истории исправления богослужебных книг: Об исправлении Устава церковного в 1682 году и месячных Миней в 1689–1691 гг. СПб., 1896. (= Памятники древней письменности, СХV).
28. Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984.
29. Swete H.V. An introduction to the Old Testament in Greek. Cambridge, 1900.
30. Белокуров С.А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898.
31. Speranzi D. Michele Trivoli e Giano Lascari. Appunti su copisti e manoscritti greci tra Corfù e Firenze // Studi Slavistici. 2010. V. 7.

© 2017 г. Б.Н. ФЛОРЯ

МАРТИН БЕЛЬСКИЙ О ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ СЛАВЯН И ПОЛЬШИ

В статье дана характеристика взглядов М. Бельского в первом издании его хроники на древнюю историю славян и Польши. Показано столкновение в одном тексте разных ориентаций в освещении этой теме в среде формирующейся польской ренессансной интеллигенции.

The article characterises the views of Marcin Bielski on the ancient history of Slavs and Poland in the first edition of his chronicle. It shows how different orientations in one text confront while reflecting this theme among the emerging Polish renaissance intellectuals.

Ключевые слова: древние славяне, античный мир, Восточная Европа, Восточная Римская империя.

Keywords: ancient Slavs, antic world, Eastern Europe, Eastern Roman Empire

Среди людей, писавших в раннем XVI в. о древней истории славянского мира, Мартину Бельскому принадлежит особое место. Вместе с тем перед нами характерный тип эпохи. Шляхтич, который во время службы при дворе Петра Кмиты, не имея систематического образования, стал самостоятельно учиться разным «наукам» и был охвачен стремлением сделать полученные знания достоянием общества, адресовав читателям тексты на всем понятном польском языке. В этих стремлениях он вступил в контакт с учеными людьми – бакалаврами Краковского университета, испытывавшими аналогичные устремления. Один из них написал предисловие к первому сочинению Бельского «Żywoty Philosophow», напечатанному в Кракове в 1535 г.

Для этой среды были характерны выпады против священников, которые запрещали читать польские переводы Священного писания, и высокое мнение о славянском языке давном и славном, «ktory Alexander Wielki jest osławiał, ktory Jeronim święty pismem swem [...] jest osłachcił» (цит. по [1. S. 16]). Эти взгляды не остались без влияния на представления М. Бельского о древней истории славян.

В 1551 г. увидела свет написанная М. Бельским «Kronika wszytkiego swyata» – первое историческое сочинение на польском языке. Сочинение это представляло собой адресованное польскому читателю своеобразное пособие по всемирной истории. В основу пособия были положены сведения, почерпнутые из существующих всемирных хроник, прежде всего из всемирной хроники Науклера. Как показало сопоставление текстов, эти источники М. Бельский излагал

в сильном сокращении. В последующих изданиях, 1554 г. и 1564 г., М. Бельский изменял структуру труда, вводил новый материал и новые разделы (например, раздел об открытии Нового Света в кн. IV издания 1554 г. или раздел о России в кн. IX издания 1564 г.). Для темы данной работы важно отметить, что в заключительной части издания 1551 г. М. Бельский поместил очерки венгерской, чешской и польской истории. Это была важная новация для пособия по всемирной истории (соответствующие повествования были помещены в издании 1551 г. как дополнительные статьи)¹. Однако следует отметить сохранение общих принципов работы, когда для соответствующего раздела использовался какой-либо авторитетный труд, текст которого передавался в сильном сокращении (наиболее важные, по мнению автора, сведения). Для повествования о польской истории главным источником явилась «Хроника» Матвея Меховского [I. S. 111–113], текст которой был сильно сокращен, для повествования о чешской истории была использована изданная в 1541 г. Хроника Вацлава Гайка. Если в рассказе о событиях польской истории исследователи выявили попытки хрониста изменить освещение некоторых моментов прошлого X–XI вв. в труде Меховского, то изложение Гайка М. Бельский только сокращал, не меняя направленности повествования даже тогда, когда оно расходилось с польской традицией [I. S. 76, 295–296]. Исследование раздела о России в издании 1564 г. показало, что его большая часть является сильным сокращением сочинения С. Герберштейна [I. S. 298].

Таким образом, перед нами пособие по всемирной истории, которое содержит по той или иной теме наиболее важные общие сведения, почерпнутые автором из известных ему авторитетных трудов. По современным понятиям, мы имеем дело с памятником научно-популярной литературы.

Вместе с тем в таком труде, как обращенная к польскому читателю всемирная хроника, М. Бельский не мог обойти молчанием сюжеты о происхождении славян, месте их прародины, их судьбы в древнейший период их истории, наконец, когда и при каких обстоятельствах предки поляков поселились на территории Польши. При освещении этих вопросов автор оказался в сложном положении. В его распоряжении не оказалось какого-либо одного авторитетного текста, основное содержание которого можно было бы предложить читателю. В известных ему текстах содержались совсем разные взгляды о месте прародины славян и их древнейшей истории. Так, в «Хронике» Меховского проводилась мысль, что, выйдя из древнейшего очага жизни человечества — Месопотамии славяне поселились на Балканах в очень древние времена. Филипп и Александр Македонские были, по его утверждению, славянами. Отсюда славяне постепенно перемещались на север и северо-восток [2. С. 87, 257–259]. Вместе с тем в распоряжении М. Бельского была рукопись исторического труда, написанного королевским историографом Сигизмунда I Бернардом Ваповским, где не менее четко и определенно утверждалось, что прародина славян находилась на территории Восточной Европы и лишь в последние века существования античного мира славяне стали перемещаться из первоначального очага поселения на юго-запад и запад [3].

Изучение исторического повествования М. Бельского позволило констатировать присутствие в их разных частях различных версий одного исторического события. Как убедительно показал А.С. Мыльников, анализируя сюжет о братьях Чехе и Лехе, в тексте чешского раздела воспроизводится вплоть до деталей рассказ чешской хроники В. Гайка, где Чех — старший из братьев, а в «польском» разделе

¹ О работе М. Бельского над структурой своего труда см. [I. S. 50–52].

уже Лех выступает как старший из братьев [2. С. 155–163, 277]. Таким образом, в разных частях своего повествования М. Бельский воспроизводит версии, характерные для разных исторических традиций.

При оценке такого способа работы с рассказами о прошлом следует принять во внимание замечание М. Бельского, что о древней истории славян мало что известно, так как они «długo pisma nie znali», поэтому те, кто пишут на эту тему, руководствуются своим мнением, а не знанием [4. К. 155].

Скептицизм к свидетельствам о древности был свойствен и такому современнику Бельского, как Мартин Кромер, который, однако, стремился найти различие между достоверными и недостоверными свидетельствами. Бельский же, по-видимому, пришел к другому выводу: поскольку нет точных критериев для определения достоверного знания о прошлом, необходимо предлагать читателю разные точки зрения на этот счет, имеющиеся в существующих текстах.

Все это следует иметь в виду, обращаясь к написанному М. Бельским очерку «O wywodzie narodu polskiego», с которого в изданиях 1551 г. и 1554 г. начинался польский раздел «Хроники». Как показал И. Хшановский, в обоих изданиях читался идентичный текст [1. S. 304]. Во введении к своему труду М. Бельский писал, что при реконструкции событий прошлого следует опираться на свидетельства историков, очевидцев и участников событий, которые «prawdziwiei pisali, nizli naszymi kapłani» [4. К. 11] — духовные лица, авторы исторических трудов о прошлом славян и Польши. И. Хшановский выразил мнение, что соответствующие высказывания были почерпнуты автором из «Хроники» Бернарда Ваповского [1. S. 104–105], именно так подходившего к свидетельствам источников (см. об этом [3]). Это весьма вероятно, так как провозглашенные М. Бельским принципы подхода не были последовательно проведены в его сочинении. Это нетрудно показать, рассматривая, как решал М. Бельский вопрос о происхождении славян. В пособиях, положенных автором «Хроники» в основу изложения всемирной истории, происхождение тех или иных европейских народов связывалось с библейскими генеалогиями, и соотношение того или иного народа с другими европейскими народами, его место в Европе находились в некоторой зависимости от места предка соответствующего народа в генеалогии потомков Ноя. Правда, к XVI в. стало распространяться скептическое отношение к такого рода генеалогиям. Эней Сильвий Пикколомини, касаясь в «Чешской истории» вопроса о происхождении славян, писал, что соответствующие построения нельзя подтвердить какими-либо древними свидетельствами [5. S. 14–15]. М. Бельский, однако, не принадлежал к числу таких скептиков. Замечания Энея Сильвия вызывали у него отрицательную реакцию [4. К. 154v].

В поисках библейских предков славян М. Бельский не мог обратиться, судя по всему, к хронике Конрада Ваповского, и здесь пособием для него стала хроника другого историографа короля Сигизмунда I Иоста Людвиг Деция «De vetustatibus Polonorum», где говорилось о древнем государстве сарматов, охватывавшем территорию от Волги («Танаис» хроники Бельского) до Рейна во главе с королем Туисконом, в котором совместно жили сарматы и тевтоны, «germanitate coniunctas»². Это давало возможность сделать предков германцев, занимающих определенное место в средневековых библейских генеалогиях, одновременно предками славян.

² О труде Деция см. [6. S. 72–73].

В очерке М. Бельского указывается, что уже сын Ноя Иафет переселился «в этот полночный край», а потом сын его Гомер и внук Аскеназ «сарматы заложил» [4. К. 154v]. Тем самым хронист отклонял утверждения своих предшественников о происхождении славян от родоначальников греков — Иавана. Предложенные им решения не противоречили наблюдениям и выводам Б. Вاپовского о локализации «прародины» славян на территории Восточной Европы, но обращение с источниками явно не соответствовало им же провозглашенному призыву опираться на тексты античных авторов. Первоначальным очагом расселения славян, согласно Бельскому, была великая «Волгария», расположенная на берегах Волги, о чем он писал не только в этом очерке, но и в разделе о событиях мировой истории под 816 г. («Bulgaria albo Wolgaria wielka, z ktorey my idziem, Slowacy» [4. К. 79v]). Этот первоначальный очаг поселения древние славяне покинули в поисках лучшей земли или (по другой точке зрения) были вытеснены татарами [4. К. 79v].

Как сложилась такая точка зрения о прародине славян, можно предположительно установить. Появление версии о том, что славяне жили первоначально на территории Восточной Европы, стимулировало поиски в этом регионе этнонимов, указывавших на пребывание там предков известных людям XVI в. славянских народов. В этой связи могли привлечь внимание сообщения Иордана — автора VI в. о «sedes Bulgarorum», расположенных на северо-западе от Черного моря³. Для людей XVI в. это было указанием на древнее место обитания одного из известных им славянских народов. Что древние болгары были тюрками, М. Бельский не знал. Вместе с тем известия древнерусских летописей о войнах русских князей (начиная с Владимира с волжской Булгарией), которые, вероятно, стали как-то известны Бельскому, могли привести его к заключению, что первоначально именно там, на Волге, жили предки известных ему болгар.

Затем, опираясь, очевидно, на известные ему исторические труды, М. Бельский описывает миграцию болгар (на деле — протоболгар), начиная с правления Юстиниана, на земли Восточной Римской империи — в Мезию и во Фракию. Он подчеркивал, что в своих набегах болгары дошли до Истрии, где после победы над лангобардами основали город Истринополь. Он сообщает о победах болгар над византийскими императорами и их полководцами: они нанесли поражение императору Зенону, императора Никифора разбили и убили [4. К. 79v].

Такое внимание к военным деяниям болгар связано с некоторыми общими установками М. Бельского. Во введении к своему труду, критикуя своих предшественников — духовных лиц он писал, что они описывали благодеяния правителей и рыцарей по отношению к церкви («fundusse a prebendi»), их не интересуют «rzeczy zasne Rycerskie» и «sprawy Rycerskie», которых они не понимают [4. К. 11–11v]. Сам же Бельский — шляхтич, обращавшийся к не знающей латыни своей «братье»-шляхте, намерен был уделить военным подвигам древних славян самое серьезное внимание. Эти установки, как увидим далее, наложили отпечаток на его характеристику образа жизни древних славян в первоначальном очаге их поселения — Сарматии. Как отмечалось выше, М. Бельский отверг точку зрения своих предшественников о происхождении славян от родоначальника греков — Иавана. Греки, — писал М. Бельский, — «s nami nigdy

³ О появлении названия «болгары» в текстах авторов VI–VII вв. см. [7. С. 68]. Свидетельство Иордана см. [8. С. 271].

w Sarmaciey nie byli». Здесь славяне жили вместе с немцами под властью Туи-скона, а затем их часть — «Wandality» вышла на запад вместе с немцами, чтобы занять «Pruskie krainy, Saskie i Pomorskie» [4. К. 154v., 156]. Такие представления сложились у Бельского, по-видимому, под влиянием чтения Деция, и не могут восходить к труду П. Ваповского, отличавшегося, судя по сохранившимся свидетельствам, острой антигерманской направленностью (см. [3]).

Сарматия в очерке Бельского выступает как обширная территория. Ее границы на востоке — Волга («Танаис» Бельского), на юге — Азовское море («ieziogo Meotis»), на западе — Висла или Одер, на севере — Балтийское (Сарматское) море [4. К. 154].

Жителей Сарматии — сарматов — М. Бельский отождествил с предками славян (и в том числе и поляков), отсюда появление на страницах его труда таких выражений, как «мы — сарматы», «нас, сарматов» [4. К. 155, 274; 6. S. 89]. Такое отождествление, казалось бы, должно было побудить М. Бельского к сбору свидетельств о сарматах античных авторов. Однако таких свидетельств в тексте «Хроники» не обнаруживается. Автор ограничивается ссылкой на «Тристии» Овидия, где упоминаются «Sawromate okrutni, co się ani Boga, ani rzumskiej mocy nie boią» и так смелы, что без страха переправляются по льду через Дунай [4. К. 154v], (ср. [8. С. 216–217]). Овидий был автором широко читавшимся в той среде, в которой врашался М. Бельский. К тому же его слова должны были создать у читателя представление о сарматах, как смелых и мужественных людях.

Относительно сарматов в античном наследии сохранялась достаточно прочная традиция, отразившаяся в сочинениях таких авторов, как Геродот, Гиппократ и Помпоний Мела. Традиция эта говорила об особом положении женщины в сарматском обществе. Здесь женщины до вступления в брак ходят вместе с мужчинами на охоту и на войну [8. С. 62, 73, 236]. Эту часть традиции М. Бельский, по-видимому, сознательно игнорировал. Напротив, получила его одобрение другая часть этой традиции, говорившей о сарматах, как кочевниках⁴. Представление о сарматах, как кочевниках, было положено в основу данной хронистом характеристики образа жизни древних сарматов. Такое решение было тесно связано с представлениями хрониста о характере древних обществ на севере Европы. Древние сарматы, — писал М. Бельский, — вели такой образ жизни, как кочевники — татары: они жили в полях, «скарбов» не имели, домов не строили, жили в шатрах, все у них было общее, оружием служили луки и рогатины [4. К. 155v]. Также жили, — подчеркивает М. Бельский, — и предки «поляков», получивших свое название от «полей», в которых они жили в шатрах, не желая строить домов [4. К. 157v]. В своем тексте М. Бельский поместил пространное рассуждение, что такой образ жизни в суровых северных условиях способствовал воспитанию суровых, мужественных, не чувствительных к нужде и холоду людей [4. К. 155v].

Перед сарматами «дрожала вся земля». Это о них говорило Священное писание: «От севера откроется бедствие для всех обитателей сей земли» (Иеремия, I.14). Вышедшие из Сарматии разные племена — готы, вандалы, гунны и другие — «всю Европу и Африку воевали и грабили, и где им подобало, оседали [...] так что никто нигде не мог дать отпор» [4. К. 154].

⁴ См. слова в «Германии» Тацита о сарматах, «проводящих всю жизнь в повозке и на коне» [8. С. 249].

Смысл этих построений М. Бельского может быть раскрыт полнее и точнее при обращении к характеристике «монголов» — «скифов», помещенной в другой части его труда [4. К. 116v]. Монголы описываются как непобедимый народ, под властью которого долго находилась вся Азия, «zład wszystkim światu ku sławie przyszli». Важен комментарий, где Бельский раскрывает причины их успехов. У них нет ничего собственного, кроме жены и сабли, у них нет денег, они не знают золота и серебра, и для них нет ничего дороже славы. «А там, — пишет далее Бельский, — где ценят золото, там корыстолюбие, где корыстолюбие — там жадность, где жадность, там измена». Некоторый рефлекс этих рассуждений обнаруживается и в очерке о происхождении поляков: те легко переносили нужду и холод на войне, пока не стали употреблять спиртных напитков. Как представляется, толчком для выработки таких представлений послужила характеристика «скифов» в труде Помпея Трога [8. С. 222–223], заимствования откуда обнаруживаются в тексте Бельского. То, что скифы трижды добивались владычества над Азией было связано с их высокими моральными качествами — «отсутствию страсти к чужому». «Они не приобретают ничего такого, что боялись бы потерять, а, оставаясь победителями, ничего не желают, кроме славы» [8. С. 222–223].

Такие рассуждения закономерно привлекли внимание хрониста, поставившего своей целью дать характеристику прежде всего военных деяний предков. В известных М. Бельскому исторических схемах определенное место занимало изображение некогда существовавшего на заре истории «золотого века». На страницах «Хроники» М. Бельский также создал своеобразный «золотой век», когда общество состояло из смелых и несокрушимых воинов, неуязвимых из-за равнодушия к земным благам, и поэтому непобедимых. В ряду таких обществ наряду с монголами-скифами находились и предки славян и поляков — древние сарматы.

В дальнейшем М. Бельский перешел к характеристике миграции сарматских племен из первоначального очага расселения на земли Центральной и Юго-Восточной Европы. Здесь перед ним возникла необходимость принципиально обосновать такую схему расселения славян, расходившуюся с существующей традицией, как она была представлена в хорошо известном образованному читателю «Хроники» М. Меховского, где последовательно проводилась идея «автохтонности» славян. Уже во введении к своему труду М. Бельский писал, что не следует волноваться из-за того, что польский народ пришел откуда-то в места, где он живет. Зафиксированной его предшественниками традиции хронист отказывал в достоверности [4. К. 11].

Древние славяне были язычниками, не имели письменности, поэтому не могли иметь достоверной традиции о прошлом, и следует отдать предпочтение свидетельствам латинских и греческих авторов, народы которых приобрели свою письменность «dobrze pierwey, nizli my, Sarmate» [4. К. 155].

Наряду с этим несостоятельность существующей традиции была показана и иным, достаточно наглядным способом. Так, согласно этой традиции, Крак — основатель Кракова, действовал за 400 лет до Рождения Христа, а Пяст — в конце XI в. Между тем, по смерти дочери Крака Ванды сменилось за это время свыше тысячи лет — пять правителей, «co nie mogło być» [4. К. 155]. Отстаивая новую точку зрения, Бельскому следовало преодолеть еще одну трудность. Средневековая историческая традиция не только в Польше, но и в других странах Европы настойчиво внушала читателю представление, что в очень древние времена предки того или иного народа заселяли пустующую землю,

на которой их потомки продолжают жить в течение многих столетий. Такое представление М. Бельский энергично опровергает. Из известных народов никто кроме татар и индийцев не может утверждать, что его предки жили неизменно много веков на той или иной земле. Люди, жившие на северных землях, теперь живут на южных, жившие на востоке теперь живут на западе. Этому способствовали монархи, переселявшие массы людей «*y dziś Turek tak czyni*» [4. К. 155]. Переселения племен из Сарматии оказывались частью этого процесса.

Знакомство с трудом М. Бельского в целом показывает, что для него такого рода полемические экскурсы не характерны. Обычно хронист достаточно точно следует за своими источниками. Представляется поэтому весьма вероятным, что эта полемика с традицией восходит к труду Б. Ваповского, в котором впервые новые взгляды на древнюю историю славян нашли отражение.

Рассказ о миграциях славян М. Бельский начинает с сообщения о переселениях «вандалов» (а это – «*ludzie naszego jezuka*» [4. К. 63v]. Они первыми поселились на Висле, древнее название которой Вандалус, и от нее получили свое название. Затем они ушли на запад [4. К. 155v–156]. Вслед за вандалами из «Волгарии» вышли «*naszy prodkowie Roxolani*» [4. К. 156]. Сведения о «роксоланах» М. Бельский почерпнул из сочинений М. Меховского, видевшего в «роксаланах» античных авторов – предков восточных славян (о взглядах Меховского см. [9. С. 61–62]). Это построение приобрело новое значение, когда М. Бельский стал излагать построение Б. Ваповского о том, что прародина славян находилась на территории Восточной Европы. При таком подходе «Волгария» – место обитания «роксалан» на Волге становилось «прародиной» славян, откуда выходили разные славянские племена, заселившие разные земли в Европе. Так, значительная часть людей направилась на юг, к побережью Черного моря. Затем они перешли Дунай, нанесли ряд поражений византийцам и заняли Мизию, назвав ее Болгарией. Другие направились на Воынь, на Подляшье [4. К. 156]. Тогда же, по-видимому, пришли на свои земли предки чехов и поляков.

Рассматривая эту, первую, часть очерка Бельского о происхождении польского народа, следует констатировать, что в этом тексте, адресованном достаточно широкому кругу читателей, был впервые публично изложен взгляд на древнюю историю славян, принципиально отличавшийся от прежней исторической традиции. Взгляды эти были заимствованы М. Бельским из неопубликованного труда его старшего современника Б. Ваповского. Не располагая утраченным текстом, нельзя установить, насколько полно и точно хронист передал взгляды Ваповского. Но есть основание полагать, что он воспроизвел основные моменты нового исторического построения, а, возможно, и ряд аргументов, служивших для его обоснования.

Вместе с тем очерк М. Бельского включал в себя вторую часть, в которой давалось иное изображение древних судеб славян. Если в предшествующей части можно обнаружить ссылки на источники (в частности, на свидетельство Прокопия Кесарийского), то эта часть открывается словами «*Nayduie się też według baczenia*». Далее выясняется, что согласно этим наблюдениям славяне жили в Малой Азии в Пафлагонии во времена Троянской войны, и показали себя в Трое, как «славные мужи». После падения Трои они направились на земли Италии, где основали Венецию, на круглом холме подобном «венцу», откуда название этого города. Правда, отмечает М. Бельский, в итальянской хронике рассказывается по-иному об основании Венеции,

но это свидетельство сомнительно, это — поэтические вымыслы [4. К. 156v]. Таким образом, предки славян активно участвовали в важнейших событиях древней истории античного мира, а затем в жизни древней Италии.

За этим рассказом в очерке М. Бельского следует история, касающаяся еще более древних времен. Ссылаясь на Помпея Трога, М. Бельский рассказывает о воинах царя колхов Аета, посланных в погоню за Язоном, похитившем золотое руно и Медею. Воины эти после долгих странствий поселились на севере Италии, недалеко от Аквилеи. К этому известию М. Бельский добавляет, что на этой территории — в Истрии в деревнях говорят по-славянски. После этих двух историй следовал общий вывод: «Z dawna w Aziey Slowacy byli i miasta znamenite we Włoszech zakładali» [4. К. 157].

Как было выше отмечено, в очерке М. Бельского о деяниях болгар говорилось о их вторжении в Истрию и основании ими Истринополя как заключительном этапе их набегов, начавшихся в годы правления императора Юстиниана. Согласовать между собой эти точки зрения хронист не пытался.

В дальнейшем тексте мы сталкиваемся с воспроизведением только что отвергнутой и опровергнутой традиции. Как авторитетный источник по истории древних славян в труде воспроизводится грамота Александра Македонского славянам, заимствованная М. Бельским из чешской хроники В. Гайка [4. К. 157v]⁵. Воспроизведение этого текста М. Бельский сопроводил рядом комментариев. Так, для него грамота служит доказательством, что «Роксолане» находились в правление Александра в Македонии, были у него «zacznemi guserzy» и получили от него «великие державы» во владение. Публикация такого текста отвечала декларированному хронистом стремлению выдвинуть на первый план в своем повествовании «sprawy guserskie».

В грамоте Александра говорилось о передаче славянам земель от Северного Ледовитого океана до Адриатического моря. Эти слова грамоты М. Бельский сопроводил комментарием, что на всех этих землях живут разные славянские народы, некоторые из них усвоили от соседей их обычаи, но все они говорят на одном общем для них славянском языке.

Стоит отметить и еще одну деталь этих комментариев. По-видимому, чтобы повысить достоверность этого свидетельства в глазах читателя, М. Бельский отметил наличие «в нашем языке» большого количества греческих слов [4. К. 157–157v], что, очевидно, должно было говорить о существовании древней связи между предками славян и Древней Грецией.

Если первая часть очерка представляет собой интересное свидетельство влияния новаторского для своей эпохи научного труда на мировоззрение достаточно видного представителя зарождающейся польской ренессансной интеллигенции, то вторая часть отражает влияние на хрониста представлений и взглядов той среды, к которой он сам в очень значительной степени принадлежал. Эта среда, как представляется, не обладала серьезными навыками по анализу древних текстов ради реконструкции прошлого и не ставила перед собой такой задачи. Вместе с тем эти люди испытывали все более серьезный интерес к установлению духовной связи с античным миром, его традициями и его прошлым. Отсюда и желание найти в прошлом этого мира место для своих предков. Этому желанию отвечали и «истории», рассказанные М. Бельским, и грамота Александра Македонского славянам. Между двумя частями «очерка» налицо очевидное противоречие — фактически отвергнув «балканскую»

⁵ О происхождении текста чешского сочинения XV в. и его использовании см. [2. С. 45 и сл.].

версию «прародины» славян, автор, помещая в ней грамоту Александра Македонского славянам, практически к ней возвращается. Как отметил А.С. Мыльников, такое противоречие сохранилось и при последующих изданиях «Хроники» [2. С. 261].

Таким образом, очерк М. Бельского отражает переплетение разных традиций в освещении древней истории славян в общественном сознании разных прослоек формирующейся польской ренессансной интеллигенции середины XVI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Chrzanowski J.* Marcin Bielski. Studium historyczno-literackie. Lwów; Warszawa, 1926.
2. *Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVII в. СПб., 1996.
3. *Флоря Б.Н.* Бернад Ваповский о древней истории славян и Польши // Славянский альманах (в печати).
4. *Bielski M.* Kronika wszytkiego swyata. Kraków, 1551.
5. *Enea Silvio.* Historia bohemia. Praha, 1998.
6. *Ulewicz T.* Sarmacja. Studium z problematyki słowiańskiej XV i XVI w. Kraków, 1950.
7. *Златарский В.Н.* История на българска държава през средните векове. София, 1970. Т. 1. Ч. 1.
8. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / Сост. А.В. Подосинов. М., 2009. Т. I. Античные источники.
9. *Карнаухов Д.В.* Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения. Новосибирск, 2010.

© 2017 г. К.А. КОЧЕГАРОВ

ЕВСТАФИЙ ГИНОВСКИЙ-АСТАМАТИЙ И ОСМАНСКАЯ ВЛАСТЬ НАД ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНОЙ В 1677–1678 годах

*«Великой и страшной вор и прегбеглец
во всех народах и языки всякие в достатках разумеет»*

(Из отписки резидента В.М. Тяпкина)

В статье рассматривается биография и дипломатическая карьера одного из крупных украинских дипломатов второй половины XVII в., Е. Гиновско-Астаматия. Уточняется и дополняется ряд фактов, связанных с его деятельностью во времена гетмана И.Е. Выговского. Основное внимание посвящено деятельности Е. Гиновско-Астаматия во второй половине 1670-х годов, когда он играл активную роль в отношениях правобережного гетмана Ю. Хмельницкого с Османской империей. Детально анализируется впервые вводимая в научный оборот дипломатическая инструкция для переговоров с турками, которую Е. Гиновский-Астаматий получил от гетмана. Текст ее публикуется в приложении.

The article deals with the biography and diplomatic activity of Eustathius Ginovsky-Astamaty, one of the prominent Ukrainian diplomats of the second half of seventeenth century. Some facts of his biography during Ivan Vyhovsky's rule have been revised and updated. Furthermore the paper focuses on Ginovsky-Astamaty's activity in the 1670s, when he played an important role in relations between Yuri Khmelnitsky, the *hetman* of Right-bank Ukraine, and the Ottoman Empire. An earlier unknown diplomatic instruction for the negotiations with the Ottomans, which was given to Ginovsky-Astamaty by the *hetman*, is thoroughly examined. The document itself is published as an annex.

Ключевые слова: Османская империя, Юрий Хмельницкий, украинско-турецкие отношения, Евстафий Гиновский-Астаматий, польско-турецкая война 1672–1676 гг., русско-турецкая война 1673–1681 гг.

Keywords: Ottoman Empire, Yuri Khmelnitsky, Ukrainian-Ottoman relations, Efstaphy Ginovsky-Astamaty, the Polish-Turkish war of 1672–1676, Russian-Turkish war 1673–1681.

История османского владычества на Правобережной Украине в форме учреждения в 1677 г. гетманства во главе с монахом-расстригой Юрием Хмельницким, сыном Богдана Хмельницкого, известна историкам лишь в самых общих чертах. Многие страницы этих драматических событий до сих пор

Кочегаров Кирилл Александрович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

остаются лишь слабо очерченными, главным образом из-за весьма скудной источниковой базы.

По весьма отрывочным свидетельствам, часто полученным из вторых рук, мы с трудом можем реконструировать деятельность даже наиболее заметных участников событий той эпохи. К одним из таких относится Евстафий (Остафий) Гиновский-Астаматий. Он в силу своего иноземного происхождения и купеческого статуса, может быть, и не играл ведущих ролей среди политической элиты Гетманщины, однако порой оказывал казацким правителям весьма ценные услуги. Редкой для эпохи казацких войн второй половины XVII столетия была и продолжительная политическая активность Астаматия, перед глазами которого прошли все бурные события от восстания Богдана Хмельницкого до Руины конца 1670-х годов, что обусловило внимание историков к его личности. В частности, украинский историк И. Крипьякевич посвятил ему специальную заметку [1. С. 6–11].

Исследованию деятельности Астаматия при Юрии Хмельницком во второй половине 1670-х годов, на которое пришелся пик его дипломатической карьеры, и посвящена данная статья, которая поможет в значительной мере прояснить и политическую программу той немногочисленной казацкой группировки, которая стояла за спиной турецкого ставленника.

В документах 1661 г. о нобилитации (предоставлении дворянства) и пожаловании имением говорилось, что отец-грек Астаматий происходил из Македонии, но переселился в Речь Посполитую, где служил в польском войске, в хоругви полковника Хмелецкого и погиб в битве с татарами под Галичем (по-видимому, речь идет о битве под Мартиновым 1624 г., недалеко от Галича, в которой гетман С. Конецпольский разгромил татарскую орду). Сам Евстафий тогда, видимо, был совсем юным. Позднее он также прослужил несколько лет в коронном войске [2. С. 248–250, 260–263]. И.В. Крипьякевич выяснил, что Астаматий какое-то время занимал должность постельничего при дворе молдавского господаря Василия Лупула [3. С. 245] (правил в 1634–1653 гг.). Именно тогда, по всей видимости, установились тесные связи Астаматия с Молдавией, где проживало немало выходцев с Балкан, в том числе греков, активно занимавшихся разного рода торговыми операциями.

Настоящая – родовая – фамилия его была Гиновский – именно так именовался в официальных документах (например жалованных грамотах на имения) и он сам [2. С. 248–250, 260–263; 4. С. 486]¹, и его сын [6. Ф. 124. Оп. 1. 1682 г. Д. 12. Л. 45–46]. Однако прозвище Астаматий (Астаматенко), по всей видимости происходившее от отчества, закрепилось за ним и за его сыном в качестве второй фамилии. Именно как Астаматий Евстафий Гиновский и фигурирует в различных документах русских архивов. В соответствии со сложившейся традицией этот видный деятель эпохи Руины будет именоваться Астаматием и в данной статье.

В 1654 г. Астаматий получил от Б. Хмельницкого право сбора всех таможенных пошлин с купцов на границах Гетманщины. Уже тогда коммерческую деятельность предприимчивый грек совмещал с разведывательно-дипломатической, о чем свидетельствует его переписка в сентябре – ноябре 1654 г. с генеральным писарем Войска Запорожского И.Е. Выговским, которому Астаматий сообщал различные вести с украино-польского пограничья,

¹ На этот факт обратил внимание еще Н.И. Костомаров [5. С. 550–551], однако его важное наблюдение прошло незамеченным в работах последующих историков.

касавшиеся событий в Молдавии, Турции и Крыму и пр. [1. С. 7–8] (см. также [7. С. 149–150])². Любопытно, что спустя четверть века Астаматий напоминал немировскому подстаросте Степану Куницкому, что он даже был послом Войска Запорожского к королю Яну Казимиру, добившись того, что якобы «тогда индукта поступлена на булаву и констытутуцею ствержено» [6. Ф. 229. Оп. 2. Д. 46. Л. 287].

Заметную роль играл Астаматий и в гетманство И.Е. Выговского. Именно он был направлен гетманом в Османскую империю, чтобы добиться военной помощи против России. Миссия окончилась успехом, султан дал позволение крымскому хану выступить на соединение с Выговским, который сумел нанести русской армии А.Н. Трубецкого поражение под Конотопом. Все эти факты представлены в исследовании польского историка П. Кролля [8. S. 143, 186, 215–216, 265]. Однако из-за того, что он, как и все предыдущие исследователи, не имел достаточно данных, чтобы отождествить Гиновского и Астаматия, в историографии продолжает присутствовать путаница, выражающаяся в утверждениях о нескольких посольствах в Стамбул, каждое из которых возглавлялось разными людьми, тогда как на самом деле это был один и тот же человек. Так, в статье А.Г. Бульвинского возникает зимой–весной 1659 г. уже даже три отдельные миссии: 1) посланцев Выговского, неких Германа и Стоматенко в Стамбул в январе–феврале; 2) Евстафия Гиновского в Стамбул весной; 3) «Волошанина» Астаматия, посланца султана к Выговскому в апреле [9. С. 133].

Источников обо всех этих посольствах не так много и все они являются вторичными пересказами. Так, шляхтич Кшиштоф Перетяткович, который 26 (16)³ апреля 1659 г. (выехал из Варшавы 12 (2) апреля в субботу и находился в пути две недели) привез Выговскому привилей на киевское воеводство, на следующий день застал у чигиринского полковника на обеде Астаматия – «волошина» и «посланца от цесаря турецкого». 28 (18) апреля Перетяткович стал свидетелем вручения Астаматию гетманского «ответа» [10. С. 350–351]⁴. Обо всем этом шляхтич, пусть и на основе каких-то старых записей, свидетельствовал почти тридцать лет спустя, в 1683 г. [10. С. 341], и поэтому некоторые детали (национальность Астаматия, был ли он посланцем султана или возвратившимся гонцом Выговского и т.д.) были или могли быть изложены им неточно⁵.

В начале августа 1659 г. коронный обозный Анджей Потоцкий сообщал королю, что посланца Выговского, некоего «Nemmatego», Порта приняла весьма дружественно [10. С. 363]. По справедливому мнению П. Кролля речь шла как раз об Астаматии [8. S. 265].

Наконец, в документах, связанных с пожалованием Астаматия дворянством и имениями, говорится как раз об активной поддержке им казацко-польского сближения и о его посольстве накануне Конотопской битвы к султану, который позволил Крыму оказать Выговскому столь необходимую военную помощь [2. С. 248–249, 261].

² И. Крипьякевич, говоря о корреспонденции Астаматия с Выговским за период сентября – ноября 1654 г., датирует одно из писем 10 сентября 1656 г., что, по-видимому, является результатом опечатки.

³ У дат по новому стилю в скобках указан старый стиль.

⁴ А.Г. Бульвинский ссылается на работу С. Стрельчевского [11], впервые опубликовавшего воспоминания К. Перетятковича в 1873 г. [9. С. 133, 138].

⁵ С этой точки зрения воспоминания К. Перетятковича подверг критическому разбору М.С. Грушевский [12. С. 289, 331–332].

Таким образом, оставляя в стороне полумифического Германа⁶ и принимая на веру утверждение А.Г. Бульвинского о выезде Астаматия («Стоматенко») в Стамбул в январе—феврале 1659 г., мы можем констатировать, что К. Перетяткович стал свидетелем возвращения грека из османской столицы. В результате его миссии крымский хан 20 мая выступил в поход со значительным войском [13. С. 210]. Возможно, что Астаматий 26 (16) апреля был отправлен в Стамбул вторично, с выражением официальных благодарностей гетмана за помощь. Крупного политического значения эта поездка уже не имела.

13 (3) июля 1661 г. за усилия по возвращению Войска Запорожского под власть Речи Посполитой и стамбульское посольство Астаматию было пожаловано потомственное шляхетство [2. С. 260—263], а 27 (17) июля — имение Черная Каменка в Белоцерковском старостве в вечное владение [2. С. 248—250].

Однако спустя несколько лет, 3 июня (24 мая) 1667 г. шляхтич греческого происхождения был лишен Черной Каменки за переход «под поганскую протекцию» вместе с другими изменниками. Имена их были переданы верному Польше бывшему правобережному гетману Павлу Тетере [2. С. 401—403]. Измена Астаматия могла означать только одно — его переход под знамена турецкого вассала — правобережного гетмана П.Д. Дорошенко, которому знания и дипломатический опыт грека пришлись весьма кстати.

И действительно, благодаря исследователю Д. Дорошенко, обратившему внимание на информацию румынского историка Н. Йорги, мы знаем, что в мае 1669 г. султан (через каймакама Мустафу-пашу) выдал свой фирман представителю П.Д. Дорошенко греку Стамателло (Астаматию), позволявший казакам держать своего резидента при османском дворе [14. С. 261]. Однако о деятельности Астаматия в качестве резидента в 1669—1674 гг. ничего не известно. Возможно, его назначение изначально не подразумевало постоянного пребывания в Турции, либо деятельность резидентуры прерывалась на значительное время по каким-то причинам, хотя известны и другие представители Дорошенко в Стамбуле в указанное время (1669 и 1674 гг.) [1. С. 9]. В то же время русский резидент в Речи Посполитой в 1673—1677 гг. В.М. Тяпкин свидетельствовал, что грек «есть великой верной друг Дорошенку, от него ж на дворе турецком тот Стоматенко и резидентом был чрез сколько лет». «И я ево добре знаю, — добавлял резидент в своей отписке в Посольский приказ 3 марта 1677 г., — от тех мест, когда я был в Воложской земле в Ясах у господаря Ильи Александровича, а тот Стоматенко придан мне был от господаря в приставех» [6. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 182. Л. 92]⁷. Ильяш Александрович был молдавским госпо-

⁶ В опубликованных источниках он упоминается как посол Выговского в Порту годом раньше, т.е. в начале 1658 г. (см. [10. С. 283]). Учитывая то, что в составленном А.Г. Бульвинским перечне эта миссия не фигурирует [9. С. 133], не исключено, что в посольство зимы 1659 г. Герман был «зачислен» украинским исследователем ошибочно. Кроме того, уже упоминавшееся письмо Потоцкого от 4 августа (25 июля) 1659 г. с упоминанием «Nemmatego» (издатели ПКК ошибочно отождествили его с Германом, см. [10. С. 363, 459]) Бульвинский необоснованно считает подтверждением направления в Стамбул посольства «Германа и Стоматенко». При этом при описании двух миссий украинский историк ссылается в том числе и на архивные данные (материалы Института рукописей Национальной библиотеки Украины), однако это либо не дает в наше распоряжение новых фактов (как в случае с возвращением Астаматия в апреле), либо не вносит ясности в события казацко-османских отношений первой половины 1659 г. Точка в этом «расследовании» может быть поставлена лишь перепроверкой архивных источников, использованных Бульвинским.

⁷ Информация из польской посольской книги № 182, касающаяся Ю. Хмельницкого и Астаматия, приводимая здесь и далее, любезно указана Б.Н. Флорей.

дарем в 1666—1668 гг. и, видимо, в 1660-е годы дипломатическую деятельность от имени казацкого гетмана Астаматий, как и ранее, совмещал со службой при молдавском дворе.

По сведениям Ф. Пулаского, издателя актов по польско-турецким отношениям 1677—1678 гг., Астаматий после начала польско-турецкой войны 1672—1676 гг. и захвата турками Подолии в 1672 г. получил во владение от османов Шаргород. Ян Собеский, освобождая подольские города от османской оккупации после успешной битвы под Хотинем (1673 г.), пожаловал новые имения перебежчикам, чтобы заручиться их лояльностью польской власти. В частности, Астаматий королевским привилеем от 23 (13) ноября 1674 г. получил деревню Каришков (Karyszko; также в Подолии). При этом своему эконому, назначенному в Шаргород, король писал, чтобы «Astamatego i rodzicielkę⁸ jego z domem i wszystkim dobytkiem uwolnić od wszelkich agrawacyi, kontrybucyi i opłat» («Астаматия и родительницу его со всем домом и всеми пожитками избавить от всех повинностей, контрибуций и выплат») [4. S. 465, 486].

Однако усилия Яна Собеского пошли прахом. Астаматий вновь выехал в Турцию как резидент П.Д. Дорошенко. Выходцы из татарского плена сообщали в Москве, что в августе 1674 г. полковники Дорошенко — Г. Гамалея и О. Гоголь, а также «шаргородский сотник» Астаматий были «при войске турецком», призывая украинские города и местечки перейти под власть султана. В ноябре Астаматий от лица Дорошенко просил у визиря помощи против русских и поляков, однако безуспешно («везирь ему сказал, что мы не можем никакова совету дать, вы лучше знаете как поступать») [6. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 166. Л. 545об., 591об.]. Известно письмо нежинского полкового судьи Федора Завадского, сообщавшего левобережному гетману И. Самойловичу, что от его лазутчика, посланного в лагерь П.Д. Дорошенко под Корсунь, стало известно о прибытии 28 мая 1675 г. в Канев Астаматия, который был в Порте «на резиденции». Там он встретился с П.Д. Дорошенко, заявив, что ему на помощь идет крупное турецкое войско, расположившееся на правом берегу Буга, под Комаргородом на Брацлавщине. Турки якобы намеревались двигаться на Киев [15. Т. 12. Стб. 115—116]. И. Крипьякевич с доверием отнесся к этому известию, хотя и отмечал, что османское войско в итоге не поддержало Дорошенко, занявшись разорением Побужья [1. С. 9]. Действительно, в ходе военной кампании 1675 г. турецкая армия сосредоточилась не на помощи украинскому вассалу султана, а на укреплении своих позиций в Подолии и смежных с ней Галичине и частично Волыни, где и развернулись основные военные действия [16. S. 157—202]. В этом свете заявление Астаматия представляется всего лишь сомнительным слухом, рассчитанным на устрашение русского правительства и левобережного гетмана Самойловича с целью заставить их воздержаться от активных боевых действий на правобережье Днепра. Если целью дипломатической миссии грека было получение для своего патрона турецкой военной помощи, то следует констатировать, что она закончилась полной неудачей.

В июне 1675 г. по поручению гетмана Астаматий в составе казацкой делегации был направлен для участия в мирных польско-турецко-крымских переговорах в Маначине (Подолия). Однако представители Дорошенко

⁸ Вряд ли здесь речь идет о матери Е. Астаматия, возможно имелся в виду взрослый сын грека и его мать, жена Астаматия-старшего.

не были к ним допущены, будучи вынуждены довольствоваться информацией, которую сообщал им ханский визирь.

В 1676 г. Дорошенко вновь направил Астаматия к османскому двору, где тот сумел добиться аудиенции султана [1. С. 9–10]. О данных греку поручениях мы можем судить лишь на основе королевского универсала, изданного в июне 1676 г. В нем провозглашалось, что правобережный гетман пытается добиться подтверждения султанской «протекции», оправдывая свою сдачу «Москве» тем, что не получил вовремя османской помощи. Дорошенко просил политической и военной поддержки, обещая привести под власть Стамбула и Заднепровскую Украину [17. С. 292]⁹.

К тому времени стало очевидно, что дни гетманства П.Д. Дорошенко сочтены. На Правобережье появились царские войска и, в конце концов, потерявший поддержку казачества Дорошенко отрекся от булавы в пользу левобережного гетмана Самойловича. Понимая это, Астаматий, по всей видимости, заранее начал хлопотать при османском дворе, чтобы турки передали булаву ему. В июле 1676 г. ходили слухи, что греку удалось заручиться согласием Порты на назначение его гетманом, в знак чего он даже был пожалован серебряным кафтаном [1. С. 9–10].

По Журавненскому миру 1676 г., завершившему четырехлетнюю польско-турецкую войну, Украина, за исключением Паволочи и Белой Церкви, отходила вассальным султану казакам, при этом Немиров и Кальник оставались в польских руках до возвращения из Стамбула великого посла Речи Посполитой, который подтвердит мирный договор. В договоре отмечалось, что если султан пожелает оставить за собой эти города, полякам необходимо будет вывести из них гарнизоны [19. С. 72].

Были ли слухи о назначении Астаматия гетманом преувеличенными или же Порты просто поменяла свое решение, но в начале 1677 г. булаву получил Юрий Хмельницкий. Резидент В.М. Тяпкин писал в своей депеше от 3 марта: «Салтан турецкой приказал святейшему патриарху константинопольскому ростиричь и разрешити от иноческа предприятия Юраска Хмельницкого, потом же учинил ево гетманом запорожским и господарем над всею Україною, и дал ему булову и бунчюк гетманской, и посылает ево з двумя пашами и с войски своими под Чигирин для того, чтоб чигиринцы и прочие все украинские народы, памятучи и любя отца ево, Юраскова, Богдана Хмельницкого, приняли ево, Юраска, себе за гетмана и были в верном подданстве у турецкого салтана». Однако в действительности власть нового правителя османам еще только предстояло утвердить военно-дипломатическими методами. Тем не менее Москве было отчего тревожиться. Как сообщал в той же отписке Тяпкин: «И ныне тот Юраска и прочие зело великие готовности войск турецких стоят по берегу над Дунаем, и не мешкав, Юраско под Чигирин, а иные паши с войском под Киев пойдут, прочих же войск на Дон, и под Астарахнь от Азова чаять походу» [6. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 182. Л. 90–91]. На пути османов стояла не только Россия, не собиравшаяся уступать гетманскую столицу – Чигирин, но и Речь Посполитая, направившая в 1677 г. в Стамбул посольство хелминского воеводы Яна Гнинского в надежде пересмотреть условия Журавненского мира 1676 г.

Следует согласиться с И. Крипьякевичем, что Евстафий Астаматий стал правой рукой и главным советником Юрия Хмельницкого [1. С. 10], который

⁹ На эту информацию обратили внимание украинские исследователи В. Смолий и В. Степанков [18. С. 592].

никогда не был самостоятельной политической фигурой. Осведомленный информатор — Федор Яковенко, переяславский казак, сопровождавший русского гонца в Турцию Афанасия Поросуква, в 1678 г. утверждал, что гетманство Хмельницкого «началось от Стаматенка» [15. Т. 13. Стб. 603]. По свидетельству секретаря французского посольства в Стамбуле, Ф. де ла Круа, турки воспользовались услугами Астаматия (Stamatello) для оповещения населения Правобережной Украины о назначении гетманом Ю. Хмельницкого. Грек выехал туда, снабженный копиями текста универсала нового, протурецкого гетмана, фактически дававшего ему полномочия наместника. Помимо этого, Астаматий имел секретные поручения по сбору информации о политике России и, что интересно, должен был поощрять восстановление земледелия (очевидно, что в ходе непрекращающихся войн посевные площади на Правобережной Украине должны были сильно сократиться) среди местного населения, чтобы наступающая османская армия могла пополнить запасы фуража и провианта. Миссия Астаматия должна была подготовить выезд в земли «княжества» самого Хмельницкого [20. Р. 114—115]. Согласно отписке В.М. Тяпкина от 3 марта «салтан же турецкой послал от себя в Украину старшину и всех казаков многими волностями и дарователными обетницами увещевати и бунтовать против государства московского нарочнаго и ведомого во всей Украине врага и шалбера грека родом, именем Стоматенка, ему же бутто и булаву полную на казацкое гетманство салтан велел дать и назначил ему место жити в Украине в городе Немирове» [6. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 182. Л. 91об.—92]. Таким образом, по согласованному мнению разных источников, миссия Астаматия была частью османских планов по подчинению Украины, при том, что именно по решению Порты он был фактически назначен «польным» гетманом, т.е. заместителем Ю. Хмельницкого. В.М. Тяпкин в упомянутом донесении дал Астаматию любопытную характеристику: «великой вор и претеглец во всех народах, и языки всякие в достат(к)ах разумеет». «И в Украине ево не токмо старшина, но и посполство все знают и имя ево ведают», — добавлял резидент, полагая, что «потреба бы прилежно такого вора в Украине разумными способы и тайными и всякими промыслы поимать». Тяпкин предполагал, что одна из целей Астаматия — установить контакт с его давним патроном П.Д. Дорошенко («а чайть ево подлинно быти у Дорошенка»), и что «хитрые действа [...] о Юраске Хмелницком и о Стоматенке», т.е. турецкие планы в отношении Украины — «походят в турецкие уши от двора полского и французского, чтоб всячески казаков до бунтов привесть» [6. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 182. Л. 92—93].

12 марта 1677 г. Астаматий, прибыв в Яссы, отправил оттуда письмо немировскому подстаросте Степану Куницкому, подписавшись как «наместник малороссийский и региментарь войск украинных запорожских, пан на Шаргороде» [6. Ф. 229. Оп. 2. Д. 46. Л. 286об.—289]¹⁰. Этот интересный и важный для биографии нашего героя источник, до сих пор не опубликованный, был лишь в самых общих чертах охарактеризован Н.И. Костомаровым, который считал его одним из тех «универсалов», что Астаматий рассылал по Подолии [5. С. 550—551]. На самом же деле это письмо предназначено совершенно определенному адресату.

¹⁰ В составе книги Малороссийского приказа сохранился его современный перевод. О присылке текста в Москву гетманом И. Самойловичем см. [15. Т. 13. Стб. 121, 143].

Астаматий сообщал Куницкому о своем возвращении в Яссы от султанского двора, освобождении из заключения («из вязенья») Юрия Хмельницкого, которого султан «после отца покойного Зиновья Богдана Хмельницкого учинил [...] ясне освячоным князем Малыя Росии». Хмельницкий-младший, «имея в доброй памяти договоры, постановленные с салтановым величеством и наяснейшим королем полским чрез хана и Ибраим пашу», по «именному указу» везира Кара-Мустафы поручил греку «наместничество и совершенное правление над всем войском». В другом месте он называл себя на польский манер «региментарем», т.е. главнокомандующим.

В соответствии с данными ему полномочиями Астаматий требовал от Куницкого отказаться от власти над населением в районе Немирова («не вступайся в посторонния люди около Немирова»), которое принадлежит «к Украине, к булаве давных предков и гетманов Войска Запорожского». Наместник нового гетмана настаивал, чтобы немировский подстароста перестал собирать «индукту» — пошлину на товары, ввозимые из-за границы, на которую имеет право только гетман («к тому никто не належит, токмо булава»). Впрочем, грек соглашался, что бы за немировскими властями остался некий сбор, который «издавна» брался «от купцов».

Астаматий настаивал, чтобы появившийся в Брацлавском полку некий самозванный полковник, «буде какой человек доброй», прибыл к нему для утверждения на своей должности. Грек считал, что, видимо, Куницкий имеет возможность заставить его сделать это. Узнав о задержании в Немирове неких «сторонних людей», наместник Хмельницкого увещевал подстаросту не запрещать им «ездить хто куды похочет на свои места и на старые попелища, ведая о том, что весна одинава в году». Речь шла о пытавшихся возвратиться с наступлением весны в свои села и хутора земледельцах, которых Куницкий хотел насильно расселить в Немировском старостве. Астаматий же гарантировал им безопасность «от наездов татарских», несмотря на то, что «великие войска полями пойдут на Тягин под Чигирин». По его словам, султан и визир как раз послали его «наперед [...] для защищения подданных русского князя», чтобы они без опасения «в работах своих трудились». Он обещал, что таким земледельцам «обида б никакой не было, как и не будет». Здесь можно видеть прямое указание на готовность грека выполнить те османские поручения, о которых писал Ф. де ла Круа.

Астаматий выражал протест по поводу намерения Куницкого привести в Немиров «войсковых осадных людей», т.е. воинский гарнизон для обороны города, что, по его мнению, противоречило польско-турецким договорам (Журавненскому миру). Он интересовался, правда ли то, что в Кальницком полку и в «Немировщине», вверх по Южному Бугу, татары-липки захватили себе «маетности». Грек сообщал, что имеет указ везира, запрещающий липкам «вступатца в княжение Малороссийское», которое «к булаве и Войска Запорожского как издавна належало, и ныне належит».

В конце письма Астаматий жаловался на некоего Скородниченко, который разорял его имения: Шаргород, Каришков, Краснянщину: «моих людей грабит, ставы разоряет, пасеки выбирает, людей бьет». Подобные претензии высказывались и в адрес самого Куницкого, которого грек просил сообщить о прибытии Скородниченко в Немиров. Под конец письма Астаматий патетически восклицал, что вступает на Украину «не таким обычаем, чтоб утеснять войсками своими людей», как это принято согласно «польскому

обычаю», и просил Куницкого присылать ему новости из Киева, Чигирина и с Левобережной Украины [6. Ф. 229. Оп. 2. Д. 46. Л. 286об. — 289].

Казак Василий Новак, побывавший как лазутчик в Яссах и на Дунае в конце марта — начале апреля 1677 г., сообщал о прибытии Астаматия в г. Сороку с намерением добиться от польских властей вывода войск из тех украинских городов, где они еще оставались. Грек вновь писал к Куницкому, теперь уже с требованием очистить Немиров, но тот ответил отказом [15. Т. 13. Стб. 124–125]. Ф. де ла Круа отмечает, что «вояж» Астаматия был коротким, поскольку местное население с недоверием встретило его пропаганду (универсал Хмельницкого казаки считали ненастоящим, считая, что сам он погиб в «Тартарии»), хотя на словах и выражали готовность подчиниться новому лидеру [20. Р. 115]. После этого грек вместе с молдавским господарем выехал навстречу Ю. Хмельницкому и сопровождавшему его турецкому войску [15. Т. 13. Стб. 139].

Однако вскоре Астаматию пришлось оставить административную деятельность и вернуться к дипломатической. 14 мая из Варшавы двинулся в турецкую землю польский дипломат Ян Гнинский для ратификации мирного договора с Портой. Инструкция Гнинскому содержала требования от совершенно неисполнимого возвращения Польше Подолии и Украины до более умеренной претензии на сохранение части Украины, на север от линии Трехтемиров — Рашков (в крайнем случае — Белой Церкви, Паволочи, Кальника, Немирова и Брацлава), а также части Подолии с Язловцом, Баром, Межибожем и Черным Островом. Кроме того, Порта должна была запретить Ю. Хмельницкому использовать титул «князя Малой России и Сарматии» [19. S. 111–116; 21. S. 86–87].

Понимая, что от польско-турецких переговоров зависит дальнейшая судьба, и в первую очередь границы вассального украинского «княжества» Порты, Астаматий принял деятельное участие в дипломатических интригах вокруг посольства. Автор официальных дневников польского посольства не раз признавал, сколь вредила деятельность грека реализации задач, поставленных перед Гнинским. Впрочем, влияние Астаматия на принимаемые Портой решения не стоит преувеличивать, а мнение Гнинского необходимо рассматривать с учетом того, что посольство окончилось неудачей и польскому дипломату нужно было особенно подчеркнуть невероятную трудность порученной ему задачи и препятствия, стоявшие на пути ее выполнения.

Первая встреча Астаматия и дипломатов Речи Посполитой произошла в конце июня в Яссах. Польские послы отмечали, что в городе проживает немало армян, греков и евреев, которые не только дают необходимую туркам информацию о Подолии и Украине, но и поддерживают укрепление ее власти над этими территориями. Первым среди них назван Астаматий, который «*po Oryń i Dymir Ukrainę opisał, obadwa Konstantynowy w tę linię włożył, po Ostróg zakroił i wielką część Wołynia wciąga*» («по Горынь и Дымер Украину описал, оба Константинова включив в этот рубеж, по Острог отмежевал и большую часть Волыни туда втянул»), чем вызвал нарекания даже со стороны греческой общины. Более того, Астаматий настаивал на передаче Порте Немирова, где намеревался устроить свою резиденцию, тогда как Ю. Хмельницкий должен был сидеть в Чигирине. «*Z nikogo tedy większa nie będzie przeszkoda do traktatów jako z tego złego człowieka*» («Ни от кого не будет большего вреда для переговоров, как с этого злого человека»), — писал о Астаматии автор польского диариуша.

При выезде посольства из Ясс, грек вновь требовал от Речи Посполитой уступки Порте Немирова, наиболее обустроенного города на Правобережной Украине, как отмечали послы. Взгляды Астаматия несколько поменялись, теперь

он собирался посадить там Юрия Хмельницкого, признавая, что разоренный и сожженный Чигирин не годится на роль политического центра [4. S. 10, 12].

Выехав из Ясс, через неделю (в начале июля) посольство встретило огромное турецкое войско, двигавшееся на Чигирин. В турецком лагере был Ю. Хмельницкий, однако Астаматия не было, он, по свидетельству послов, выехал из Ясс на Берлад, направляясь в Стамбул, куда уже насильно («*invitum*»), видимо, в качестве заложника для обеспечения верности отца, по распоряжению османских властей был отправлен его сын [4. S. 19]. Это, по всей видимости, более достоверные сведения, чем те, которые содержались в письме немировского подстаросты С. Куницкого киево-печерскому архимандриту Иннокентия Гизелю, написанному в конце июля 1677 г. Куницкий сообщал о движении турецкой армии от Днестра к Чигирину, при которой и Ю. Хмельницкий с шестьюдесятью казаками, — «ведет его Коваленко калницкой да Остаматенко, которого хотели послать за послом великим полским для разделения Украины» [15. Т. 13. Стб. 227].

Политическая программа и гетмана Юрия, и стоявшего за ним Астаматия, и других старшин была гораздо более широкой, чем просто требование территориальных уступок от польской стороны. Так, в начале июля С. Куницкий узнал через ездившего в Яссы еврея-купца, который водил знакомство с находившимся там в тот момент сыном Астаматия (видимо, еще до отъезда в Турцию), что Хмельницкий домогается от турок не только Немирова, но чтобы «по самую Случь реку, яко договоры со умершим отцом его постановили с королевским величеством, славной памяти Казимером, ограничение было». С этой целью Юрий послал в Стамбул, как выражался Куницкий, «Июду предателя Астаматия и те договоры с печатью королевскою и с подписью рук сенаторских, уговариваясь пред салтаном турским о том с полским послом» [15. Т. 13. Стб. 210].

Подтверждает это известие и одновременно дает более конкретное представление о порученной греку миссии ранее не известная историкам латиноязычная инструкция, данная Евстафию Гиновскому-Астаматию от «правителя и князя Малой России и Украинского Войска Запорожского» «в лагере под Бендерами, что на Днестре». Она сохранилась в копии в архивном собрании Замоиских [22. S. 532–535]. Первооткрывателем документа следует считать польского историка Я. Волиньского, в архиве которого сохранилась его рукописная копия (см. [23. К. 51–53vol.]).

Одним из центральных пунктов инструкции (статья 3) была задача прозондировать у Порты ее отношение к условиям Зборовского (1649 г.) и Гадячского (1658 г.) трактатов, по которым Гетманщина («Малая Россия») получала достаточно широкие автономные права. Сама по себе ссылка на эти соглашения двадцати-тридцатилетней давности должна была послужить обоснованием определенной устойчивости и легитимности многолетней традиции автономного существования украинских земель. С этой целью казацкая элита стремилась почеркнуть, что, согласно Гадячскому соглашению, Гетманщина как отдельный политический субъект («Великое княжество Русское») получала полноправное представительство в сенате Речи Посполитой. Кроме того, ее очевидным образом волновала свобода православия под властью иноверного правителя — султана [22. S. 533]. Принимая во внимание известие Куницкого, можно предположить, что предьявление Порте условий Зборовского и Гадячского договоров имело целью обратить ее внимание и на существовавшие по ним политические границы Гетманщины (Киевское,

Черниговское, Брацлавское воеводства), которые Юрий Хмельницкий и стоявшие за ним старшины намеревались не только восстановить с опорой на турок, но и, как это будет видно далее, расширить за счет Подолии.

Конкретные же намерения укрепления самостоятельности Малороссийского княжества со стороны Хмельницкого и правобережной старшины раскрывались в следующих статьях.

Наибольшая часть инструкции посвящена границам будущего княжества Малой России, расширения которых Хмельницкий и его советники планировали добиваться как за счет украинских земель, оставшихся за Польшей, за счет Подолии, которая перешла под прямое турецкое управление и даже за счет тех казацких земель, которые находились под властью России.

В статье 6 говорилось, что Астаматий должен был требовать выделения из Подольского эялета бывших территорий Подольского полка с центром в Могилеве-Подольском и передачи их под власть гетмана с четким разграничением судебно-административной власти и, в частности, выдачи бежавших из-под власти Хмельницкого, в том числе преступников [22. S. 533].

После захвата Каменца-Подольского, Порты, стремясь сохранить хорошие отношения с П.Д. Дорошенко, в январе 1673 г. передала Могилев-Подольский с окрестностями в пожизненное владение правобережному гетману. После его свержения Могилевский полк был возвращен в состав Каменецкого эялета [21. S. 67–68].

Следующая, седьмая статья, также касалась земель турецкой Подолии. Речь шла о присоединении к «княжеству» владений Кальницкого полка – самого Кальника, Летичева, Сенявец, Нового Константинова и др. Вместе с Подолией они также попали под непосредственную турецкую власть и теперь Хмельницкий и его советники желали получить их под свое управление. Соответственно посол должен был настаивать, чтобы поляки ушли из Кальника, Немирова и других городов Украины, где оставались их гарнизоны по договоренностям 1676 г. (статья 10).

Статьи 15–16 содержали претензии уже в отношении России. Как известно, к 1676 г. российскому войску совместно с отрядами левобережного гетмана И. Самойловича удалось добиться свержения Дорошенко и перехода территорий правобережных полков, в том числе каневского, черкасского, чигиринского под власть царя. Хмельницкий и его советники ожидали, что акт этот будет оформлен соответствующими русско-польскими договоренностями и потому стремились торпедировать возможное соглашение при посредстве османского правительства, которое должно было домогаться передачи этих полков князю Малой России. По сравнению с этим, желания правобережных старшин вернуть при помощи Порты под власть князя Юрия Левобережную Украину и Киев, которые также продолжали оставаться предметом дипломатических споров между Москвой и Варшавой, выглядели как совершенно нереалистичная программа-максимум.

Наконец, статья 12 демонстрировала стремление Хмельницкого подчинить при помощи турецкой военной силы Запорожскую Сечь, что, по мнению авторов инструкции, должно было избавить окрестные государства, в первую очередь Крым и Порту, от «непокорного войска» («*insolens militia*») и принимаемого им беспокойства.

Инструкция отчасти отражает и тенденции внутренней политики Хмельницкого, по крайней мере те из них, в которых он ожидал поддержки со стороны османских властей. Лидеры правобережного казачества рассчитывали, что Порты не будет препятствовать свободе православного вероисповедания, вводить новые

подати, в том числе устанавливая харадж, позволит чеканить собственную монету и предоставит Хмельницкому денежный займ на пополнение пустой казны (статьи 9, 13, 14, 18 и др.); разрешит пополнять население княжества за счет переселенцев из Каменца-Подольского и привлечения людей «любой религии» из соседних стран, в первую очередь из Речи Посполитой, на вольное поселение без налогов (в слободы); пополнять ряды казацкой знати за счет наиболее достойных представителей христианского населения (статьи 8, 11 и 20); передаст под гетманское командование все те контингенты, которые находятся в Киевском и Брацлавском воеводствах, и одобрит право Хмельницкого содержать казацкие войска в необходимом ему количестве без всякого реестра (статьи 4 и 5), и т.д. При этом Хмельницкий соглашался и даже сам просил о присылке знатного «аги», который получал не только права дипломатического резидента, но и фактически право соучастия в управлении «княжеством» (статья 17). Характерно при этом, что турецкий ставленник просил османские власти содержать и упомянутого «агу», и украинского резидента, который будет направлен в Стамбул (статья 21) [22. S. 533–535].

К сожалению, нам ничего не известно о ходе непосредственных переговоров Астаматия с османской стороной. Однако отдельные известия об активном участии грека в польско-турецких дипломатических контактах сохранились в документах посольства Я. Гнинского. Демонстрируя свои дипломатические способности, Астаматий всячески пытался втереться в доверие к польским послам, снабжая их новостями о политике Порты вместе с другим представителем правобережной старшины, Сидором Коваленко. В октябре он жаловался польским послам, что «молодой» Хмельницкий не слушает его, убеждал польских послов в неискренности намерений России, которая вела с Речью Посполитой интенсивные дипломатические переговоры о союзе, одновременно информируя об этом Порту. Разоблачая в глазах польских представителей политику Москвы, грек подчеркивал ее претензии на все земли Речи Посполитой, населенные православными, где высятся православные кресты, по самый Люблин, включая и Подолию [4. S. 246–247, 252, 254]. Одновременно Астаматий всячески пытался не допустить реализации намерения польской стороны хотя бы частичного возвратить территории Подолии и Украины. «Чумой» («*pestis*») переговоров называл его Гнинский в одном из своих октябрьских писем королю и коронному гетману С. Яблоновскому, подчеркивая, что именно грек всеми правдами и неправдами («*per fas et nefas*») добивается закрепления за султаном Бара, Меджибожа, Немирова и Кальника [4. S. 249]. «*Astamaty z piekła rodem*» («Астаматий с преисподней родом»), – восклицал Гнинский в другом письме, сообщая о получении им «декларации» от везира, что турки не уступят полякам указанные города [4. S. 261]. 27(17) октября 1677 г. Гнинский сообщал, что Астаматий отбывает в Сороку, получив кафтан от везира [4. S. 254].

В феврале 1678 г. польские послы отмечали в своем дневнике, что вместо уехавшего на Украину Астаматия в Стамбуле остался его сын, который заботится не только о полученном отцом Шаргороде, но и консультирует Порту, подобно отцу, в делах Подолии и Украины. По их свидетельству, старший Астаматий, вместе с находившимися в турецкой столице татарин-липкой Х. Муравским (перешел на османскую сторону и оказывал Порте дипломатические услуги), а также кальницким полковником С. Коваленко, немало навредили делу обсуждения польско-турецкой границы [4. S. 71] (о Х. Муравском и его деятельности в 1676–1680 гг. см. подробнее [24]). И вновь именно грек стал здесь той персоной, деятельность которой особенно досаждала

польской стороне. «A nadto jako postąpić i przemódz w argumentach choć wykręcić co, utaić albo ukreścić...» — с горечью писал автор польского дневника 6 апреля (27 марта) 1678 г., — kedy tu in contrarium inaczej informuje Astamaty o Podolu i odkrywa jego granice» («А кроме того, как поступать и превозмочь в аргументах, и хотя бы исказить чего, утаить либо сократить, когда здесь совершенно иначе информирует Астаматий о Подолии и открывает ее границы») [4. S. 128].

Польскому посольству в Стамбуле, несмотря на многомесячные дебаты, как известно, не удалось добиться от Порты каких-либо территориальных уступок в отношении условий Журавненского мира 1676 г. В апреле 1678 г. польско-турецкий договор был заключен на старых территориальных условиях (подробней о переговорах Гнинского см. [19. S. 118–133; 21. S. 86–95]).

22 (12) июня во Львове Ян Собеский издал распоряжения об эвакуации польских гарнизонов из Кальника, Немирова, Бара и Меджибожа. Окончательно войска были выведены в сентябре. При этом в ноябре турецкие власти запретили Хмельницкому использовать титул князя «Малой России и Сарматии» [21. S. 95–96], который фигурировал в инструкции Астаматию. Содержащаяся в ней просьба об утверждении княжеского титула Хмельницкого особым декретом была таким образом отвергнута султанским правительством.

В конце мая 1678 г. польское посольство, возвращавшееся из Стамбула, прибыло в лагерь турецких войск, расположенный на Дунае недалеко от Базарджика. Османские войска готовились ко второму походу на Чигирин. Здесь послы последний раз увиделись со злым гением всей своей миссии, который вместе с Х. Муравским приходил к ним повидаться, сообщить новости и извиниться за то, что не мог увидиться с поляками перед выездом их из Стамбула [4. S. 159–160].

Казацкая сторона в лице Хмельницкого и его советников, также как и польская, не сумела добиться большей части своих требований, и прежде всего территориальных. Упомянутые владения Кальницкого полка (Новый Константинов, Летичев, Сенявцы) в итоге вошли в Новоконстантиновский округ в составе Меджибожского санджака Каменецкого эялета. Осталась под непосредственной османской властью и территория Могилевского полка (в составе Каменецкого санджака) [21. S. 142, 144] (см. также карту эялета на первом форзаце книги). Единственное, что удалось осуществить в 1678 г., так это передачу под власть князя Малой России Немирова и Кальника, а также подчинения вооруженным путем правобережных городов — Чигирина, Канева, Черкасс и других в ходе ожесточенных сражений за бывшую гетманскую столицу с русско-украинской армией гетмана И. Самойловича и князя Г.Г. Ромодановского [25. S. 128–134]. Ю. Хмельницкий, впрочем, не успокоился на этом, продолжая осенью 1678 г. требовать от польской стороны Белой Церкви, Павлочи, Димера и Коростышева, которые сохранялись за Речью Посполитой по польско-турецкому договору [15. Т. 13. Стб. 708–709; 26. С. 143–144].

Что касается Запорожской Сечи, то ко второй половине 1677 г. действительно можно отнести ряд достаточно активных шагов турецкой дипломатии по подчинению ее своему влиянию. Немалую роль в этом сыграл уже упоминавшийся Х. Муравский. Османы преследовали при этом собственные интересы, предлагая запорожцам покровительство султана, а кошевому Ивану Серко, возможно, даже и гетманство, нежели стремились расширять сферу влияния князя Малой России (см. об этом подробней [24. С. 4–5, 12–13]). Порта в итоге отказалась признать Сечь владением России по итогам русско-турецких мирных переговоров 1681–1682 гг. Однако сам Юрий Хмельницкий к тому времени лишился булавы.

Воплощение в жизнь всех тех блестящих перспектив казацкой государственности, которые рисовали себе Хмельницкий и его советники в инструкции Астаматию, оказалось невозможным в опустошенной войной Правобережной Украине. Порта также не стремилась содействовать устремлениям правобережной казацкой старшины, предпочитая иметь под своей властью слабого, а не сильного вассала. Поэтому Хмельницкий не получил ни просимого кредита, не права чеканки монеты, а военная помощь сводилась к направлению в Немиров небольшого, численностью в несколько сотен, турецко-татарского отряда. Люди не хотели переселяться в разоренные войной владения князя Малой России, а его жестокости в сборе налогов и обычном вымогательстве отпугивали из Немирова и окрестностей последних подданных [25. S. 137–149]. Таким образом, провозглашенная в инструкции программа обширной колонизации правобережных украинских земель оказалась миражом без какой-либо надежды на воплощение.

Дальнейшая судьба оборотистого и, несомненно, талантливого дипломата — грека Евстафия Гиновского-Астаматия оказалась печальной, также как и политического организма того «княжества», которое он стремился выстроить под управлением сына основателя казацкой государственности, Богдана Хмельницкого. После завершения польско-турецких переговоров грек вместе с османским войском двинулся под Чигирин. Согласно данным в конце июля 1678 г. в Москве показаниям казака, молдаванина родом, Александра Лукьянова, направленного с разведывательной миссией в турецкое войско, Астаматий и Коваленко заверяли турок, что царские ратные люди в Чигирине «бится с ними не будут, кой час они придут, тот час покиня Чигирин, побежат». Турки якобы пришли под Чигирин «по тем речам» [15. Т. 13. Стб. 638, 642].

То, что именно Ю. Хмельницкий и его окружение поддерживали стремление османов взять Чигирин (что обрекало славную казацкую столицу на тотальное разорение), подтверждается и другими источниками. Так, по свидетельству Ф. де ла Круа еще весной 1677 г., после своей первой поездки на Правобережную Украину, Астаматий сообщал туркам о наличии якобы многочисленной армии «москвитов» недалеко от р. Прут, которая должна двинуться на защиту Чигирина против возможного османского натиска [20. Р. 115]. Таким образом грек «подсказывал» туркам направление главного удара. А польская секретная реляция, отправленная в Москву примерно в то же время (скорее всего, адресована находившемуся там резиденту Речи Посполитой П. Свидерскому), сообщает: «Chmielniczenco zdrajca zwabił tam jakiegoś Kozaka z Czeheryna przez drugiego, który był przy boku jego. Ten skoro tylko u niego stanął, zaraz go okowanego do cesarza wyprawił dla informatyjej. Jeżeli by się mieli obrocic pod Czeheryń, to ten sobie obierają szlak od Tehiny, gdzie most na Dniestrze mimo Czczelnik, między Humań na Lebedyn las» («Хмельниченко, предатель, выманил одного казака из Чигирина через другого, который был при нем. Как только тот к нему прибыл, сразу сковав его послали к султану для информации. Если бы турки повернули на Чигирин, то выбирали б себе шлях от Тегины, где мост на Днестре, мимо Чечельника, через Умань на Лебедин лес») [27. S. 453]. Несомненно, в этих свидетельствах есть определенное преувеличение, и логично предположить, что окончательное слово касательно сроков и направления наступления оставалось все же за османским командованием.

Тем не менее, то, что грек был активным сторонником удара на Чигирин и в 1678 г., подтверждается свидетельством находившегося в османском лагере польского резидента Самуэля Проского. Он сообщает, что именно после настойчивых советов Астаматия и Ивана Яненко-Хмельницкого, 7 августа

(28 июля) 1678 г. город и замок Чигирин были подожжены зажигательными снарядами. Однако турки неохотно шли на штурм, больше смотрели на зарево. Огонь полыхал до вечера, сгорели две церкви в городе, замок в двух местах был поврежден [4. S. 364, 370].

К этому времени, видимо, подверглись дальнейшему обострению и отношения Гиновского со своим протеже, которые уже давно не были безоблачными. В октябре 1677 г. грек жаловался Я. Гнинскому, что Ю. Хмельницкий не хочет его слушать [4. S. 252], а в конце 1677 — начале 1678 г. Астаматия, находившегося в Яссах, «бил [...] за некоторую причину Хмельниченко zelo крепко» [15. Т. 13. Стб. 448]. Уже упоминавшийся А. Лукьянов сообщал, что Астаматий и Коваленко служат Хмельницкому «по неволе, что детца им негде» [15. Т. 13. Стб. 642].

4 ноября (24 октября) 1678 г. С. Проский сообщил Я. Гнинскому, что Ю. Хмельницкий, едва обосновавшись в Немирове, после взятия турками Чигирин «we dwie godziny Astametego ręką własną na 40 sztuk rozsiekał» («за два часа Астаматия собственной рукой на 40 частей рассек») [4. S. 187]. Новые подробности касательно размолвки и убийства Хмельницким Астаматия дают нам ранее неизвестные русские источники, в частности полученное киевским воеводой М.А. Голицыным в октябре 1678 г. письмо польского коменданта Белой Церкви Э.О. Раппе с приложенным к нему текстом послания некоего Александра Висродского (из Белой Церкви) С. Куницкому [6. Ф. 229. Оп. 1. Д. 136. Л. 68–68об.].

Комендант сообщал воеводе, что Ю. Хмельницкий, простившись 7 октября (27 сентября) с отступавшим из-под Чигирин везирем, двинулся в Немиров, «где в дороге, по давней недружбе на Астаматия [...] не дождался челяди, чтоб ево срубили, сам, добыв сабли, срубил ево». Висродский добавлял к этому, что при расставании «Хмельницкому везирь сам отдавал булаву, подавая ему власть имянем салтановым и приказывая, чтоб ему салтану был верен и не давал бы себя оболщати. А тем, которые при нем будут и которые противны учинятца, тою булавою и мечем казнил бы, приказав при боку ево будущего Астаматия, чтоб и тому розбил голову. И Астаматий, мня себе за издевку, договаривался гетманства, и как Хмельничкой с людьми ему приданными возвращался в Немиров, и в той дороге из Райгородка выехав, сам Хмельничкой во сте конях остався, Астаматию голову отсек, а тело на дороге покинутое не велел брать, и по упрощению на третей день приказал взять» [6. Ф. 229. Оп. 1. Д. 136. Л. 69–73]. Об убийстве Астаматия Хмельничким «по совету визиреву» сообщал и бежавший в середине ноября из Немирова на Левобережье казак [15. Т. 13. Стб. 709–710].

Напоследок следует сказать несколько слов о личной жизни грека, сыгравшего столь заметную роль в украинской истории. Она была не менее бурной, чем его политическая деятельность. Так, по сведению польских послов, проезжавших через Яссы в июне 1677 г., Астаматий бросил первую жену в столице Молдавского княжества и нашел себе другую, живя с ней в Измаиле и имея от нее «потомство» [4. S. 10]. Однако в конце 1677 — начале 1678 гг. грек вновь находился в Яссах с женой [15. Т. 13. Стб. 448], по-видимому с первой. Именно от нее у Астаматия был уже взрослый сын, находившийся, как уже упоминалось, с ним вместе в Стамбуле, а также дочь, проживавшая с мужем в Немирове. Об этом мы узнаем также от польских дипломатов, которым грек в августе 1677 г. жаловался, что его зятя в Немирове уже несколько раз подстароста С. Куницкий ставил «под меч» [4. S. 247], видимо, требуя денежного

выкупа или иного имущества. Старший сын Астаматия, Ян Гиновский-Астаматий, пережил отца и принимал активное участие в колонизации украинских земель уже в правление молдавского господаря Георгия Дуки (1681–1683 гг.), получив 20 ноября 1681 г. от него универсал на владение местечком Лисянка [б. Ф. 124. Оп. 1. 1682 г. Д. 12. Л. 45–46].

В приложении публикуется латинский текст инструкции Е. Гиновскому-Астаматию и его перевод на русский язык. Все сокращения раскрыты с применением квадратных скобок. При подготовке текста использовалась также уже упомянутая копия документа из архива Я. Волинского. За консультацию и помощь при переводе латинского текста приношу благодарность Е.Ю. Капановой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крип'якевич І. Остафій Астаматій (Остаматенко), український посол в Туреччині 1670-их рр. // Україна. Науковий двухмісячник українознавства. Київ, 1928. Кн. 6.
2. Руська (Волинська) метрика. Книга за 1652–1673 рр. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Острог; Варшава; М., 1999. Т. 5. Острог.
3. Крип'якевич І.П. Богдан Хмельницький. Львів, 1990.
4. Źródła do poselstwa Jana Gnińskiego, wojewody chełmińskiego do Turcji w latach 1677–1679 / Wyd. F. Pułaski // Biblioteka Ordynacji Krasińskich. Muzeum Konstantego Świdzińskiego. Warszawa, 1907. Т. 20–22.
5. Костомаров Н.И. Руина // Исторические монографии и исследования. СПб., 1882. Т. 15.
6. Российский государственный архив древних актов.
7. Заборовский Л.В. Экономические связи России с Балканами в первой половине XVII в. // Связи России с народами Балканского полуострова (первая половина XVII в.). М., 1990.
8. Kroll P. Od ugody Hadziackiej do Cudnowa. Kozaczyzna między Rzeczpospolitą a Moskwą w latach 1658–1660. Warszawa, 2008.
9. Бульвінський А.Г. Дипломатичні зносини України в період гетьманування Івана Виговського (серпень 1657 – серпень 1659 рр.) // Український історичний журнал. 2005. № 1.
10. Памятники, изданные Киевской комиссией для разбора древних актов. Киев, 1898. Т. 3.
11. Стрельчевский С. К вопросу о сношениях Польши с козаками в 1657–1659 годах. (Перевод современного акта с польского). Б.м. Б.г. (Отдельный оттиск из Киевских университетских известий за 1873 г. подаренный автором Д.И. Иловайскому и находящийся в собрании Государственной публичной исторической библиотеки в Москве).
12. Грушевський М.С. Історія України-Руси. Київ, 1998. Т. 10.
13. Бабулин И.Б. Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.). М., 2015.
14. Дорошенко Д. Гетьман Петро Дорошенко. Огляд його життя і політичної діяльності. Нью-Йорк, 1985.
15. Акты Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1882. Т. 12. 1675–1676; СПб., 1884. Т. 13. 1677–1678.
16. Wagner M. Wojna polsko-turecka w latach 1672–1676. Zabrze, 2009. Т. 2.
17. Woliński J. Materiały do dziejów wojny polsko-tureckiej 1672–1676 // Studia i materiały do historii wojskowości. Warszawa, 1970. Т. 16. Cz. 1.
18. Смолий В., Степанков В. Петро Дорошенко. Політичний портрет. Київ, 2011.
19. Wójcik Z. Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji. 1674–1679. Studium z dziejów polskiej polityki zagranicznej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1976.
20. De la Croix F. Guerres des Turcs avec la Pologne, la Moscovie et la Hongrie. Paris, 1689.
21. Kołodziejczyk D. Podole pod panowaniem tureckim. Ejalet Kamieniecki. 1672–1699. Warszawa, 1994.
22. Archiwum Główne Akt Dawnych. Archiwum Zamojskich. Rps. 3037.
23. Archiwum PAN w Warszawie. Teki Janusza Wolińskiego. Teka 66.
24. Коцегаров К.А. Отношения Запорожской Сечи с Речью Посполитой, Портой и Крымом в последние годы жизни кошевого атамана Ивана Серко // Славяноведение. 2011. № 2.
25. Rawita-Gawroński F. Ostatni Chmelnicznko (zarys monograficzny). 1640–1679. Poznań, 1919.
26. Чухіб Т.В. Український князь з козацького роду. Юрій Хмельницький. 1676–1681 // Чухіб Т.В. Гетьмани Правобережної України в історії Центрально-Східної Європи (1663–1713). Київ, 2004.
27. «Z Jaworowa 31 maji [1677] przycyfrowana na stolice przysłana Relatia pokoju z Turkami». Archiwum Państwowe w Krakowie. Oddział na Wawelu. Archiwum Sanguszków. Rękopisy. Rps 67.

1677 г. июля 17. Инструкция гетмана Юрия Хмельницкого послу
в Османскую империю Евстафию Астаматию-Гиновскому.

(S. 532) Instructio g[ene]roso d[omi]no Eustachio
Ginowski Astamatio vices gerenti nostras et legato
ad Excelsam Portam Ottomannam a nobis, principe
ac duce Minoris Russiae, et Ukrainensis Exerci[tus]
Zaporoviensis commissa^a:

Ut quam primum Constantinopolim // (S. 533) venerit, salutem[ue] supremo
vezirio, cunctisque Excelsae Portae ministris cum officiorum meorum commendatione
reddiderit haec peragat:

1. Pro insigniis, hoc est pro vexillo et clava Potentissimi Sultani, quae ex manibus
Imbraim passae serdarij accepi debet gratias agere.
2. Ut supremo vezirio meum affectum et sinceritatem erga se et Excelsam Portam
rep[raes]entet.
3. Sicut olim superstite *parente n[ost]ro*^b in Ukraina variisque tractatibus cum
Serenissimo Rege Poloniae Ioanne Casimiro etiam praesente ipso Hano Crimensi
in expeditione ad Zborow et Hadziacz sub iuramento confirmatum fuit, quin ducatus
noster Minoris Russiae senatorio in Republica totiusque etiam status spiritualis
privilegio gauderet, ut Excelso Porta eidem rei assontiatu postulare debet.
4. Petet ab Excelsa Porta, ut palatinatus Kiioviensis et Braslaviensis in ducatu
Ukrainensi existentis officia id e[st] palatinatus praesidia et reliqua pro libitu et
ordinatione ducis committi possint, uti aliis temporibus fiebat.
5. Postulabit quo ad exercitum intertenendum in ducatu nostro, ut cum consensu
soltani nobis liberum maneat, habere militem cuiuscunque nationis et numerum
sine registro extradendo, in quantum libuerit et proventus importabunt.
6. Sollicitabit, ut legio Podoliae, nominatim Mohilovia usque ad Uszycam fluvium,
sicut olim ad clavam nostram pertinebat, denuo restituatur. Hoc vero eget singula-
ri privilegio soltani, ne passa Camenecensis in hanc partem Podolia se ingerat;
nihilominus cum in confinibus saepius perversi homines et seditiosi inveniuntur,
si quis aut insolentiam committat aut ex dominio nostro Camenecum confugiat,
praedictus passa, data notitia ejusmodi delinquens vel extradere vel pro merito
punire teneatur.
7. Instabit, ne a legione Calnicensi civitates eo pertinentes, uti Leticzow, Sieniawzi, Nowy
Constantinow et alia quamvis hoc belli tempore separatae fuerint, ab alienentur.
8. Meminerit, quoniam in ducatu nostro propagines nobilium familiarum propter
malignitatem pessimae plebis rusticanae durante bello defecerunt // (S. 534), ut facultas
detur adsciscendi homines nobilis, imo nobilitandi eos, qui id merentur ob bene gesta,
ne cogamur improbis et indoctis officia conferre, sed potius per timoratos ex lege
Christiana, et doctos praevertere seditiones rusticantium.
9. Conabitur impetrare, ne amplius tributum exigatur tam a virginibus et adolescentibus
quam viris et faeminis, ita ex multis legionibus, oppidis et villis nobis supplicatum est.
10. Invigilabit, si Poloni cederent ex Kalnik, Niemierow et aliis munitionibus ab anti-
quo ad ducatum nostrum spectantibus, tunc oportet petere, ut illa omnia nostrae
iurisdictioni reddantur.

^a На полях помета: «Od Jurka Chmelnickiego».

^b Слова подчеркнуты карандашом, напротив, на полях, помета: «Chmielnicki?». Речь идет о гетмане Б. Хмельницком.

11. Videbit, ut fiat licentia posse in Ukraina cuiuscunque religiones homines locari in slobodiis, quo magis Sultano multiplicentur subditi, prout jam sub Regibus Poloniae admissum fuit.
12. Singulariter curabit, ut Zaporovia totis viribus recuperetur et potestati nostrae subjiciatur, ne amplius ibidem insolens militia locum habeat, qui inter monarchas differentias causent, sed occasio levetur dominium Crimense, Imperium Turcicum et ducatum nostrum damnificandi.
13. Petit a supremo visirio, quandoquidem per tot annorum bella ducatus noster pecuniis exhaustus est, ut possimus libere monetam cudere.
14. Incumbet, ut *pro nobis titulus ducis*^c per decretum Excelsae Portae confirmetur et in scriptis obtineat privilegium promissum nempe pro libertate et ecclesiis, ut sine ullo tributo aut haracz maneamus.
15. Supplicabit Excelsam Portam, postquam Poloni cum Moscis seu per tractatus seu ferro rem fini[v]erint, ut omnia ex hac parte Boristenis oppida et rura ad legiones Czeherinensem, Czerkasiensem nec-non Konioviensem pertinentia ad nostram iurisdictionem redeant et uti in vita parentis nostri fuit, iisdem legionariis restituantur.
16. Quando Poloni a Moschis Kiioviam reciperent sicut audivim[us], quod Moschi omnem ulteriorem Ukrainam cedere velint, tali casu procurabit, si foret, ut legiones partium trans Boristenem deditionem facerent quo modo contigit sub parente nostro, ut Excelsa Porta easdem in suam protectionem recipere velit et nostrae iurisdictioni committere, maxime // (S. 535) cum ad praedictam Kiioviam tanquam haeres et successor ius habeamus.
17. Desiderabit a supremo vesirio unum agam autoritativum, qui sciat scribere turcice et latine et tanquam testis nostrae fidelitatis *assistat, in consiliis secreta cognosca*^d, cum iudicibus nostris dividicet et quae agun[tur], Excelsae Portae notificet, sed tamen sustentationum et expensas a sultano habere debeat.
18. Rogabit supremum vesirium, ut ex gratia sua impetrare possimus vel Constantinopoli ex thesauro sultani vel ab Ibrahimio passa aliquot decades marsupiorum cum pecuniis pro nostra necessitata, cum magnae expensae in militiam modo fieri debeant, cum hac quidem pollicitatione, quod rebus tandem (Deo annuente) compositis in ducatu nostro cuncta refundere velim[iis].
19. Effectuabit apud eundem vesirium, ut ad p[a]ces n[ost]ras ecclesiam in Sakoza^e erigi patiatur; in hoc puncto vel maxime cancellarium Excelsae Portae sollicitabit, ut intercessionem faciat, et etiam consili^f sit in omnibus, quae in commisione sunt.
20. Sedulo curabit, ut reliquiae civium camenecensium ad ducatum nostru mittantur, pro augmento subditorum Excelsae Portae in his locis ratione belli, multum dishabitatis.
21. Exponet Excelsae Portae, ut residenti nostro cum suis hominibus commodum hospitium providentur, censusque detur, qui residentibus Doroszenkovianis dabatur, imo auctior propter majorem suam munificentiam et in nos benevolentiam, quod petendum obnixè quidem sed non moleste volumus.
22. Procurabit, ut a vesirio quanto citius expediatx[ur] et ad nos remittatur nullibi immorando.

Scriptum in castris extra Bender ad Nistrum, 15 iulii 1677

^c Слова подчеркнуты карандашом, напротив, на полях, помета: «(Jurek Chmielnicki)».

^d Слова подчеркнуты карандашом.

^e Топоним не идентифицирован.

^f Видимо, под «канцлером» подразумевается переводчик дивана (драгоман) Александр Шкарлат (Маврокордато).

Перевод

Инструкция благородному господину Евстафию Гиновскому Астаматию, нашему наместнику и послу к Высокой Оттоманской Порте, данная нами, правителем и князем Малой России и Украинского Войска Запорожского:

Как только прибудет в Константинополь и поприветствует великого визиря и всех министров Высокой Порты, свидетельствуя им мое почтение, пусть сделает следующее:

1. За инсигнии, то есть за хоругвь и булаву, которые я получил из рук Ибрагима паши сердара, Могушественнейшего Султана должен поблагодарить.
2. Великому визирю пусть передаст мою приязнь и искренность, [лично] к нему и к Высокой Порте.
3. Так как ранее, при жизни нашего родителя, на Украине различными договорами со светлейшим королем Польши Иоанном Казимиром, даже в присутствии Крымского хана, во время походов на Зборов и Гадяч было утверждено присягой, что княжество наше Малороссия будет представлено в сенате Речи Посполитой и будет обладать полной свободой вероисповедания, — должен потребовать, чтобы Высокая Порта с этим согласилась.
4. Будет просить у Высокой Порты, чтобы служилые люди в воеводствах Киевском и Брацлавском княжества Украинского, то есть воеводств этих гарнизоны и прочие, по желанию и распоряжению князя вверены быть могли [кому угодно], как в иные времена бывало.
5. Будет добиваться, чтобы для содержания войска в княжестве нашем, нам с согласия султана можно было принимать воинов любого народа и в любом количестве, не предъявляя реестра, сколько нам будет угодно и в зависимости от удачи [в этом деле].
6. Будет убеждать, чтобы полк Подольский, называющийся также Могилевским, аж до реки Ущицы, который некогда к булаве нашей принадлежал, был возвращен нам обратно. Но это нужно сделать только по отдельному султанскому привилею, чтобы каменецкий паша в эту часть Подолии не вторгался; вместе с тем, поскольку в окрестностях [Каменца] часто встречаются дурные люди и мятежники, то если кто или учинит беззаконие, или из-под власти нашей сбежит в Каменец, чтобы паша, будучи извещен [об этом], таких преступников либо выдавал, либо подвергал заслуженному наказанию.
7. Будет настаивать, чтобы владения Кальницкого полка, такие, как Летичев, Сенявцы, Новый Константинов и другие, которые хотя в результате этой войны временно отделены оказались, были возвращены обратно.
8. Напомнит, что поскольку в княжестве нашем потомки знатных фамилий вследствие злобы наихудших из сельской черни были истреблены в результате длительной войны, пусть [нам] дадут возможность привлечения знатных людей или даже нобилитации тех, кто заслужит это добрыми делами; дабы не пришлось нам брать на службу недостойных и неотесанных, но предотвращать мятеж простонародья с помощью благочестивых христиан и ученых людей.

9. Постарается вымолить, чтобы больше не взимали подать с девушек и подростков наравне с женщинами и мужчинами — об этом нас умоляют множество полков, городов и деревень.
10. Если поляки уйдут из Кальника, Немирова и других крепостей, издавна к княжеству нашему относящихся, постарается использовать момент и испросить возврата всего этого под нашу власть.
11. Позаботится, чтобы было дано право селить на Украине в слободы людей любой религии; это тем скорее приумножит подданных султана, что разрешалось уже при польских королях.
12. Будет особенно заботиться, чтобы все Запорожье было всеми силами освобождено и нашей власти подчинено, чтобы не было там больше непокорного войска, которое сеет раздоры между государями, и таким образом исчезла бы возможность [для запорожцев] вредить государству крымскому, империи турецкой и нашему княжеству.
13. Просить великого везира, что поскольку из-за столь многолетней войны казна княжества нашего крайне истощена, чтобы позволено было свободно чеканить монету.
14. Стараться, чтобы наш княжеский титул был утвержден декретом Высокой Порты и выдана обещанная грамота с привилегиями о вольностях и церквях без упоминания о каком-либо налоге или харадже.
15. Будет просить Высокую Порту, чтобы после того, как поляки с московитами решат [между собой] дело либо посредством договора, либо оружием, чтобы все города и села по эту сторону Борисфена, относящиеся к Чигиринскому, Черкасскому, а также к Каневскому полкам, вернулись под нашу власть, и как при жизни родителя нашего эти полки были бы восстановлены.
16. Поскольку московиты, как мы слышали, вроде бы возвратили полякам Киев, то на случай, если московиты захотят уступить им и всю тогочную Украину[§], необходимо позаботиться о том, чтобы полки из земель, находящихся за Борисфеном, которые подчинялись родителю нашему, Высокая Порта соизволила принять под свою протекцию и передала под нашу власть, главным образом потому, что на упомянутый Киев мы как наследник и преемник имеем все права.
17. Попросит у великого везира одного надежного агу, который умеет писать по-турецки и по-латыни, чтобы он состоял при нас как свидетель нашей верности, знал бы тайны всех совещаний, вершил бы суд с нашими судьями и о происходящем Высокой Порте доносил, но, однако, его содержание и расходы должен обеспечивать султан.
18. Будет ходатайствовать перед великим везирем, что по милости его мы смогли бы получить либо в Константинополе из султанской казны, либо у Ибрагима паши несколько десятков мешков с деньгами для наших нужд, так как нам предстоят большие военные расходы, с тем обещанием, что когда дела в княжестве нашем наконец (Бог даст) придут в порядок, мы все в целости возвратили.
19. Будет добиваться у того же везира, чтобы по мольбам нашим, было позволено церковь в Сакозе возвести; по этому вопросу, пожалуй, он будет просить

[§] То есть Левобережную Украину.

канцлера Высокой Порты о посредничестве и совете во всех порученных делах.

20. Особо позаботится о том, чтобы уцелевших горожан каменецких отослали в княжество наше для пополнения числа подданных Высокой Порты в этих краях, из-за войны сильно обезлюдевших.
21. Разъяснит Высокой Порте, что резиденту нашему с его людьми следует оказывать надлежащее гостеприимство и давать содержание – такое же, какое давалось резидентам Дорошенко, и даже большее, из-за большей ее [Порты] щедрости и благосклонности к нам; этого мы добиваемся настойчиво, но не назойливо.
22. Будет стараться, чтобы везирем был как можно скорее принят и к нам отослан, нигде не будучи задержан.

Писано в лагере под Бендерами, что на Днестре, 15 июля 1677 г.

© 2017 г. А.Ф. ЛИТВИНА, Ф.Б. УСПЕНСКИЙ

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ТЕРМИНОМ *СНОХА* В ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТАХ

Статья посвящена исследованию семантики и бытования слова *сноха* в древнерусских источниках различного типа. Особое внимание уделено его употреблению в древнейших русских летописях – Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской Первой летописи. Данные, полученные на летописном материале, сопоставляются с показаниями текстов, составленных по горячим следам отразившихся в них событий, – граффити, завешание и т.д. Продемонстрировано различное и общее в использовании терминов кровного родства и свойства в соответствующих текстах.

The article investigates the semantics and pragmatics of the word *snokha* («daughter-in-law») in medieval Russian sources of different types. Particular attention is given to its use in the oldest chronicles: Laurentian, Hypatian and the First Novgorodian Chronicle. Data from those three chronicles is compared with the readings of other texts: graffiti, testament, etc. We try to show common and different features in the usage of affinity and consanguinity terms in various spheres of medieval written culture.

Ключевые слова: Древняя Русь, династические браки, термины свойства, термины родства, политические союзы, летописная традиция.

Keywords: Medieval Russia (Rus'), dynastic marriages, affinity and consanguinity terms, political unions, medieval chronicles.

Интерес к терминологии свойства для лингвиста традиционно связан с тем, что этот пласт лексики является одним из древнейших, в нем можно отыскать элементы общеславянского или праиндоевропейского фонда, обнаружить весьма ранние заимствования из других языков. На этом фоне обычно представляется полезным собрать воедино все значения того или иного термина во всех славянских литературных языках и диалектах, где только удастся его обнаружить, рассмотрев их вместе со всеми сколько-нибудь значимыми случаями появления этих слов в древних текстах. Такой синтетический путь позволяет сформировать перспективу, достаточно широкоую и в то же

Литвина Анна Феликсовна – канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник лаборатории лингвосомиотических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Успенский Федор Борисович – чл.-корр. РАН, заместитель директора Института славяноведения РАН.

В данной научной работе использованы результаты проекта «“Центры” и “периферии” в средневековой Европе», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2017 г.

время объемную, именно он дает надежду добраться до глубокой архаики в бытовании слова.

Однако, объединяя все и вся в поисках этой архаики, мы рискуем упустить те тонкие, но довольно существенные различия в значениях термина свойства, каковые существуют в двух близкородственных языках или постепенно возникают в рамках одного и того же языка на протяжении нескольких столетий. Почему, к примеру, древнейшие русские летописи не знают слова *невестка*? кого в домонгольской Руси могли называть *ятровью*? чем отличается древнерусское употребление слова *зять* от его функционирования в различных восточнославянских говорах новейшего времени? какое лицо может быть поименовано *снохой* в том или ином древнем тексте?

Для того чтобы ответить на все эти вопросы, нужны совсем иные, дифференцирующие, подходы к семантике и узусу терминов свойства, в первую очередь тех, что с течением веков никуда не делись, но зачастую претерпели существенные сдвиги в своем смысловом наполнении. Точное понимание значения этих слов в конкретную эпоху и в конкретном типе источников имеет ценность не только лингвистическую — зачастую исключительно на основании присутствия термина *тесть* или *сноха* в тексте приходится реконструировать существование обширных семейно-политических союзов или выстраивать хронологию тех или иных событий. Очевидно, в частности, что в представлениях о мире человека Древней Руси родовые связи играют огромную роль, а терминология родства наделяется целым спектром как прямых, так и переносных значений. Как отделить здесь символику и метафорику от непосредственного указания на тот или иной тип родственных отношений? Всегда ли такое разделение оправданно при анализе древнерусских текстов?

Кто и при каких обстоятельствах мог именоваться *снохой* в ранней летописной традиции?

Если мы обратимся к древнейшему летописанию, то увидим, что термин *сноха* появляется здесь заметно реже, чем большинство из терминов, обозначающих свойственников-мужчин (таких, например, как *тесть*, *зять* или *сват*), но при этом слово *сноха* — отнюдь не раритет для летописи. Можно даже составить некий условно-обобщенный портрет женщины, которая в Ипатьевской, Лаврентьевской и в Новгородской Первой летописях именуется *снохой*.

Прежде всего это княгиня. Такого рода социальная ограниченность характеризует, впрочем, не столько функционирование термина как такового, сколько специфику этого типа нарратива, который сосредоточен в первую очередь на родовой истории князей Рюриковичей.

Отношения свойства, как и отношения кровного родства, естественным образом носят двунаправленный характер, и если некий персонаж именуется чьим-то *зятем*, то для его контрагента существует соответствующий парный термин *тесть* или *шурин*. Казалось бы, то же самое должно происходить и со *снохой*, однако в древнейшем летописании мы вовсе не обнаружим парного ей термина *свёкр*, а *свекровь* встречается лишь единожды, во вводной части «Повести временных лет», где речь идет не о конкретных лицах, а о должном и недолжном в семейном обиходе целых народов:

Полане бо своихъ ѡць ѡбычаи имаху. тихъ и кротококъ. и стыдѣнне къ снохамъ своимъ. и къ сестрамъ и къ матеремъ своимъ(ь). и **снохы къ свекровамъ своимъ. и къ дѣверемъ** велико стыдѣнне имуще. и брачныи обычаи имѣаху. не хожаше женихъ по невѣсту. но привожаху вечерь. а заоутра приношаху что на неи владуче. а Деревлани живаху звѣрскимъ ѡбразомъ. живуше скотьскы. и оубиваху другъ друга. **адуше** все неч(и)сто. и браченья в нихъ не быша. но оумыкаху оу воды дѣца. а Радимичи и Ватичи. и Северо. ѡдинъ ѡбыча и имаху. живаху в лѣсѣ **ако** же всакыи звѣр. **адуше** все неч(и)сто. и срамословье в нихъ предъ оѣи и предъ(ь) снохами [1. Т. II. Стлб. 10].

Разумеется, это вовсе не означает, будто древнерусский узус вовсе не знаком со словом *свѣкр* — в нормативных или дидактических текстах оно встречается достаточно регулярно, причем часто *сноха* и *свѣкр* фигурируют в рамках одной правовой синтагмы, что только подчеркивает перманентную двунаправленность отношений свойства; ср., например:

Аще **свекорь съ снохою** блоудить, митрополитъ м̄ гривен, а ѡпитем(и)ю прѣимоут по законъ [2. С. 88].

Летописца же, коль скоро он повествует о конкретных событиях, по-видимому, просто не интересуют ситуации, где в качестве точки отсчета выступает младшая женщина. Вообще говоря, своеобразный фокус родовой терминологии, как правило, сосредоточен на мужчине, отсчет родовых отношений ведется именно от него¹. Так, если мы встречаем термин *зять*, то обычно речь идет о муже дочери, сестры или племянницы некоего князя, а не княгини или княжны. Однако если уж мы заговорили о своеобразной точке отсчета — о лице, по отношению к которому исчисляется родство, то здесь термин *сноха* скорее выделяется из общего ряда благодаря некоторой своей смещенности в сторону женской перспективы; рассказчик может употреблять слово *сноха* не только в таких ситуациях, когда речь идет о жене сына какого-либо князя, но и в тех случаях, когда центром повествования является княгиня, фигурирующие же здесь *снохи* — это именно ее с н о х и:

Мьстислав же бѣжа Новугороду. а Юрополкъ Разаню. а **Ростиславлюю мѣрь их. с снохома** приаша Володимерци [1. Т. I/2. Стлб. 377].

...и бѣжа Всеволодъ. и Мстиславъ. и вси людье бѣжаша в Печернии городъ. а еп(и)с(ко)пъ Митрофанъ. **и княгини Юрьева. съ дчерью. и с снохами. и со внучаты.** и прочиѣ княгини. Володимераа с дѣтми. и множество много богаръ. и всего народа людии. затворишася в цркви сѣтъа Бѣа. и тако ѡгнемъ(ь) безъ милости запалени быша [1. Т. I/2. Стлб. 463].

Можно ли утверждать, что в летописи *сноха* — это всегда и исключительно жена сына? Едва ли, потому что оба элемента этой характеристики нуждаются в оговорках.

¹ Не случайно в древнейших летописях за пределами все того же фрагмента из вводной части «Повести временных лет» (см. выше) нигде не встречается и термин *деверь*. Применяется он к мужчине (прежде всего, к брату мужа), однако точкой отсчета в этих отношениях свойства, очевидным образом, всегда выступает женщина. Напротив, его зеркальный коррелят, термин *шурин* (брат жены), в изобилии присутствует в летописном нарративе.

Во-первых, хотя и редко, но *снохой* может именоваться не жена сына, а жена младшего брата:

...и реч(е) Изаславъ брату своему. Володимеру брате Бѣ ти помози. ѿже са еси потрудилъ моего дѣла ч(е)сти и моего но здѣ пакы мои сносѣ. а твои женѣ оудолжилос [1. Т. II. Стлб. 407].

Существенно, что это происходит в такой ситуации, когда отца обоих братьев уже нет в живых, разница в возрасте между ними весьма значительна и старший брат явно выполняет по отношению к младшему по крайней мере часть отцовских функций, обустроивая, например, его женитьбу. С другой стороны, нельзя не отметить, что этот старший брат никогда в летописи не именуется **отцом* брата младшего, хотя переносное использование термина *отец* по отношению к прочим родственникам и свойственникам для этого типа источника — явление вполне обычное.

Во-вторых, термин *сноха* (и в данном отношении он далеко не исключение среди других обозначений свойства) может употребляться упреждающим образом, еще прежде, чем женщина стала чьей-либо женой; точно так же функционируют в летописи слова *тесть*², *зять*³, *сват*⁴ или *мачеха*⁵. Однако временные рамки подобного использования всех этих слов здесь далеко не безграничны. Русские князья могли именоваться свойственниками друг друга не ранее того момента, как был заключен договор о браке, по всей видимости накладывающий на обе стороны немалые обязательства [3]. Примеры подобного рода упреждающего именованья, которые мы обнаруживаем в летописном тексте, говорят о том, что промежуток между договором о браке и самим браком едва ли мог быть слишком долгим, во всяком случае упреждающее употребление такой терминологии едва ли могло растягиваться на несколько лет.

Небезграничен, разумеется, и самый перечень родственников, чьи жены могли именоваться *снохами*. В летописи мы не знаем случаев, чтобы так была названа, к примеру, жена племянника, внука или двоюродного брата, не говоря уже о женах старших родичей. Это утверждение не столь тривиально, как может показаться на первый взгляд, потому что некоторые другие термины свойства,

² Князю Изяславу Давыдовичу удалось договориться о браке племянника, Святослава Владимировича Вщижского, с дочерью Андрея Боголюбского. Прежде чем отправлять свою дочь к Святославу, Андрей высылает к нему военную помощь, причем летописец уже именует его *тестем* Святослава: «И посла [Андрей Боголюбский] к нему [Святославу Вщижскому] сѣна своего Изаслава. съ всімъ полкомъ(ъ) своимъ. и Муромская помощь. с нимъ зане пришли баху Руский кнзи на Стослава на Володимирича. и ѿступили баху въ Вщижи быашеть же с ними из города. ѿжидаа Изаслава стрѣя своего с помощью. и ѿѣтъ цте своего ѿ Андрѣа» [1. Т. II. Стлб. 508–509].

³ В рассказе о злоключениях Владимира Ярославича Галицкого его племянник, Святослав Игоревич, которому только предстоит жениться на дочери Рюрика Ростиславича, именуется *зятем Рюрика*: «...и на третьее лѣто [Игорь Новгород-Северский] введе и [Владимира Ярославича Галицкого] в любовь. со ѿимъ его [Ярославом Осмомыслом]. и посла с нимъ (с нимъ) сѣна своего. зата Рюрикова Стослава» [1. Т. II. Стлб. 634].

⁴ Вячеслав Владимирович соглашается на мирные предложения, переданные ему Владимиром Володаревичем Галицким, а тот именуется *сватом* Вячеслава, хотя Вячеславовой племяннице еще только предстоит выйти замуж за Ярослава Осмомысла, сына Владимира Галицкого: «кнѣз же Вячеславъ послуша брата своего и свата. Володимира. приемъ въ с(е) рдци слова его. потъкнуа к раду и к любви. башеть бо кнѣз Вячеславъ незлобивъ с(е)рдцемъ» [1. Т. I/2. Стлб. 340].

⁵ Мстислав Изяславич отправляется встречать будущую жену своего отца, дабы привести ее в Киев, где еще только предстоит совершиться свадьба: «На ту же ѿсень посла и ѿѣ с вои. противу мачесѣ. с Володимеромъ съ Андрѣевичемъ(ъ). и с Берендѣи. и ходиша до ѿлешья. и не ѿбрѣгше ее възвратишася ѿпатъ(ъ)» [1. Т. I/2. Стлб. 340].

обозначающие женщин, обладают здесь куда более широкой сферой референции. Так, слово *ятровь* может быть применено к жене родного, двоюродного или троюродного брата, а также к супруге двоюродного дяди⁶. При этом племянник князя может именоваться его *сыном* (ср., например, [1. Т. II. Стлб. 418]), а вот жена этого племянника *снохой*, как уже говорилось, отнюдь не называется.

Сохраняется ли за женщиной именование *снохи* после того, как одно из действующих лиц, некогда вовлеченное в данные отношения свойства, ушло из жизни?

Если говорить о трех древнейших русских летописях и их описаниях событий домонгольского времени, то свойство здесь терминологизируется лишь в таких положениях, когда все участники ситуации — женщина, ее муж и хотя бы кто-то из его родителей — живы. Отношения свойства значимы, как будто, только в некотором «актуальном настоящем». Ради контраста следует отметить, что термины кровного родства в летописном узусе (как, впрочем, и в узусе современном) функционируют совсем иначе. Человек достаточно регулярно именуется *сыном*, *дочерью*, *внуком* или даже *правнуком* какого-либо лица, не только если это лицо живо, но и в тех случаях, когда его уже давно нет на свете. Соответственно, актуальными остаются по отношению к умершим родственникам и именованья *отец*, *дед*, *прадед*. Более того, при имени недавно скончавшегося князя весьма нередко указываются имена его давно скончавшихся отца и деда.

Иными словами, прямое кровное родство ни в коей мере не утрачивает своей актуальности для летописца, если кого-то из участников этих родственных отношений уже нет в живых и даже в тех случаях, когда на свете никого из них не остается. Связь же по свойству может актуализироваться с помощью специального термина *сноха* лишь начиная с того момента, как состоялась договоренность о ее будущем браке, и только в ту пору, пока все участники ситуации живы.

Так обстоит дело в древнейших русских летописях. Однако за пределами сугубо летописного узуса родовой обиход подразумевает, по-видимому, и другие возможности использования термина *сноха* — более широкие, чем в летописном нарративе, и, с другой стороны, по-видимому, более сложные, чем в современной языковой практике.

Некоторые особенности функционирования слова *сноха* в нелетописных текстах

Первые приметы подобной широты в использовании слова *сноха* заметны уже благодаря включенному в состав Лаврентьевской летописи несобственно летописному тексту — письму Владимира Мономаха князю Олегу Святославичу. Пытаясь преодолеть междукняжеский конфликт, приведший к гибели Мономахова сына

⁶ Приведем примеры употребления слова *ятровь* по отношению к жене родного брата и к жене брата троюродного. О князе Святославе Ольговиче сообщается, что он вместе со своей семьей увез и жену своего плененного родного брата Игоря Ольговича: «и тако побѣже Стославъ из Новагорода Корачевѹ дружина же его ѿни по нем идоша. а друзиини ѿсташа его. и жена дѣти с нимъ и *ятровь* свою Игоревую поца со собою» [1. Т. II. Стлб. 334–335]. Вдова Романа Мстиславича Галицкого неоднократно именуется *ятровью* венгерского короля Андраша II, которому ее покойный супруг приходился троюродным братом (через их общего прадеда Мстислава Великого): «Приде король в Галичь. и приведе *ятровь* свою. великою княгиню Романовую. и боаре Володимерьскыи Инъгварь приде из Лоуч(ь)ска инии князи свѣтъ створи со *ятровью* своею. и с боары Володимерьскыи. реч(е) Володи(мерь.)славъ княжитсѧ. а *ятровь* мою выгналь. *ят*оу же бывшую Володиславою» [1. Т. II. Стлб. 727–728]. Примеры употребления этого термина по отношению к жене двоюродного брата и двоюродного дяди см. ниже.

Изяслава в битве с Олегом, который, помимо всего прочего, приходился убитому не только двоюродным дядей, но и крестным отцом, Владимир Всеволодич просит отпустить к нему молодую вдову, столь недавно сочетавшуюся браком с Изяславом Владимировичем. Мономах называет ее именно *снохой*, хотя ее мужа уже нет в живых:

А сноху мою послати ко мнѣ. зане нѣс(ть) в ней ни зла ни добра. да бѣх ѿбуимъ. ѿплакаль мужа еѣ. и ѿны сватбы ѣю. въ пѣснии мѣс(то). не видѣхъ бо ею первѣе радости. ни вѣнчанья ѣю за грѣхы своя а Бѣ дѣла пусти ю ко мнѣ. вборзѣ с первым(ь) словомъ да не с нею кончавъ слезы. посажу на мѣстѣ и садет(ь) акы горлица. на сусѣ дровѣ желѣючи [1. Т. I/1. Стлб. 253].

Как кажется, из этого поэтического фрагмента можно заключить, что молодая княгиня так или иначе останется на попечении отца своего покойного мужа, но какова была обычная практика в таких случаях и с этим ли намерением принять на себя заботу об участии молодой вдовы связан тот факт, что Владимир продолжает именовать ее *снохою*, судить достаточно трудно. Характерно, впрочем, что подобное словоупотребление не вызывает ни малейшего отторжения у современного читателя летописи. То обстоятельство, что некто именуется столь недавно овдовевшую жену своего сына собственной *снохой*, кажется совершенно естественным, как естественно было бы подобное словоупотребление в данной ситуации и в устах третьих лиц.

Однако в нашем распоряжении есть и более выразительные казусы, демонстрирующие, насколько далеко за хронологические рамки брака мог простираться термин *сноха* в древнерусских нелетописных текстах. Здесь можно упомянуть два примера, отделенные друг от друга почти тремя с половиной сотнями лет, почерпнутые из источников разного типа, но при этом обладающие неким внутренним единством. Термин *сноха* употреблен здесь для описания таких отношений между старшим и младшим свойственником, которые распространяются далеко за пределы земной жизни одного из участников ситуации.

Тот факт, что княгиня приходилась *снохой* некоему князю, оказывается актуален не только в ту пору, когда уже не было в живых ее мужа, но и если самый брак ее был заключен **после** кончины мужниного отца. При жизни же они не успели, что называется, побыть *снохой* и *свѣкром*, а быть может даже никогда и не видели друг друга. Именно такая ситуация фиксируется, по-видимому, в надписи из Киевского Софийского собора, где сообщается следующее:

ВОЛОДИМИРАА
[С]Е БЫЛА МНОГОПЕЧАЛНА[А?]
А[Н]ДРЕЄВА СНОХА ОЛЬГОВА С
Є[С]ТРА И ИГОРЪВА И ВСЕВ[О]
ЛОЖА НАПСАЛЪ [В]АНИК
О ПОПЪ ЧЛВЕКО ВЛДК[И]
[Р]АБАТЪБ — —

[4. С. 25]

Согласно убедительной версии С.А. Высоцкого, исходившего, по преимуществу, из генеалогических данных, *Володимеря* — это не кто иная, как в до в а Владимира Андреевича Дорогобужского, а Андрей, *снохой* которого она именуется, — это Андрей Добрый, один из младших сыновей Владимира Мономаха.

человек осиротевает ребенком или подростком, то едва ли ту, с которой ему много лет спустя случится вступить в брак, кому-либо придет в голову именовать *снохой* его покойного отца — никакого языкового запрета здесь, пожалуй, не наблюдается, но на практике такое словоупотребление будет выглядеть искусственным (в лучшем случае, можно представить, что к ней будет применена некая описательная конструкция, вроде *жена сына N. N.*).

Между тем для Древней Руси такое применение термина *сноха*, связывающее старших членов рода со свойственниками, которых они не застали при жизни, оказывается вполне естественным и не случайным. Мы можем убедиться в этом, взглянув на ситуацию, подобную той, что мы наблюдали в киевском граффити, как бы с другой стороны, на этот раз используя текст, составленный от лица старшей свойственницы.

Этот второй пример принадлежит самому началу XVI ст. Речь идет о завещании вдовствующей волоцкой княгини Ульянии. В этом документе упоминаются некие две княгинины *снохи*, и оба этих упоминания несут в себе определенную загадку. В первом случае эта загадка связана с окончательной идентификацией лица, которое упомянуто в завещании в качестве жены княгинино сына Федора Борисовича. Во втором же случае (и именно он нас будет сейчас интересовать) подобная идентификация оказывается принципиально невозможной, так как слово *сноха* появляется здесь в составе следующей формулировки:

А дасть Б(о)гъ, с(ы)нъ мои Иван женитца, и ~~паз~~ бл(а)гославляю ~~снох~~ свою, Иванову жону, трои серги, двои ахонты, а трет(ь)и лалы... [5. С. 349. № 87].

Быть может, перед нами такой же пример упреждающего употребления термина свойства, с какими мы сталкивались в древнейших летописных сводах? Полностью исключить такой возможности нельзя, однако, на наш взгляд, здесь мы имеем дело с упреждением существенно иного рода.

В самом деле, древнейшие летописи иной раз именуют *сватами*, *зятьями* и *снохами* людей, чьи отношения свойства еще не получили твердого основания в виде уже состоявшегося брака. Однако речь всегда здесь идет о вполне конкретных лицах, вовлеченных во вполне конкретные договоренности о свадьбе, и свадьба эта, так сказать, не за горами. Княгиня же Ульяния в своей духовной грамоте не называет никакого конкретного имени, идея женитьбы сформулирована здесь предельно общо и безадресно. Ни слова о том, что у молодого князя, очень ненадолго пережившего свою мать, была сговоренная невеста¹⁰, мы не находим и в житии Иосифа Волоцкого, где обстоятельства кончины Ивана Рузского изложены весьма подробно [9. С. 31–33]. Никаких данных о готовившейся свадьбе мы не обнаружим и в завещательном распоряжении самого Ивана Борисовича [5. С. 351–353. № 88].

Одним словом, все сохранившиеся свидетельства о жизни и кончине этого князя недвусмысленно говорят о том, что к моменту составления завещания его матери невесты у него попросту не было, а княгиня-мать имела в виду

¹⁰ В летописях сообщается, что Иван Борисович заболел на свадьбе своего старшего брата Федора и скоропостижно умер в монастыре своего крестного отца Иосифа Волоцкого; о Федоре же Борисовиче в летописи говорится, что он женился (со всей очевидностью, вторым браком) после кончины матери [1. Т. VI. С. 49; Т. XXVIII. С. 337]. Исследователи предполагают, что два этих события — кончина княгини Ульянии и свадьба ее сына Федора — имели место в течение одного месяца, в ноябре 1503 г. [6; 7. С. 373–374; 8]. Так или иначе, младший брат Федора, Иван, между кончиной матери и столь злополучной для него свадьбой брата сам заведомо женой не обзавелся.

не какое-то определенное лицо, а лишь ту женщину, которой некогда предстояло заполнить соответствующую ячейку в родовой схеме свойства. Княгиня могла не знать ее вовсе, однако не только завещала ей некую часть своего имущества, но и наперед почитала своей близкой свойственницей. Отношения свойства в этой клаузуле завещания, в сущности, уравниваются с отношениями кровного родства — подобно тому, как потомки того или иного лица будут именоваться его *внуками*, даже если дед или бабка не застали их при жизни, так и неведомая будущая жена получает именование *снохи*.

Не будь в нашем распоряжении Софийского граффити XII в., опираясь мы только на сопоставление источника начала XVI в. с рассказами древнейших русских летописей о домонгольском времени, можно было бы заподозрить, что разнице в функционировании слова *сноха* мы обязаны некой культурно-языковой динамике, эволюции осмысления свойства и, соответственно, эволюции словоупотребления, совершившихся на протяжении нескольких столетий. Однако, хотя некоторая эволюция такого рода и имела место, в данном случае дело, по-видимому, не в ней.

Определяющим здесь оказывается, скорее, тип источника и биографический контекст. Для летописного нарратива кровное родство — это своеобразная стратегическая ось, соединяющая прошлое и будущее, тогда как свойство в большей мере элемент тактики, скоротечного и актуального настоящего, который есть смысл специально оговаривать преимущественно лишь в тех случаях, когда из него проистекает прямая и непосредственная польза или угроза. Однако и в летописи можно заметить следы более фундаментального значения княжеского свойства, снова и снова объединяющего невероятно разросшийся и разошедшийся род Рюриковичей. Словоупотребление же в граффити делает эту функцию свойства наглядной и очевидной — княгиня приезжает в Киев, где покоятся предки ее мужа, а, по-видимому, уже погребен и он сам. Именно к их роду она стала принадлежать по браку, живы они или умерли, что и зафиксировано в надписи. Однако другая часть текста вовлекает в эту семейную связь и ее собственных живых кровных родственников. Недаром здесь упомянут не о т е ц княгини (по всей видимости, уже покойный), а ее родные б р а т ь я, новгород-северские князья Олег, Игорь и Всеволод, которые в течение многих лет надеялись на помощь Киева в отстаивании своих родовых прав. Детей мужского пола у многопечальной супруги Владимира Дорогобужского, судя по всему, не оставалось, она, таким образом, лишь носитель неких отношений свойства, а не продолжательница рода, семейная линия Андрея Доброго на ее муже пресеклась.

В перспективе княгини Ульянии, у которой есть бездетный старший сын и неженатый младший, именно восприятие свойства как чего-то вневременного и неизбежного позволяет конструировать будущее семьи волоцких князей, создает некое условное пространство, где у нее еще могут быть внуки мужского пола. Пространству этому, как известно, не суждено было воплотиться: младший сын княгини так и не успел обзавестись женой, а старший — потомством. Возможно, таким образом, что в обоих этих случаях значимость свойства проявляется столь рельефно именно потому, что оно ни для кого не перешло в кровное родство, т.е. не дало того следующего поколения, для которого с н о х а делается м а т е р ь ю , а р о д и т е л и е е м у ж а — д е д о м и б а б к о й. Завещание и граффити, выполненные духовным лицом, в сущности, являются последней попыткой обеспечить связь семейного настоящего в одном случае с прошлым, а в другом — с будущим.

Попытки эти, помимо всего прочего, не чужды известного символизма в восприятии родовой жизни. Ярче всего такой символизм проступает в самом раннем из известных нам случаев употребления термина *сноха* в оригинальном древнерусском сочинении. Речь идет о похвальной части «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона, произнесенной в середине XI ст. Иларион строит третью (заключительную) часть своего «Слова» как панегирик правящему роду. Центральной фигурой, своеобразной точкой отсчета, здесь становится креститель Руси, покойный князь Владимир Святой, отец здравствующего и обладающего всей полнотой княжеской власти Ярослава Мудрого. Замечательно при этом, что Иларион в своем прославлении вспоминает и некрещеных предков Владимира, князей Игоря и Святослава, указывая, что Владимир одному из них приходится в н у к о м, а другому — с ы н о м:

Похвалимъ же и мы. по силѣ нашей. малыими похвалами. великаа и дивнаа сътворышааго. нашего оучителя и наставника. великааго кагана нашеа земли володимера. вѣнжка старааго игора. сѣа же славнааго сватослава [10. С. 91].

Разумеется, особое место в панегирике Илариона уделено и Ярославу Мудрому, а также его сыновьям и внукам, но, показательным образом, охарактеризованы они как в н у к и и п р а в н у к и Владимира. Соответственно, же н а Ярослава Мудрого напрямую названа *снохой* Владимира Святославича:

Да видиши. какоа та чѣсти гѣ тамо съподобивъ. и на земли не беспаматна ѿставиль сѣомъ твоимъ. вѣстани виждь чадо свое георгѣа¹¹. виждь оутробж свою. виждь милааго своего. виждь его же гѣ изведе ѿ чресль твоихъ. виждь красащааго столъ земли твоеи. и възрадуиса и възвеселиса. къ семъ же виждь и **блговѣрнѣю снохъ твою еринѣ**. виждь **въноукы твоя и правноукы**. како живжть. како храними соуть гдѣмъ. како блговѣрїе держать. по прѣданїю твоимъ [10. С. 98].

Точная дата брака Ярослава и дочери шведского конунга Олава, Ингигерд (Ирины), в источниках не указывается. Обычно исследователи относят его к 1019 г.¹², Владимир же скончался, напомним, в 1015 г. Таким образом, при жизни он скорее всего не встречался с этой женой своего сына и едва ли мог знать (во всяком случае, знать наверняка), что этот брак вообще когда-либо состоится. Любопытно при этом, что данный пример употребления термина свойства и похож, и одновременно не похож на историю княгини Ульянии или на эпизод с Андреем Добрым.

В самом деле, Иларион прибегает к приему, который столетия спустя будет еще неоднократно использоваться в русской гомилетической традиции, когда проповедник обращается к покойному как к живому, всячески подчеркивает его способность видеть живых, участвовать в их делах и наслаждаться их процветанием. Коль скоро Владимир репрезентируется в проповеди как живой и в то же время наиболее значимый член семьи, нет ничего удивительного в том, что это представление отражается и в терминах свойства и же н а с ы н а называется его *снохой*.

Существенно при этом, что здесь мы сталкиваемся с весьма характерным и для последующей истории княжеской династии слиянием христианских

¹¹ *Георгий* — имя Ярослава Мудрого, полученное при крещении.

¹² Обзор различных точек зрения на датировку брака Ярослава и Ингигерд см. в работе [11. С. 336–337]. Сама исследовательница (на наш взгляд, обоснованно) считает, что брак имел место в 1019 г.

и родовых представлений. С одной стороны, Иларион подчеркивает, что кончина Владимира — не смерть, а лишь краткий сон, предшествующий воскресению, и что именно благодаря принятому крещению он столь близко соприкасается со своими живыми потомками¹³. С другой стороны, однако, и его некрещеные предки тоже не исключены из цепи семейной преемственности. В определенном смысле все умершие родичи, принадлежащие по крайней мере к трем ближайшим поколениям, присутствуют в жизни живых, и в случае надобности это присутствие может быть актуализировано. В летописи мы сталкиваемся с этой актуализацией по преимуществу на уровне кровного родства: умершие предки князя присутствуют не только в его генеалогической характеристике — они, к примеру, даже не будучи причислены к лику святых, могут и на том свете возносить особые молитвы о его спасении или победе (ср. [12–13]). В некоторых же нелетописных памятниках это присутствие умерших в жизни рода может актуализироваться и на уровне свойства — родства, приобретаемого благодаря браку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полное собрание русских летописей. СПб. (Пг./Л.); М., 1841–2004. Т. I–XLIII.
2. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Подгот. Я.Н. Шапов. М., 1976.
3. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Внутридинастические браки между троюродными братьями и сестрами в домонгольской Руси // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2012. № 3 (49): Сентябрь; Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. К уточнению семантики древнерусского «свататися» / «сватитися» и «сват(ь)ство» // Die Welt der Slaven. 2013. Bd. LVIII; Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Случалось ли князьям домонгольского времени брать в жены близких свойственников? Политические выгоды, церковные запреты, прецедент // Факты и знаки: Исследования по семиотике истории. Вып. 3 / Под ред. Б.А. Успенского и Ф.Б. Успенского. М.; СПб., 2014.
4. Высоцкий С.А. Киевские графиты XI–XVII вв. Киев, 1985.
5. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подгот. к печати Л.В. Черепнин; отв. ред. С.В. Бахрушин. М.; Л., 1950.
6. Зимин А.А. Княжеские духовные грамоты начала XVI века // Исторические записки. 1948. Т. XXVII.
7. Николаева Т.В. О некоторых волоколамских древностях // Древнерусское искусство: Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. XIV–XVI вв. / Отв. ред. О.И. Поддубедова. М., 1970.
8. Казаков А.А. К предыстории конфликта князя Федора Борисовича Волоколамского с Иосифо-Волоцким монастырем: источниковедческий аспект // Вестник Московского университета. М., 2015. Сер. 8: История. № 5–6.
9. Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное Саввою, епископом Крутицким / Подгот. К.И. Невоструев // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1865. Кн. II.
10. Молдован А.М. Слово о законе и благодати Илариона. Киев, 1984.
11. Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе: тексты, перевод, комментарий. М., 2012.
12. Комарович В.Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. 1960. Т. XVI.
13. Сазонов С.В. «Молитва мертвых за живых» в русском летописании XII–XV вв. // Россия в X–XVIII вв. Проблемы истории и источниковедения. Тезисы докладов и сообщений вторых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. М., 1995.

¹³ «...въстани ѿ честнаа главо. ѿ гроба твоего. въстани. ѿтраси сонъ. нѣси бо оумерль нъ спиши. до обьшааго всѣмъ вѣстаніа. въстани. нѣси оумерль. нѣс бо ти лѣпо оумрѣти. вѣровавшѣ въ хѣа живота всемоу миру. ѿтраси сонъ. възведи ѿчи. да видиши» [10. С. 98].

«МОЛОДЫЕ СЛАВЯНОФИЛЫ» НА ПУТИ К «СЛАВЯНСКОМУ БРАТСТВУ»: БАЛКАНСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ 1840-х ГОДОВ

Сочетание «братья-славяне» входит в широкий публичный дискурс в эпоху Великих реформ. Однако освоение этой метафоры относится к более раннему периоду – к первой половине 1840-х годов. Именно тогда формируется более зрелая романтическая традиция восприятия балканских славян. В частности, она вдохновляла путешествия «молодых славянофилов». В их путевых описаниях метафора «славянского братства» становится центральной. Пресеянная сквозь смягчившуюся цензуру и неоднозначный жизненный опыт ее создателей «братская» риторика пережила второе рождение около 1861 г.

«Brothers Slavs» as an idiomatic construction became a part of public discourse in the era of Alexander II's Great Reforms in Russia. However, the metaphor had been widely used in the earlier period, especially in the first half of 1840s. It was also the period, when traditional romantic perception of the Balkan Slavs was in making. Among others, it was inspiring the «Young Slavophiles» to travel. The metaphor of «Slavic brotherhood» was central for their itineraries. This rhetoric survived in spite of censorship and ambiguous life experience of the authors and went through a rebirth around 1861.

Ключевые слова: молодые славянофилы, балканские путешествия, «братья-славяне», К.С. Аксаков, В.А. Панов, А.Н. Попов, Ф.В. Чижов, В.А. Елагин, Н.А. Ригельман.

Keywords: young Slavophiles, travels in the Balkan, «Brother Slavs», Konstantin Aksakov, Vasily Panov, Aleksandr Popov, Fedor Chizhov, Vasily Yelagin, Nikolay Riegelman.

Публикуя в 1998 г. новаторскую по интерпретации материала статью под вызывающе кратким заголовком «Панславизм», О.В. Павленко обратила внимание на двойной стандарт в описании имперских идеологий и практик: «Если британский, французский, североамериканский, германский экспансионизм рассматриваются в историографии как явление закономерное и *необходимое* (да, но кому? – М.Б.), то [почему] аналогичная тенденция в российской внешней политике, одной из форм отражения которой и был «имперский панславизм», вызывает столь негативное восприятие. [...] Изучать это явление необходимо, – продолжает автор статьи, – и не только для того, чтобы сделать выводы о его роли во внешней политике России, но и потому,

Белов Михаил Валерьевич – д-р ист. наук, заведующий кафедрой Новой и новейшей истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

что его эволюция иллюстрирует одну из граней сложного процесса самопознания российского общества, попыток его самоопределения в общей европейской (можно добавить и мировой. — М.Б.) системе» [1. С. 55–56]. Не связаны ли упомянутые затруднения и двойные стандарты со спецификой того самого затянувшегося самоопределения, бесконечными и часто невразумительными дебатами о России и Западе¹, равно как и с идеологическими дефицитами в оправдании текущей политики?

Павленко предприняла попытку оценочной ревизии и относительной нейтрализации термина «панславизм», рассмотрев варианты его ситуационного употребления и изменчивого содержательного наполнения, а также указала на мифологический слой в каждом из них. Вопреки традиции, она сблизила «панславизм» со смежными терминологическими образованиями («славянская взаимность»², «славянская идея»), поскольку настаивала на плавающем семантическом и прагматическом статусе его бытования.

Эти и другие методологические новации вызвали остро критическую реакцию на круглом столе «Теоретические аспекты национальной идеологии славянских народов»³. В течение последующих лет их восприятие оставалось неоднозначным, если не игнорировалось вовсе. В частности, Е.П. Аксенова в заметках о соотношении «славянской и национальной идеи», опубликованных в 2002 г., упоминает лишь о «фантоме панславизма» в «западноевропейской политике» в связи с известным Славянским съездом в Москве в 1867 г. [3. С. 419]⁴.

Другая модель трактовки «славянской идеи» («взаимности» и/или «панславизма») в конструкционистской перспективе использована для анализа колларовской образности, поэтического интуиций и ученых умозаключений у Т. Гланца. Автор заходит настолько далеко, что ставит под сомнение даже «родство» славянских языков, которые, по его словам, всего лишь «имеют некоторые общие черты», поскольку нормализация национальных литературных языков сама явилась результатом кодифицирующей деятельности «будителей», при этом они руководствовались воображаемым тождеством языка и «души» народа [5. С. 11].

Гланц связывает конструирование «славянской идеи» с пучком интеллектуальных стратегий постпросветительской эпохи (включая схемы и представления, заимствованные из естествознания) и с «контекстуальными заданиями» по выработке «проектов будущего», но исключает из своего анализа разъяснение этих контекстов. В результате некоторая часть статьи сводится к рациональной критике элементов, составляющих колларовскую «теорию взаимности» и восходящих к известной главе из «Идей к философии истории человечества» И.Г. Гердера [5. С. 12–15] (ср. [1. С. 49–50]).

Важнейшей стратегией конструирования будущего (и присвоения прошлого), как вполне справедливо считает Гланц, было славянское путешествие, которое

¹ О семантических парадоксах, механизмах воспроизводства и социальной функциональности мифологемы «особого пути» см. [2].

² В частности, она приписала создателю доктрины «взаимности» Я. Коллару панславизм в «чистом виде», имея в виду «отстраненность [ее] автора от политики и его профессиональную скрупулезность», т.е. непричастность к спекулятивным манипуляциям какого-либо рода [1. С. 49].

³ Информация о нем опубликована в том же номере «Славяноведения», что и статья Павленко [1. С. 108–110].

⁴ Замечу, конечно же, в XIX в. не существовало еще общеевропейской внешней политики, и речь идет, скорее, о политическом дискурсе, родившемся в публицистике и проникавшем в сознание государственных мужей и дипломатов. Об этой публицистической конструкции см. давнюю, но влиятельную статью: [4].

основывалось «на поэтике и риторике художественных текстов. Именно в них артикулируются проповедуемые идеи, насыщенные личным опытом (потрясениями, волнениями, радостью, страхом и т.д.) романтического героя, который является их создателем» [5. С. 15–16]. Но поскольку за основу анализа берется крайне ограниченный круг текстов с разработанной поэтической структурой, за бортом оказываются нестыковки и зияния между литературными ожиданиями, опытом путешественника и не всегда умелыми попытками примирить их в исходных текстах (дневниках, записных книжках и путевых письмах). Это в свою очередь ведет к преумноженной риторической редукции живого опыта (когнитивных диссонансов, эмоциональных эффектов, спонтанных реакций и т.д.) и упрощениям в реконструкции последующих процедур по созданию публичных текстов, где задействовались рационализация и/или поэтизация.

Неудивительно, что в итоге автор сводит национализм (славизм) к интеллектуальному проекту «группы исключительно одаренных авторов, который (точнее его часть) только постепенно стал(а) неоспоримой социальной действительностью» [5. С. 19]. Причины такой избирательности опять же не обсуждаются. Да и как бы сложилась историческая судьба, если бы авторы «национальной (славянской) идеи» оказались не столь одаренными? Как ни странно, конструкционизму не чужды реликты представлений о «романтическом гении».

Сопоставление двух крайностей в интерпретации «славянской идеи» заставляет усомниться в том, что суть трудностей в ее понимании заключается всего лишь в застоявшейся «памяти понятий», т.е. сводится к «трудностям перевода» [6. С. 13; 7. С. 52–53]⁵. Тот или иной понятийный аппарат всегда репрезентируют более глубокий, парадигмальный уровень научных представлений, хотя степень методологической проработки на этом уровне может отличаться у разных авторов.

Показательным примером здесь может служить полемика между авторами книги очерков «“Славянская взаимность”: модель и топика» и В.А. Кошелевым [8–9]. Думается, что помимо квазиполитических разночтений в этой полемике обнаружилось и несовпадение методологических подходов. Отнюдь не формальный характер имеет следующее замечание Кошелева: «В книге Л.Ф. Кациса и М.П. Одесского, впрочем, рассматривается не историческое бытие идеи, а лишь движение той идеологической “модели”, которая (авторы прямо это указывают на с. 12) далеко не исчерпывает “славянскую идею” как таковую. Подзаголовок же “очерки” позволяет еще и сузить предмет: в книге представлены лишь отдельные эпизоды, часто далеко не главные для “славянской взаимности”» [8].

Действительно, позиция Кациса и Одесского далека от фундаментализма в понимании «славянского единства», который столь близок Кошелеву. И отнюдь не случайно их внимание сосредоточено на определенной идеологической «модели» и ее речевой «топике», что соответствует как конструктивистской парадигме «изобретения», так и постструктуралистской теории «дискурсивных режимов», равно и свойственной ей стратегии смещения

⁵ М.В. Лескинэн, не помяная впрямую предложения Павленко, возвращается к различению «взаимности» и «панславизма», «генезис которых происходил в разные исторические эпохи, а [их отождествление] обусловлено четко сформулированным взглядом на них с функциональной и модернистской позиции, и с точки зрения современного политически ангажированного прочтения» [7. С. 55]. Это замечание относится к научным спорам, о которых речь пойдет ниже.

акцентов к фрагментам и маргиналиям (что можно назвать принципом предметной трансгрессии). Вместе с тем в предисловии к книге подчеркнута принципиальная недостаточность какого-то одного (политологического, исторического или филологического) подхода к рассматриваемому предмету, поэтому «модель “славянской взаимности” анализируется и как (1) историческая идеология, и как (2) регулярно воспроизводимая (в частности, в русской культуре) топика — система аргументов, исторических сюжетов, устойчивых метафор и символов, которые могли существовать вместе и порознь» [10. С. 17–18].

Вероятно, методологическое напряжение возникает в процессе соединения этих двух уровней. С одной стороны, «авторы настоящих очерков, стрем[или]сь избежать смешения идеологии “славянской взаимности” с другими моделями “славянского единства”» [10. С. 17]. Однако в другом месте, чуть ранее, они же оговариваются: «Диалектика общего и особенного здесь выражается в том, что каждая модель может замещать общее — “славянскую идею” — и свободно монтироваться с другими ее разновидностями, и в то же время каждая модель — в качестве особенной — может оказаться с ними во враждебном отношении (оппозиция “славянская федерация” vs. имперский панславизм)». Более того, «равно апеллируя к “славянскому единству”, участники конкретных событий (иногда сознательно играя, иногда добросовестно заблуждаясь) могли иметь в виду разные ее модели» [10. С. 11].

В таком случае не приходится говорить об изолированных «моделях», которые существуют, скорее, как исследовательские утопии («идеальные типы») или же аналитические категории. И их не следует овеществлять, применяя к изменчивому мышлению идеологов «славянского единства», а тем более, к отдельным ситуативным высказываниям. Точно так же некоторые элементы этих «моделей» (топика) не являются ни единовременными «изобретениями», поскольку они могли переоткрываться и переизобретаться многократно, ни структурными элементами только одной идеологической «модели». Будучи пластичными образованиями, как и указывают Кацис и Одесский, они порой выступали под разными флагами.

Соотношение поэтики («литературной взаимности») и политики («панславизма») в этих идеологических приключениях, в свою очередь, нельзя подвергать чрезмерно строгому стадийному и типологическому разделению или радикальному противопоставлению. Опять же такое соотношение являлось динамичным и ситуативно обусловленным. В одном случае, по тем или иным причинам, даже очень робкие политические мотивы скрывались, в другом случае они, напротив, выпячивались и, что нередко, подменялись в расчете на нечто другое.

Известно, например, что ряд проектов по созданию славяно-сербского государства на Балканах при поддержке России выдвигался уже в период Наполеоновских войн, а некоторые и ранее. Они, хотя бы в случае просвещенного карловацкого митрополита Стефана Стратимировича, мотивировались (вероятно, не без влияния Гердера) культурно-языковым и религиозным единством русских и сербов [11. С. 153–187]. В этом смысле «карловацкий круг» [12] Стратимировича принадлежал к ранним (но избирательным в своих предпочтениях) проводникам идеи «славянской взаимности» — еще до того, как она стала распространяться в изложении Коллара. И в какой-то момент, хотя и не надолго, их версия «культурного единства» под влиянием обстоятельств пережила актуальную политизацию.

Сосредоточение на риторических фигурах (топике текстов) заслоняет от исследователей более важный вопрос о причинах их социальной востребованности, поскольку сводит объяснительную процедуру к эстетической магии или эффекту многократного повторения. Тем самым устраняются от обсуждения гораздо более сложные и менее заметные (в масштабе творческого акта) процессы реконфигурации социального, политического и культурного пространства, поиска соответствующих им форм воображения, созидания и оспаривания коллективных идентичностей.

В частности, в литературе часто отмечалась слабая реакция русского общества на пропаганду «славянской идеи» вплоть до середины XIX в. Павленко считает, что начало большей заинтересованности публики славянским вопросом спровоцировала Крымская война [1. С. 56–58], но после 1861 г., как отметил разочарованный эпигон (Э.А. Мамонтов), «славянофилы вырастали за одну ночь, как грибы, вместе с патриотами самого подозрительного качества» (цит. по: [13. С. 47]).

Именно в пореформенный период в широкий публичный дискурс входит сигнальное сочетание «братья-славяне», что очевидным образом связано с изменившимся социальным ландшафтом. Качественно иная мобильность общества и активизация публичной сцены формировали потребность в амбициозных и в то же время «естественных» (родственных), следовательно, привычных по мотивации идентичностях⁶. Наибольшие усилия к распространению «братской» мифологии приложили славянофилы (после смягчения цензуры в начале правления Александра II) и их наследники разных идейно-политических оттенков. Но тот же гордый девиз использовался и в публицистике радикальных демократов, которые, в лице А.И. Герцена, начали апроприацию и реинтерпретацию славянофильской проблематики еще в конце 1840-х годов. По-видимому, даже чуть ранее в своих политических манифестах периода Европейской революции «братскую» риторику осваивал и М.А. Бакунин⁷. Возможность присвоения дискурса, в случае с «братьями-славянами», открывалась благодаря *политической* пустоте этого словосочетания, которую еще предстояло заполнить «своим» смыслом.

Метафора «братства» (иначе: семьи, или «модель расширенного родства») является одной из базовых для коммуникативных практик, универсальным средством самоидентификации, а также маркировки социального поля. Она широко применяется и в повседневном общении, и в религиозной проповеди, и в политической агитации. Однако утверждение ее в качестве стереотипной модели по отношению к большим группам (по Б. Андерсону, к «воображаемым сообществам», нациям и классам⁸) является результатом длительного отбора и закрепления в массовом восприятии. Моделирование, рациональная, литературно-репрезентативная и эмоциональная проработка,

⁶ «С другой стороны, широкое распространение, которое получили эти идеи в народных кругах в 1860–1880-е годы в России и среди южных славян, было связано с иной, “народной” – упрощенной и формальной, и содержательно трактовкой славянской взаимности (большую роль в популяризации идей в это время играли не научные труды, а визуальные нарративы, газетная и журнальная публицистика, популярная литература)» [7. С. 60]. Характер этой упрощенной рецепции малоисследован.

⁷ Та же риторика оставалась актуальной и много позднее, несмотря на разногласия двух ранних вождей демократического лагеря: [14].

⁸ Об ограничениях «имагологической» теории наций см. [11. С. 14–26].

а также внедрение в общественное сознание над- или мультинациональных «сообществ», конечно, не является более простой задачей.

«Славянское братство» не было очевидным для русских авторов, побывавших на Балканах, еще в начале XIX в. Если эта семейная метафора и употреблялась, она оставалась периферийной и не определяла общего отношения к описываемой действительности. Балканские славяне представлялись крайне противоречивыми субъектами в текстах русских наблюдателей, вступивших тогда с ними в контакт. С одной стороны, православное вероисповедание и связанные с церковью культурно-языковые практики были ключевыми мотивами, как и позднее для славянофилов, открывающими путь к отождествляющей процедуре. Однако, с другой стороны, глубокая архаика и ошутимое турецкое влияние блокировали этот путь, поддерживая ориенталистские клише, и в частности стереотип «варвара» в описании славяно-балканского мира [15].

Преодоление этих препятствий потребовало времени. Камералистскую предвзятость бюрократов второй половины XVIII в. в начале следующего столетия стал теснить сентиментализм (образ «благородного дикаря») и неоклассические мечтания о славянской античности. Позднее ориенталистские стереотипы и шок от архаики излечивались романтической иронией и живописными стилизациями. Более того, вкус к архаике подпитывался квазируссоистскими поисками чистой традиции в рамках так называемого «народознания» [16–17]. В результате где-то во второй половине XIX в. все затруднения были благополучно забыты. «Братская» риторика укрепилась в период подготовки и проведения Славянского съезда в Москве и во время Восточного кризиса 1875–1878 гг. Теперь она сделалась тривиальной и рассматривалась как «естественная», поэтому ее чаще осмеивали за навязчивость, воплотившуюся в идеологические заклинания (см., например, [18. С. 66–67]).

Тем не менее, разработка этого дискурса, его эмпирическое и эмоциональное закрепление относится к более раннему периоду – к первой половине 1840-х годов. Впрочем, в то время это бережно культивируемое знание почти не выходило за пределы узкого круга молодых интеллектуалов и некоторых их старших товарищей. Но именно тогда начала формироваться более зрелая (по сравнению с предшествующими опытами) романтическая традиция восприятия балканских славян. Она практически одновременно осваивалась в ученых путешествиях первого поколения университетских славистов⁹ и в параллельных поездках «молодых славянофилов». В балканских описаниях последних метафора «славянского братства» становится центральной¹⁰.

Термин «молодые славянофилы» был использован редактором «Московских сборников» середины 1840-х годов В.А. Пановым (в письме И.И. Срезневскому), он причислил к ним Ю.Ф. Самарина, М.Н. Каткова, А.П. Ефремова, С.М. Соловьева, В.А. Елагина и К.С. Аксакова [24. С. 15. Прим. 9; 25]¹¹.

⁹ Доктрина романтического славяноведения в духе «взаимности» выражена в первых университетских лекциях О.М. Бодянского и И.И. Срезневского [19–20]. К концу 40-х годов Срезневский дистанцировался от романтического славянолюбия, склоняясь к научному эмпиризму. См. его письмо от 1 февраля 1848 г. [21. С. 1061; 22. С. 34–35]. Общую оценку вовлеченности первых университетских славистов в «теорию взаимности» см. в [23. С. 139].

¹⁰ Поездки большинства из них захватывали славянские земли под властью Австрийской империи, которые включались в картографию «братских» территорий, и все-таки ареал распространения православия был приоритетным.

¹¹ В письме А.Н. Попова Е.А. Свербеевой, написанном, по-видимому, на Пасху 1846 г. (в нем упомянут приезд Ф.В. Чижова, а также недавняя смерть Д.А. Валужева) применена иная автохарактеристика: «Мы, новые люди, как-то сильно дорожим воспоминанием и привязаны к нему

Этот список можно продолжить, добавив имена Д.А. Валужева, А.Н. Попова, Н.А. Ригельмана, Ф.В. Чижова¹², раннего К.Д. Кавелина, перешедшего в лагерь западников после переезда в Петербург в 1842 г. Среди «старших славянофилов» живейший интерес к зарубежным славянам разделяли с ними А.С. Хомяков и П.В. Киреевский. Вопреки распространенному убеждению о случайности наименования «славянофилы» и маргинальности для главных их идеологов собственно «славянского вопроса»¹³, все они воспринимали его как «внешнюю сферу» (выражение В.И. Кулешова) по отношению к вопросу о судьбе России.

Генетически и типологически «братская» идеология «молодых славянофилов» восходит к опыту выделения «славянского мира» (стихии или начала) русскими шеллингианцами середины 1820-х годов. Этому кругу в то время были близки М.П. Погодин и А.С. Хомяков, которые затем выступили главными наставниками новой генерации. Противопоставление славян германскому миру выходило за рамки немецкой классической философии и принадлежало скорее Гердеру как предтече романтиков. Воздействие его идей на круг Д.В. Веневитинова и А.И. Одоевского редко отмечается исследователями «любомудров», но, что характерно, с ними прямо или опосредованно был знаком Погодин. При этом «Московский вестник» под его редакцией настойчиво пропагандировал гердеровские идеи [31. С. 201–203]¹⁴.

Многих из перечисленных представителей следующего поколения он относил к своим ученикам, воспитанным в стенах Московского университета [33. С. 248–249]. Воззрения Погодина на русскую историю, сложившиеся под сильным влиянием гердеровских представлений о «славянском характере», вполне определились к началу 1830-х годов и отлились в книге «Исторические афоризмы» (1836). Однако в середине 40-х, ассоциируемая теперь с официальным подавлением всякого свободомыслия и неконтролируемой правительством общественной активности, погодинская концепция исконного «смирения и покорности» славянских племен могла вызывать протест внутри славянофильского лагеря¹⁵.

Кроме того, определенное воздействие на славянские интересы «молодых славянофилов» оказали подвижническая деятельность и, возможно, в меньшей

более, чем к настоящему» [26. Ф. 472. Оп. 1. № 642. Л. 26–27]. Подчеркнутое отличие «новых [русских] людей» – ориентация на живую традицию в противоположность занятым быстротекущей современностью русским европейцам второй половины XVIII – начала XIX в.

¹² Ф.В. Чижов родился раньше (в 1811 г.), но примкнул к славянофилам лишь в середине 40-х годов.

¹³ См., например, авторитетное исследование, где предпринята попытка проведения строгой разграничительной линии между «славянофилами-славянолюбями» и «истинным славянофильством»: [22. С. 5–55]. Критика этой позиции вслед за Т. Ивантышиновой: [27]. Однако и ранее в литературе отмечалась значимость зарубежных славян или «украинского вопроса» для славянофилов: [28; 29. С. 106–130; 30. С. 31–65].

¹⁴ Выдвижение Гердера как главной фигуры для творцов «русской идеи», начиная с «любомудров», предложено в [32].

¹⁵ См. о полемике М.П. Погодина и П.В. Киреевского на страницах «Москвитянина» в тот момент, когда журналом руководил его брат Иван, а также о концепции «славянского характера» в целом, ее рецепции в России в [34. С. 132–136]. (О попытке сделать «Москвитянин» рупором славянофильства в [35. С. 24–41]). Вызывали возмущение «молодых славянофилов» и личные качества их учителя: «Я глубоко соболезную разьединению сил, но Погодин никогда не хотел и, вероятно, не мог их соединять. В два года я мог узнать об этом. Он презирает молодежь даже и ту, которая постоянно его уважала и в сознании и на деле разделяла его лучшие убеждения. Никогда и никого к себе он не привлек» [36. Ф. 850. № 427]. В.А. Панов – С.П. Шевыреву, 20 декабря [1845 г.]. Год указан, исходя из содержания: речь идет о «разделении сил» после возвращения «Москвитянина» под редакцию Погодина и о подготовке «Московского сборника» под редакцией Панова; Шевырев пытался выступить посредником в конкурентной ситуации между этими изданиями.

степени идеи Ю.И. Венелина, который, кстати сказать, являлся одним из наставников К.С. Аксакова, еще до его поступления в университет. Значимость венелинского наследства обсуждалась в переписке А.Н. Попова и А.П. Елагиной. И он был одним из самых ценимых авторов для Д.А. Валугева, похороненного по предложению его близкого друга В.А. Панова рядом с могилой Венелина на кладбище Данилова монастыря. Некоторые идеи Венелина, равно как и первых зарубежных славистов, находившихся под впечатлением от гердеровской фаворитизации славян, получили развитие в историософских трудах Хомякова [37] и отразились в составленной им вместе с Валугевым статье «Вместо введения» к «Сборнику исторических и статистических сведений о России и о народах ей единовременных и единоплеменных» (1845). То же следует сказать о предисловии самого Валугева к этому сборнику, которое современные издатели его наследия назвали «манифестом славянофильства» [38. С. 486–493; 39. С. 18–41; 40. С. 213–233].

К.С. Аксаков после ранней смерти Валугева выдвинулся в ряд главных идеологов «москвичей» из славянофильской молодежи. Хотя сам Аксаков не совершил славянского путешествия и ограничился во время пребывания за границей посещением Германии¹⁶, он часто получал письма от своих друзей, отправившихся в подобные паломничества (А.Н. Попов, В.А. Панов) с описаниями их впечатлений, а его фольклористические интересы включали и народную поэзию зарубежных славян [41]. Вообще следует предположить, что «славянские» письма В.А. Панова, А.Н. Попова, а также В.А. Елагина предназначались для чтения в дружеском кругу, являлись своего рода «журнальными» корреспонденциями, публичными путевыми дневниками, пускай и доступными в ограниченной аудитории.

Наставляя А. Н. Попова перед заграничным вояжем в 1842 г., К.С. Аксаков писал: «Средь шумного тревожного движенья / Вас не обманет жизни ложный вид, / Не увлечет вас сила разрушенья / Пусть часто там, на стороне чужой, / Мечтаются Вам образы родные». Но действительность превзошла опасения Аксакова: Попова увлекли не «германский дух» и «тревожное движенье», а черногорская архаика¹⁷. Аксаков скорректировал свою позицию: «Как важно, что вы нашли постановления Р[усской] П[равды] в Черногории. Я с вами согласен, что для нас очень важно изучение славян, оно объяснит нам нас самих при изучении нашей истории, законодательстве и прочем. Но не иначе как в России и через Россию понимаю я славян, пускай они примкнут к ней как единственной славянской державе, пускай внесут в нее свои [особенности], подчинив их русскому духу. В России для всех

¹⁶ Болезненный Д.А. Валугев тоже не сумел во время заграничного путешествия посетить славянские земли, но завидовал друзьям: «Я Вам [Е.А. Свербеевой] только что писал, что не знаю ничего о Попове, и вдруг весьма неожиданно узнал. Мать Панова дала мне письма сына и из них узнал, что оба в Берлине и неразлучны, скоро отправляются вместе в земли Слав[янские] путешествовать пешком. Вообразите, я им позавидовал, я, ни к чему не завидливый и особливо к чужекрайним поездкам. Впрочем, тут отозвалось родное; не все чужое, где дело до славян и славянских убеждений, которых Панов тоже ревностный поборник. Буду писать к нему. Он уже был в Праге и подружился со всеми учеными и неучеными чехами» [26. Ф. 472. Оп. 1. № 624. Л. 8–8об.].

¹⁷ Как сообщает другой «молодой славянофил» В.А. Панов, когда 29 сентября (11 октября) 1842 г. он прибыл в Котор, то встретил там своего приятеля Попова, который возвратился из поездки в Черногорию, где находился почти две недели. Узнав, что Панов отправляется туда же, Попов решил еще раз посетить эту страну вместе с ним. Вторичный визит длился еще две недели с 30 сентября (12 октября) по 14 (26) октября [24. С. 61–67]. Трудночитаемые письма Попова об этой поездке, адресованные А.П. Елагиной: [42. Ф. 99. П. 9. № 58. Л. 12–15об.]. Позднее была опубликована книга: [43].

довольно места» [44. Ф. 3. Оп. 8. № 15. Л. 1]. Своего рода славянский империализм Аксакова отразился уже в этой сентенции.

В так и не опубликованной, но, очевидно, рассчитанной на печать статье «Отголоски о новом происхождении имени славян и славянофилов» (вторая половина 1840-х годов), Аксаков рассуждал о причинах происхождения этой иронической «клички», распространенной в русской печати. Он пришел к выводу: подражатели Запада обиделись на тех людей, которые попытались разобраться в сущности русского человека. Назвать их «русскими» они не могли и придумали «частное видовое значение», которое превратили в общее. «Кто смеется над какими-то славянофилами или славянолюбцами, тот, конечно, сам славян ненавидит, а кто ненавидит род, ненавидит и вид, кто ненавидит славян, ненавидит и русских». Аксаков перечислил признаки русской партии в следующей последовательности: православие, сочувствие допетровской Руси, признание превосходства русского народа (в его смиренности, семейных добродетелях), любовь к Москве и, наконец, сочувствие «племенам славянским, с ним единоверным» и другими, соединенными с русскими языком и культурой. По-видимому, находясь под впечатлением разъяснений С.С. Уварова по славянскому вопросу, сделанных после разгрома Кирилло-Мефодиевского братства в 1847 г., Аксаков оговорился, что при этом они отклоняют «все возможные мечты о политическом соединении славян» – это «страшилище» панславизма из немецких газет [26. Ф. 10. Оп. 4. № 12. Л. 2–3об.].

Революция 1848–1849 гг. стала сигналом обострения антизападнических настроений, при этом письма Аксакова Попову этого периода выглядят как откровенный конспект сохранившейся в архиве публицистики¹⁸ (то же следует сказать и о письмах, относящихся ко времени Крымской войны). Наблюдая ход «весны народов», переходящую в осень на закате революционных выступлений, Аксаков пришел к выводу, что европейцы опозорили «великое начало национальности, народности». К «искусственной, сочиненной, натянутой» народности они привили революционный дух, а на деле она – «антиреволюционное начало, начало консервативное». Все потому, что на Западе уже не осталось патриархального крестьянства: «Фрак может быть революционным, а зипун никогда. Россия, по-моему, должна скинуть фрак и надеть зипун и внутренним и внешним образом» [44. Ф. 3. Оп. 8. № 15. Л. 15об.–16].

Закономерным образом поворот 1848 г. привел К.С. Аксакова в начале войны с коалицией западных стран и Турцией к идее «священной славянской войны». Его письмо Попову этого периода [44. Ф. 3. Оп. 8. № 15. Л. 18–19об.] является, по сути, черновиком статьи «Россия и Запад», датированной 6 февраля 1854 г.¹⁹ Статья Аксакова – это вершина его славянского

¹⁸ В письме, одобряющем царский манифест от 14 марта 1848 г., Аксаков восклицал: «Да когда же разорвем мы связи с Западом. Кажется, теперь настало время, когда мы видим всю жестокость подражательности нашей и обезьянства. Зачем нам терпеть, здоровым, от его болезней, которые наша публика до сих пор себе прививала. История у нас другая – путь у нас свой. Православная и Святая Русь – не Запад» [44. Ф. 3. Оп. 8. № 15. Л. 10–11об.]. К.С. Аксаков – А.Н. Попову, [1848 г.]. Продолжение темы – в другом письме того же года [44. Ф. 3. Оп. 8. № 15. Л. 12–13об.]. См. подробнее о реакции на манифест, подготовленном по этому случаю письме К.С. Аксакова Николаю I, его публицистике данного периода и в целом об отношении к европейской революции: [45; 22. С. 154–163].

¹⁹ История включения этого текста в научный оборот любопытна. Первым на него обратил внимание С.А. Никитин. Однако, книга, подготовленная на основе его докторской диссертации (1947), была рассыпана. Какие-то ее части (но не анализ текста Аксакова) публиковались затем

империализма(см. о ней [46], далее она цитируется по списку, хранящемуся в РГАЛИ; подчеркивания везде принадлежат Аксакову).

Война обнажила ненависть Запада к России, и она непримирима, поскольку «основана на противоположности начал славянского и западного мира» [26. Ф. 10. Оп. 1. № 219. Л. 2]. Запад — это апофеоз горделивых страстей, «щегольство самолюбий», культ наслаждений, эгоизм, прикрывающийся любовью к человечеству в учении коммунистов от Руссо до Жорж Санд. Это направление существовало изначально и развилось теперь до крайних пределов.

Чувство аристократического превосходства Запада вело к презрению к другим народам. «Но особенное презрение возбуждало в них племя славянское, проникнутое духом противоположным, духом кротости и мира, духом самопожертвования личностью в делах общих. Вера православная (она была в начале уделом почти всех славянских народов) положила еще более разности между ними и Западной Европой» [26. Ф. 10. Оп. 1. № 219. Л. 2об.]. Польша соблазнена Западом, увязла в католицизме и изменила славянству. Другая часть попала под власть турок. «Все славяне были унижены и порабощены». И тут Запад натолкнулся на один славянский народ, который уцелел и выстоял. Россия — «чистейший представитель славянства, несущий изначальный дух, благодаря православию и независимости, «больше чем все его соплеменные братья» [26. Ф. 10. Оп. 1. № 219. Л. 3–3об.]. После неудач военного покорения, битва продолжилась в общественной жизни и на ниве образования: «Много яду было влито в Россию с помощью моды». Однако «крестьянин, взятый от сохи, продолжал бить западного воина». Если же убрать западноевропейскую тину с чистого славянского источника, то он забьет еще сильнее.

«Вопрос поставлен решительно». Независимость Турции только предлог. Постыдный мир неприемлем, и бой неизбежен. Поле битвы — «границы двух миров европейских»: романо-германского и славянского. «Много славянских народов, постоянно устремляющих взоры свои на Россию, помнящих свой кровный союз с нею, полных надежды на избавление силой ее руки». Нападение Запада освобождает от всех прежних обязательств. Россия выступит «заступницей Веры, заступницей угнетенных православных и единокровных братьев» [26. Ф. 10. Оп. 1. № 219. Л. 4]. Настал час освобождения от четырехстолетнего турецкого рабства. «Представительница славянского и православного мира, Россия не отвернется от своего православия и своего славного славянского рода, не отвернется от страдальцев, ее умоляющих о спасении и готовых все силы свои слить с ее силами» [26. Ф. 10. Оп. 1. № 219. Л. 4об.]. Пусть попробует Европа победить «с ее винтовками [и] пароходами, молящийся и верующий народ». «Медлить нельзя. Уже [?] Европа поняла, что славянский мир находится и за пределами России, поняла, что сочувствие к России есть могущественная сила, — и старается отвлечь это сочувствие, старается отвлечь от нас славянские племена. Европа шлет туда извергов

в виде статей или в других книгах историка [46]. Оригинал записки находится в Пушкинском доме [44. Ф. 3. Оп. 7. № 22]. Копия выполнена рукой А.Ф. Аксаковой (Тютчевой), с которой работал Никитин [26. Ф. 10. Оп. 1. № 219]. Здесь статья озаглавлена иначе: «О Восточном вопросе». Вопреки мнению М.Ю. Досталь, которая противопоставила активно распространявшему свои записки М.П. Погодину не претендовавшего на публичность Аксакова (и в полном согласии с мнением Никитина), эта статья ходила в списках, а содержащиеся в ней идеи Аксаков, как мог, пропагандировал. В частности, один экземпляр списка хранится в фонде И.В. Помяловского, но, в силу схожести содержания с более известными записками Погодина, этот текст приписан ему [36. Ф. 608. Оп. 1. № 4345]. В свою очередь список известной погодинской записки «К Графине Б<лудов>ой о начавшейся войне» в другом архиве был приписан Аксакову [26. Ф. 10. Оп. 4. Д. 9].

всех земель, бездушных выходцев. Кто знает, какие клеветы и козни вымышляют они, чтобы достичь своей коварной цели» [26. Ф. 10. Оп. 1. № 219. Л. 5].

Необходимо чтобы Россия «торжественно высказала» сочувствие славянам. «Она должна провозгласить независимость всех славян и всех православных в Турции [...] Европа встанет на нас всем своим миром: пусть будет так! И мы встанем целым миром славянским» [26. Ф. 10. Оп. 1. № 219. Л. 5об.]. В Турции будут созданы славянские княжества под покровительством России по образцу Сербии. Это откроет новую эпоху истории и еще неизвестно, «как широко раздвигнется Россия». Азиаты тоже ей симпатизируют [26. Ф. 10. Оп. 1. № 219. Л. 6]. «Константинополь, кажется, тоже, кроме нас, никто удерживать не может». В результате, Австрия распадется, и Россия получит Галицию [26. Ф. 10. Оп. 1. № 219. Л. 6об.].

Эти надежды быстро отцвели после вывода русских войск с Балканского полуострова, остались только воспоминания о том, как болгарские братья встречали их хлебом и солью в начале войны [44. Ф. 3. Оп. 8. № 15. Л. 20–23об.]. Однако военное поражение не отменяло кристаллизировавшуюся доктрину.

Опыт «славянизации» политического мышления Аксакова был чисто теоретическим, но он, конечно, подготовлен в общении с его товарищами, побывавшими в славянских паломничествах, которые стали способом обретения и укрепления их веры. Бежавший из Рима от любовного увлечения, не одобренного Н.В. Гоголем, В.А. Панов находился в смятении²⁰, однако по пути в Берлин он успел заметить связь истории с географией, а их вместе — с величием: «Как увеличивается занимательность истории славян, когда видишь ужасную обширность этого племени, видишь сильные отпечатки его, не только там, где оно еще живет, хотя и не самостоятельно, но даже и там, где оно, по-видимому, совершенно уже исчезло. Это племя было всегда обширнее немецкого» [44. Ф. 3. Оп. 9. № 61. Л. 1об. 25 мая / 6 июня 1841 г.]. Лекции по истории философии не утолили жажды познания: «Во мне происходит теперь сильное брожение, из которого не знаю, вы[й]дет ли что-нибудь», — признавался он К.С. Аксакову [44. Ф. 3. Оп. 9. № 61. Л. 3–4об. 24–28 июня / 6–10 июля 1841 г.]. В более позднем берлинском письме, под впечатлением занятий у К. Риттера, Панов задался вопросом, в котором угадываются имперские нотки: «Думали ли Вы когда-нибудь о значении Востока для России или о значении России в отношении Востока? Этот вопрос между прочим меня сильно занимает» [48. Ф. 178. № 35. Л. 95. 26 мая / 7 июня 1842 г.].

Рассказ об обретенных на Балканах славянских братьях стал ключевым и для Ф.В. Чижова в его последующих рефлексиях. Публикуя в 1857 г. «Заметки путешественника по славянским землям» в славянофильской «Русской беседе», он с удовольствием констатировал: «Между сербами всех возможных названий, т.е. между собственно сербами, босняками, герцеговинцами и далматинцами, все живет одним чувством, одною мыслию, в которой сосредоточены надежды всех, которая питает мечты каждого, и даже до того проникает в жизнь, что каждый старается слить с нею и личные свои выгоды; это мысль о внутреннем, душевном, славянском братстве» [49. Кн. I (V)].

²⁰ Панов поступил в Московский университет в 1835 г. и окончил его в качестве кандидата. В 1840 г. он отправился за границу, сопровождая Гоголя, с которым познакомился у Аксаковых, ради чего пожертвовал намерением сдать экзамен на магистра. Письма Панова к К.С. Аксакову с информацией об итальянской поездке опубликованы с купюрами в [47. С. 590–594, 596–598, 602–604].

Смесь. С. 17–18]²¹. Чижов свидетельствовал: побывав в землях южных славян, он впервые столкнулся с братскими чувствами воочию, что подразумевает наличие убежденности в их существовании (теоретически) еще до поездки.

В самом деле, сценарий этого «открытия» сложился лет на десять ранее. Он зафиксирован в ответах на вопросы III отделения в 1847 г., когда Чижов был арестован по подозрению в причастности к Кирилло-Мефодиевскому братству, в частности, о целях его путешествий за границу. Первая поездка на Балканы в Истрию в 1843 г., по признанию Чижова, была случайной. Но именно здесь, в маленькой греческой церкви, расположенной недалеко от Пулы, Чижов открыл для себя «братьев-славян». То же проявление братских чувств обнаружилось затем в Фиуме и Далмации: «[Местный] народ любит русских за веру и за то, что у нас есть очень много общего в простоте нравов. Черногорье было последним местом, которое совершенно привязало меня к славянам и заставило невольно всем моим взглядам сосредоточиться на этом вопросе, о котором до этого мне не приходило и в голову. Все, кого я ни встречал из народа, первым словом приветствовали меня: ты брате русс, второе, страстною преданностию к белому царю Николе» [51. Ф. 109. I эксп. 1847. Д. 81. Ч. 15. Л. 46об.–47]²².

Впрочем, обращение к тексту дневника 1843 г. рисует несколько иную картину. Бежавший из душевной атмосферы николаевского царствования в Италию для изучения истории искусств бывший профессор математики действительно пережил духовный перелом в маленькой православной церкви в Перое (Истрия), где жил «осколок черногорского племени». Здесь он испытал острый приступ ностальгии и переоткрыл для себя... Россию: «Сегодня мы сделали маленькое путешествие [в Перой], и я им остался совершенно доволен [...] Священник с бороδοю и длинными волосами, я подхожу к нему к благословению, он препорядочно говорит по-русски [...] Странно как во мне русский дух преобладает над всем, над образованностью... С каким наслаждением слушал я русскую обедню, и слеза повернулась невольно». Когда священник помянул имя русского царя, Чижов понял: «Я русский, я готов любить все... русское [...] Сказал Карраре, чтоб быть русским, надобно им родиться» [42. Ф. 332. П. 2. № 1. Л. 43(85). 23 июля 1843 г.]. Что действительно потрясло: «Как все они [перойские черногорцы] рады, что видят русского; и в каком у них уважении все русские!» [42. Ф. 332. П. 2. № 1. Л. 44об. (88). 30 июля 1843 г.]. Именно эта расширенная за пределы России «русскость», сопряженная с ностальгическими чувствами (вкуче с ненавистью к немцам, как русским, так и австрийским), и стала основой новообретенного «славянского» мировоззрения.

Оно складывалось постепенно. На Чижова повлияло общение сначала с Н.М. Языковым в Риме, а затем с «молодыми славянофилами» (В.А. Елагиным и А.Н. Поповым), а также дискуссии с А. Мицкевичем в Париже летом 1844 г. [53. С. 110–112, 124–126]. В августе–сентябре 1844 г. Чижов вторично посетил Истрию, чтобы присутствовать при доставке в перойскую церковь утвари и богослужебных книг, которые закупил его знакомый по Костроме московский

²¹ Сохранился список неопубликованной статьи из этого цикла, две из которого вышли в первых номерах журнала за 1857 г. Судя по содержанию – статья повествует о поездке по Далмации и в Черногорию в августе 1843 г., – она должна была бы располагаться между двумя опубликованными. Черногорские зарисовки в ней выглядят несколько отстраненными, а славянолюбие поблекшим [48. Ф. 83. Оп. 2. № 4] (текст приписан М.П. Погодину). Ранее фрагменты дневника за этот период публиковались в [50].

²² О специфике этого источника, недооцениваемой историками, см. [52]. Чижов дозировал и порой имитировал свою открытость, приспособливая ответы к ожиданиям Л.В. Дубельта, но не во вред себе и своим товарищам.

купец и благотворитель П.В. Голубков. Чижова порой посещали сомнения: «Я себя не умею вести, я не разговорчив, и потому кажуся гордым, удаленным от поселян. Вообще всему этому можно было бы дать другой вид, более братский.

[...] Досадно, что я вел себя не так, как надобно. У меня никогда не достает уменя быть на виду. Как было бы мне кстати дать обед, но не было у меня средств, и боялся я навлечь на перойцев негодование правительства. Когда нас бывало немного, я поодиночке со всяким обходился братски; разумеется, это передается. Главное братство мое во мне самом еще слишком, слишком внешнее; как я ни брат всякому, а все на деле выходит, что старший брат, большею же частью на деле звук последнего слова пропадает, так сильно произносится первое. Нет, истинное братство — дело нешуточное» [42. Ф. 332. П. 1. № 5. Л. 797]. В этой напряженной дневниковой записи уже заложено зерно антимионий всех поздних проповедей славянофильского братолюбия.

Однако, возвратившись в Венецию, Чижов с гордостью писал своему товарищу юности: «Оно [убеждение в надобности славянского ума в истории] дало мне сотни братьев, братьев юных душою, крепких телом, полных веры и смирения сердечного, оно представило мне в лучшем свете моих законных родных братьев и еще больше побратало меня с вами, моим старинным братом по душе» [54. С. 679—683]. Помимо расширенного родства, новая вера дарила возвращенную молодость. Кроме того, здесь можно усмотреть и компенсаторную подоплеку. По свидетельству И.С. Аксакова, «покойный мой брат [Константин] [...] бывало, угнетался самим обликом [русского] мужика, именно отсутствием в нем определенной животной породистости» [55. С. 67]. В таком случае на выручку угнетенному, забитому и ослабленному русскому мужику приходили «породистые» братья-славяне — смелые, сильные, гордые воины-коллективисты.

Третья поездка в славянские земли, осуществленная в 1845 г., была наиболее подготовленной. Чижов обратился за рекомендациями по составлению плана путешествия к В.А. Елагину. Тот написал для него «краткое pro memoria» [42. Ф. 332. П. 29. № 5], где указал некоторые имена чехов и словаков; необходимость встретиться с последними подчеркнута особо, как и молодость еще не виданных братьев — студентов университета Галле: «Это самый замечательный народ и любопытнее чехов. Адрес: Neumarkt Wall-Strasse № 1124. Имен не нужно. Русский профессор приезжает к славянским юношам: и довольно чтобы узнать их». С подачи Елагина В.А. Панов взялся дать рекомендации о Сербии и Славонии²³. Кроме того, Чижов состоял в переписке с Н.А. Ригельманом, выехавшим в Сербию ранее в сопровождении В.С. Караджича. Ригельман способствовал поездке туда своего товарища²⁴.

Акцентированный мотив молодости опять же абсорбировал надежды на лучшее, на обновление и преобразование России, а вместе с нею и «старой» Европы. В нем можно усмотреть и претензию на участие, а возможно, и лидерство в движении «Молодых славян». Оознаваемая в непосредственных контактах, эта общность моделировалась по образу и подобию национально-демократических течений тогдашней Европы²⁵. Чижов намере-

²³ О «грамотках» Елагина и Панова упоминает Языков в майских письмах 1845 г. [53. С. 136—137]. В фонде Чижова рекомендации Панова не обнаружены.

²⁴ На эти документы (кроме письма Панова) обратила внимание составитель сборника [24. С. 15. Прим. 10—11], однако в указаниях на номера единиц хранения здесь допущены ошибки.

²⁵ В архиве И.И. Срезневского отложилась программа чтений в обществе «Молодая Сербия» от 5 апреля 1842 г. См. [26. Ф. 436. Оп. 1. № 679].

вался по результатам путешествия 1845 г. составить книгу «Наши южные братья — славяне».

Между тем, его дневник за этот год изобилует душевными терзаниями. Они были вызваны столкновением славянофильской религиозной утопии с балканскими реалиями, с одной стороны, и багажом европейского образования, с другой [15. С. 330—331]. Впрочем, еще в первой поездке (по Черногории) Чижову пришлось столкнуться с обескураживающей прямоотой и брутальной силой архаики. Спустя пятнадцать лет один ужасающий эпизод был пересказан на иронической дистанции (в публикацию отрывков из дневника в «Москвитяине» (1845) он, разумеется, не вошел): «Сошелся я там с одним довольно пожилым князем²⁶ [...] На третий день моего пребывания в Цетинье он спрашивает: “А что, Васильич, ты не убил ни одного турка”? Я говорю: “нет”. “Ни одного шваба?” Я тоже говорю “нет”». Черногорцу стало так жаль русского путешественника, что он предложил той же ночью напасть на погонщика овец и обещал устроить так, что Чижов сможет его убить. Отказ мог быть воспринят как оскорбление, поэтому наш герой обратился за помощью в разрешении коллизии к митрополиту Петру II Негошу, и тот заявил черногорцам, что русский должен задержаться при нем. Таким образом был найден благовидный предлог для отказа от «охоты на человека», о котором, конечно, очень сожалел черногорский кнез [48. Ф. 83. Оп. 2. № 4. Л. 107].

Другим отличием этой поздней версии путевых записок от опубликованных в «Москвитяине» отрывков является острая критика Петра II Негоша: «Австрийцы успели его соблазнить самым страшным искушением — внешним образованием». Любимая книга митрополита, находящаяся всегда на виду, как знак его светской ориентации — песни Беранже. Когда митрополит начал рассуждать о геологии, «... я с горестию слушал уроки австрийского недоучка, успевшего поколебать в нем простоту и чистоту верования и не заменившего ее даже сколько-нибудь основательными сведениями» [48. Ф. 83. Оп. 2. № 4. Л. 104]²⁷. Очевидно, в 1843 г. Чижов был более благосклонен к этим проискам просвещения в манерах митрополита; они обрели зловещий смысл по мере укрепления русского путешественника в православной традиции и усиления его «славянской» экзальтации.

Встретившийся в Цетинье с Чижовым В. А. Елагин (он следовал по стопам своего близкого друга Панова, побывавшего здесь годом ранее) умеренно пользовался «братской» терминологией. И все-таки в письме матери (5—8 августа 1843 г.), отправленном из Котора, как и его случайный спутник, испытавший нечто подобное в Перое, он описывал родственно-*русское* переживание: «Черногорская жизнь повеяла на меня таким чистым воздухом родины, так приблизила меня к Вам, то казалось я ближе к Вам, когда я был южнее Рима, под горячим небом, среди благовонных южных трав: бывало после прогулки по долине с владыкою узкою толпою, все закурят трубки и молчат; небо мало-помалу темнеет; возвращаются с гор стада; пастухи, проходя мимо, подходят под благословение, потом начинается разговор между ними и владыкою, как между равными; сюда собираются к нему со всех границ вестники — там-то отбили столько-то овец, а между тем уже проглядывают звезды, и какие звезды! Здесь можно полюбить астрономию. Вечер становится холоднее, и все поднимаются, чтобы идти пить восточный черный кофе и говорить до 11-ти часов о Черной Горе и войне. В эти дни мне было так

²⁶ Правильнее: кнезом, местным старейшиной.

²⁷ Эти сомнения высказаны в дневнике 1844 г. (запись от 30 августа) и увязаны с посещением Петром II Негошем Триеста [42. Ф. 332. П. 1. № 5. Л. 783—784]. В отредактированной и сильно сглаженной форме см. [49. Кн. II (VI). Смесь. С. 21].

легко и свежо, казалось иногда, что свидание с Вами очень близко, и только ночи были грустными иногда». В таком же восторге Елагин был и от владыки: «Надобно видеть, какими крепкими узами связан он с народом; какой он сам черногорец (здесь и далее подчеркнуто Елагиным. — М.Б.); как сживается истинное высокое Просвещение с Варварством неиспорченным» [42. Ф. 99. П. 4. № 59. Л. 16–17об.]. Думается, надежда на сохранение равновесия между ними была ключевым звеном в производстве славянофильского братолюбия, и, тем не менее, этот баланс в сознании путешественников, как показывают сомнения Чицова, постоянно колебался.

Так и один из главных проповедников идеи «славянской взаимности» в России, друг Чицова, Н.А. Ригельман в письме с рекомендациями ему о маршруте большого путешествия 1845 г. выражал крайне осторожный оптимизм, задумываясь о том, как она приживется на родине. При этом он пользовался садоводческой терминологией, в духе Гердера; впрочем, она симметрична терминам родства и сопряжена с ними: «Вы понимаете, что обо мне уже давно воздыхают мои родные, и признаюсь самому, чувствуется потребность воротиться — счастлив буду, если ворочусь каплей лучше, нежели уехал, и эта капля пригодится на пользу ближнего, соотечественника. Славянство пустило прочные корни, но как растение после суровой зимы — едва пустило на поверхность слабый стебель, скудно листовенно и долго не дает цвета. Боюсь, нам не дожить до него и не видеть этого дерева в полной красе, обремененного плодами. Но святая обязанность — возделывать вокруг землю — будем подражать старцам, которые сажают деревья для внуков» [42. Ф. 332. П. 50. № 3. Л. 4–5].

Действительно, братолюбивые хождения «молодых славянофилов» в земли южных и западных славян, в частности, на Балканы были предприятием, имевшим ярко выраженную поколенческую локацию. Его осуществили представители последней генерации русских романтиков, родившиеся около 1820 г. и формировавшиеся в 1830-х (Ф.В. Чицов, как уже указывалось, принадлежал к промежуточной когорте — между поколением «любомудров» и «молодых славянофилов»). Их бегство в Европу и открытие «братьев-славян» являлось эрзацем социальной активности (Чицов примеривал на себя роль консула в Белграде), практически невозможной под гнетом цензуры и полицейского надзора внутри России. Вопреки сказанному, в предощущении неизбежности поворота, конструировалась идентичность «новых [русских] людей» (А.Н. Попов), граждан, которые поддерживают связь с прошлым, но ожидают великое будущее, спроецированное на европейскую сцену — в «славянский мир». Сдержанные надежды на обновление России (освобождение народа) рифмовались в их сознании с импульсами национальной эмансипации за ее рубежами. В воображении рисовалась роль вождей альтернативной «Молодой Европы». Иллюзорность этих надежд, подавляемых хорошо известными препятствиями и множеством сомнений на тонком пути между Сциллой прогресса и Харибдой архаики, компенсировалась высоким градусом переживания новооткрытого «родства» во внешнем (славянском) круге и внутреннем — в кругу единомышленников. Эмоциональная связь с ними питала энергией сконструированный «братский» дискурс и обеспечила ему теплоту подлинности.

Шансы реализовать грандиозные планы в ужесточившихся к концу 1840-х условиях интеллектуальной жизни России были невелики. В частности, после ареста Чицова в 1847 г. поставлен крест на идее превращения «Русского вестника» в постоянно действующий печатный орган славянофилов, который бы мог координировать и направлять культурные акции зарубежных славян [35. С. 88–100].

Кто-то рано ушел из жизни (вслед за Д.А. Валуевым – В.А. Панов), другие профессионализировались на иных поприщах, занялись хозяйством, умерили пыл... Просеянная сквозь смягчившуюся цензуру и неоднозначный жизненный опыт ее создателей «братская» риторика пережила второе рождение около 1861 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Славяноведение. 1998. № 6.
2. Дубин Б. Мифология «особого пути» в общественном мнении современной России // Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия. М., 2010.
3. Аксенова Е. П. Соотношение славянской и национальной идей в общественной мысли и освободительном движении славянских народов // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск, 2002. Вып. 4.
4. Волков В. К. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969.
5. Гланц Т. Изобретение Славии. О роли путешествия для формирования «славянской идеи» // *Inventing Slavia*. Изобретение Славии / Сб. материалов заседания, организованного Славянской библиотекой (Прага, 12 ноября 2004 г.) / Т. Glanc, Н. Meyer, Е. Вельмезова (eds.). Prague, 2005. С. 11–44.
6. Рокшина Г. В. Теория и практика славянской взаимности в истории словацко-русских связей XIX века. Казань, 2005.
7. Лескинен М. В. Славянское единство: от лингво-культурной классификации к политической мифологизации // Славяноведение. 2013. № 6.
8. Кошелев В. А. [Рец.:] Кацис Л. Ф., Одесский М. П. «Славянская взаимность»: модель и топика: Очерки // Новое литературное обозрение. 2012. № 113. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/113/k47.html>.
9. Кацис Л. Ф., Одесский М. П. Когда коллеги, распри позабыв... (Письмо в редакцию) // Новое литературное обозрение. 2012. № 115. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/115/k51.html>.
10. Кацис Л. Ф., Одесский М. П. «Славянская взаимность»: модель и топика: Очерки. М., 2011.
11. Белов М. В. У истоков сербской национальной идеологии: механизмы формирования и специфика развития (конец XVIII – середина 30-х гг. XIX века). СПб., 2007.
12. Петровић Т. «Карловачки круг» Стефана Стратимировића // Петровић Т. Из историје српске књижевности. Нови Сад, 1974.
13. Дьяков В. А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М. 1993.
14. Бакунин и Герцен в полемике по славянскому вопросу / Ст. и публ. С.Д. Линцер // Литературное наследие. М., 1985. Т. 96.
15. Белов М. В. Варвары или братья? Балканские славяне глазами русских наблюдателей первой половины XIX века // Цивилизация и варварство: парадоксы победы цивилизации над варварством. М., 2013. Вып. 2.
16. Базанов В. Г. Русские революционные демократы и народознание. Л., 1974.
17. Соколова В. Ф. Народознание и русская литература XIX века. М., 2009.
18. Аксенова Е. П. Русская демократическая печать о славянских съездах 1848 и 1867 гг. // Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты. М., 1998.
19. Срезневский В. И. Вступительная лекция И.И. Срезневского в Харьковском университете 16 октября 1842 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1893. Ч. 287. № 5.
20. Досталь М. Ю. Первая лекция О.М. Бодянского в Московском университете (24 сентября 1842 г.) // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986.
21. Письма Вячеславу Ганке из славянских земель / Изд. В.А. Францев. Варшава, 1905.
22. Цимбаев Н. И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986.
23. Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988.
24. Встреча с Европой. Письма В. А. Панова матери М.А. Пановой из Центральной и Юго-Восточной Европы (1841–1843). Братислава, 1996.
25. Ивантычинова Т. Россия и Центральная Европа во взглядах славянофилов // Балканские исследования. Вып. 16. Российское общество и зарубежные славяне XVIII – начало XX века. М., 1992.
26. Российский государственный архив литературы и искусства.
27. Досталь М. Ю. Славянский мир и славянская идея в философских построениях и «практике» ранних славянофилов // Славянский альманах 2000. М., 2001.
28. Дудзинская Е. А. Русские славянофилы и зарубежное славянство // Методологические проблемы истории славистики. М., 1978.
29. Янковский Ю. Патриархально-дворянская утопия. Страница русской общественно-литературной мысли 1840–1850 годов. М., 1981.

30. *Ровнякова Л. И.* Борьба южных славян за свободу и русская периодическая печать (50–70-е годы XIX века). Очерки. Л., 1986.
31. *Данилевский Р. Ю.* И. Г. Гердер и сравнительное изучение литератур в России // Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы. Сб. статей. Л., 1980.
32. *Мартынов В. А.* Золотой век «русской идеи». М., 2015.
33. Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. М., 1855. Ч. 2.
34. *Белов М. В.* «Славянский характер»: русские публицисты, литературные критики и путешественники первой половины XIX века в поисках «народности» // Диалог со временем. 2012. Вып. 39.
35. *Пирожкова Т. Ф.* Славянофильская журналистика. М., 1997.
36. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
37. *Досталь М. Ю.* Славянство в историософии и политических воззрениях А. С. Хомякова // А. С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист. Сб. ст. по материалам международной научной конференции, состоявшейся 14–17 апреля 2004 года в г. Москве в Литературном ин-те им. А. М. Горького. М., 2007.
38. *Хомяков А. С.* Соч. в 2-х т. М., 1994. Т. 1. Работы по историософии / Вступ. статья, сост. и подгот. текста В. А. Кошелева.
39. *Валуев Д. А.* Начала славянофильства / Сост., предисл. и комм. Ю. В. Климакова. М., 2010.
40. Славянофильство: pro et contra. 2-е изд. / Сост., вступ. ст., коммент., библиогр. В. А. Фатеева. СПб., 2009.
41. *Анненкова Е. И.* К. С. Аксаков – фольклорист. Автореф. дисс. ... к. ф. н. Л., 1974.
42. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
43. *Попов А.* Путешествие в Черногорию. СПб., 1847.
44. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома).
45. *Цимбаев Н. И.* Из истории славянофильской политической мысли. К. С. Аксаков в 1848 году // Вестник МГУ. Сер. История. 1976. № 5.
46. *Чуркина И. В.* Неизданная книга С. А. Никитина // Славяне и Россия. К 110-летию С. А. Никитина. М., 2013.
47. Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публ. и комм. Л. Ланского // Литературное наследство. М., 1952. Т. 58.
48. Отдел письменных источников Государственного исторического музея.
49. *Чижов Ф. В.* Заметки путешественника по славянским землям // Русская беседа. 1857. Кн. I (V). Смесь. С. 1–37. Кн. II (VI). Смесь. С. 1–37.
50. *Чижов Ф.* Отрывки из дневных записок во время путешествия по Далмации в 1843 году // Москвитянин. 1845. Ч. IV. № 7–8. 1-е отд.
51. Государственный архив Российской Федерации.
52. *Белов М. В.* Славянофил на допросе: Ответы Федора Чижова III отделению // Родина. 2013. № 6.
53. Н. М. Языков и Ф. В. Чижов. Переписка 1843–1845 гг. / Публ. И. Розанова // Литературное наследство. М., 1935. Т. 19–21.
54. Из архива А. В. Никитенко // Русская старина. 1904. № 9. С. 668–687.
55. *Цамутали А. Н.* Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977.

M. POPOVIĆ. Mara Branković. Eine Frau zwischen dem christlichen und dem islamischen Kulturkreis im 15. Jahrhundert. Ruhpolding, 2010. 234 S.

М. ПОПОВИЧ. Мара Бранкович: женщина между христианским и исламским культурными мирами в XV веке

Исследование австрийского византиста сербского происхождения Михайло Поповича было подготовлено и защищено в качестве диссертации в Венском университете в 2005 г. На основе диссертации в 2010 г. на немецком языке была издана книга, в 2014 г. последовало сербское издание (*Поповић М. Ст. Мара Бранковић, жена између хришћанског и исламског културног круга у 15 веку. Нови Сад, 2014*).

Героиня книги Мара (Мария) родилась около 1418 г. в семье сербского деспота Георгия Бранковича. В 1436 г. она была выдана замуж за турецкого султана Мурада II — это был классический династический брак, с помощью которого правитель Сербии пытался лавировать среди своих более сильных и опасных соседей. В гареме Мурада Маре удалось установить дружеские отношения со своим пасынком Мехмедом, будущим покорителем Константинополя. После смерти султана Мурада в 1451 г. Мара Бранкович вернулась в Сербию ко двору отца. Вопреки обычаю своего времени, она не ушла в монастырь и не вышла снова замуж (отклонив предложение последнего византийского императора Константина XI). Далее ее судьба приняла неожиданный оборот: в результате междоусобной борьбы в Сербии Маре пришлось в 1457 г. бежать в Османскую империю. Султан Мехмед II Завоеватель принял свою приемную мать «с честью» и наделил владениями, которые позволяли ей содержать

небольшой двор и вести достойное существование вплоть до ее смерти 14 сентября 1487 г. В эти годы «царица Мара» (так ее называли сербские источники) развила активную деятельность: выступала посредницей в дипломатических сношениях с соседними государствами, вела широкую благотворительную деятельность, при этом особенно тесными были связи Мары с афонскими монастырями. В историю православной культуры Мара Бранкович вошла благодаря знаменитым «дарам волхвов»: по легенде именно она передала их монастырю св. Павла на Афоне.

Незаурядная судьба Мары Бранкович неоднократно привлекала как литераторов, так и исследователей, прежде всего сербских. М. Попович поставил перед собой задачу написать новую биографию Мары, учитывающую все доступные источники и отвечающую современным научным требованиям.

Мара Бранкович жила и действовала на стыке двух культурных миров — христианского и исламского. Может быть, следовало бы даже говорить о трех мирах — исламском, православном и католическом, поскольку Мара поддерживала активные контакты с Венецией и Рагузой (Дубровником). Благодаря этому сведения о Маре Бранкович отразились в широком круге источников, разнообразных по своему языку и происхождению. В своей работе Поповичу пришлось обращаться к сербским, византийским и турецким

хроникам, житийной литературе, письмам (в том числе и письмам самой Мары на сербском языке, адресованным сенату Рагузы), турецким делопроизводственным документам, запискам итальянских дипломатов и путешественников и т.д. Автор достойно справляется с этой сложной и кропотливой работой и как мозаику воссоздает образ Мары Бранкович. Следует отметить введение автором в научный оборот новых источников по теме исследования, в частности, комплекса документов из Государственного архива Венеции (раздел IV).

В формулировке цели исследования автор делает акцент на гендерной проблематике. Гендерные исследования достаточно популярны в современной исторической науке. Однако очень часто «гендер в истории» ограничивается просто фактом обращения к «женскому сюжету» или эмоционально окрашенной констатацией «активной роли» женщины в ту или иную историческую эпоху. Работа М. Поповича выгодно отличается от многих подобных исследований. Во введении к своей книге он вновь поднимает вопрос: что такое гендерное исследование в византистике и каковы его перспективы? Действительно, история Византии богата яркими личностями женщин, сыгравших свою роль в политике, литературе, культуре и т.д. Свою задачу автор видит в том, чтобы ответить на вопрос не «что» (сама по себе событийная канва жизни героини), а «как»: как видели Мару современные ей исторические источники, какие роли ей отводили, какими словами характеризовали ее положение в обществе? Рассматриваемая в работе гендерная проблематика раскрывается через анализ системы социальных ролей (и их изменение) Мары Бранкович: дочь деспота, жена и вдова султана, покровительница монастырей, сначала посредница, а затем и активная участница дипломатических контактов между Османской империей, Сербией, Рагузой и Венецией. Таким образом автору удается нарисовать образ Мары Бранкович в динамике: от пассивного объекта династического торга до влиятельной дамы, «приемной матери султана», оказывающей протекцию венецианским послам и ведущей тайную переписку с сенатом Рагузы. Как своеобразный апофеоз активной роли Мары выступает эпизод с «дарами волхвов», когда она лично хотела ступить на запретную для женщин территорию горы Афон и была остановлена лишь предостерегающим гласом

Богородицы. Безусловно, это легенда — но легенда, приобретающая новый оттенок в рассматриваемом контексте. На взгляд автора данных строк, гендерный аспект исследования Михайло Поповича выдерживает сравнение с классической работой Натальи Земон Дэвис «Женщины на обочине».

Нельзя не отметить раздел книги, посвященный владениям Мары Бранкович в Османской империи. В этой части исследования чувствуется опытная рука сотрудника проекта «Tabula Imperii Byzantini» (проект реализуется Австрийской Академией наук и предусматривает подробное историко-географическое описание различных регионов Византийской империи), прекрасного знатока исторической географии Южной Македонии. Автор с любовью реконструирует владения Мары в городке Ежево и его окрестностях, восстанавливает на основе турецких дефтеров (описей) направления ее хозяйственной деятельности, приводит результаты личного осмотра мест и сооружений, некоторые из которых до сих пор связываются местными жителями с именем «царицы Мары». В этом разделе читателю не хватает последнего штриха — ответа на вопрос о месте погребения Мары Бранкович. Хочется надеяться, что автор еще вернется к этой проблеме и даст ответ на этот вопрос.

Чрезвычайно интересно структурное построение книги и методика работы автора. Медиевистические исследования неразрывно связаны с анализом источников. Нередко это приводит к сложности восприятия текста: исследователю приходится уходить от основной линии повествования и обращаться к анализу источников, проблемам перевода и разночтений, полемике с оппонентами и т.д. В рассматриваемой книге Михайло Попович применяет прием, кажущийся нам достойным внимания. В начале каждого из содержательных разделов книги (II и III) следует краткое резюме (до двух страниц) их содержания и рассматриваемых вопросов. Такой подход позволяет читателю увидеть общее направление мысли автора, а затем следить за системой его аргументации. В специальный раздел вынесен значительный блок документов из Государственного архива Венецианской республики (с. 164–189), которые Попович ввел в научный оборот, что позволяет читателю проверить выводы автора.

Книга написана сдержанным, простым и ясным языком. Автор стремится к точности формулировок и корректному

обоснованию своих аргументов, специально оговаривает дискуссионные и допускающие разные толкования вопросы. Книга снабжена необходимыми сопроводительными материалами: картами, генеалогической схемой, фотографиями мест и объектов, связанных с жизнью героини («башня Мары» в Ежево, современном городе Дафни в Греции). Отдельно необходимо отметить схему, визуализирующую социальные контакты Мары: семья, духовенство, дипломатические контакты и т.д. (схема подготовлена д-ром Йоханнесом Прайзер-Капеллером, коллегой Михайло Поповича по работе в Институте средневековых исследований Австрийской Академии наук). Автору (и читателю) необычайно повезло — у нас есть

возможность взглянуть на прижизненный портрет героини повествования. Речь идет о дарственной грамоте Георгия Бранковича одному из афонских монастырей от 11 сентября 1429 г., на которой изображено семейство деспота, в том числе и его дочь Мара. На читателя книги смотрит строгая темноглазая девочка в богатом златотканом одеянии. «На этой миниатюре одиннадцатилетняя Мара окончательно выходит из анонимности», — пишет автор. Эти слова можно с полным основанием отнести ко всей книге Михайло Поповича, которому удалось нарисовать портрет незаурядной женщины на фоне сложной и интересной эпохи.

© 2017 г. А.В. Мартынюк

Славяноведение, № 2

Г. ЛАПАЦІН. Варвара Грэцкая як з’ява беларускай народнай культуры. Гомель, 2015. 248 с.

Г. ЛОПАТИН. Варвара Грецкая как явление белорусской народной культуры.

Предлагаемая вниманию специалистов книга — это исследование фольклорной личности и ее репертуара, выполненное в русле антропоцентрического подхода в лингвистике и фольклористике, дающее ответы на вопросы о том, как работают механизмы коллективной и индивидуальной памяти, как отражается локальная традиция (фольклорная, языковая) в рассказах личности, позиционирующей себя как хранителя этой традиции. Автор рецензируемой книги — сотрудник Ветковского музея старобрядчества и белорусских традиций им. Ф.Р. Шклярова Геннадий Лопатин поставил перед собой задачу определить, что представляет собой «человек традиции», основным принципом формирования личности которого является принцип: «Ўсё ета бярэцца ад пакалення» (с. 3), а также понять, как фольклорная личность существует внутри родной для нее культуры и одновременно анализирует ее. Еще одной

задачей, которую решает автор, является рассмотрение механизма передачи межпоколенческой информации и жизненного опыта: «навесці на пуць», «даць жыццю» — эти установки диалога поколений, выдержавшие проверку временем, не устарели и сейчас (с. 30).

Как отмечает автор во введении (с. 3–17), для своего выживания народная культура формирует в своей среде и выделяет из социального коллектива личности, способные объединять социум песней и обрядом и одновременно в условиях оторванности от коллектива оставаться носителями традиции. Эта особенность самосохранения оказалась чрезвычайно важной для Гомельщины, самобытная народная культура которой оказалась под угрозой исчезновения в результате Чернобыльской катастрофы, уничтожения сотен населенных пунктов и массового переселения жителей в другие регионы Белоруссии. Именно благодаря ярким

личностям традиционная культура сохраняется во времени и выживает в моменты кризисов.

Героиней книги Г. Лопатина стала Варвара Александровна Грецкая, 1925 г.р., уроженка поселка Амельное (бел. *Амяльное*) Ветковского района Гомельской области. В 1992 г. в связи с отселением поселка из зоны радиации переехала в г. Ветку. Именно здесь носитель традиции и собиратель-исследователь нашли друг друга. С 2005 по 2014 г. автор рецензируемой книги неоднократно встречался с В.А. Грецкой и записал от нее поразительный по объему и ценнейший по содержанию фольклорный материал. В репертуаре В.А. Грецкой — песни календарного и семейно-бытового циклов; песни лирические, детские, рекрутские, сиротские; припевки; былички, легенды, приметы, поверья. Не меньший интерес представляют записанные от В.А. Грецкой описания обычаев и обрядов, а также рассказы о жизни, своего рода индивидуальная «устная история». Материалы, записанные от В.А. Грецкой, стали основой многочисленных публикаций Г. Лопатина (с 2007 по 2014 г. им опубликовано 26 статей с многочисленными примерами фольклорных текстов и анализом особенностей языка информанта, который сама В.А. Грецкая характеризует как «калісяшні», «старынны», «амяленскі», «прыродны», «дзеравенскі» — см. с. 4–6).

В книге опубликовано 422 примера, записанных от В.А. Грецкой и объединенных в 42 раздела, посвященных народному календарю и праздникам, семейно-бытовому, скотоводческому и земледельческому обрядам, бытовым приметам и предписаниям, народной метеорологии, народной медицине и заговорам, народнорелигиозным представлениям, народной демонологии, истории и топонимике, песням разных жанров д. Амельное и детскому фольклору (с. 31–225). Реально текстов в книге больше, так как под одним номером (с буквенным индексом) могут числиться несколько позиций. Так № 107 «Першы зажон» (с. 94–95) представлен пятью вариантами (а–д); № 108 «Першы сноп» (с. 96) — двумя (а и б); № 201 — о первом выгоне скота (с. 134–135) — пятью (а–д); № 230 — приметы о первом громе (с. 143) — четырьмя (а–г); № 297 «Шаптухі» (с. 169) — шестью (а–е) и т.д.

Фольклорный материал обрамлен двумя статьями Г. Лопатина, посвященными проблемам белорусской народной педагогики, формирования системы ценностей и правил семейного общежития

(на примере семьи Грецких) (с. 18–30) и важной для фольклористики теме соотношения текста и личности, исполнителя и носителя традиции (с. 226–235; особенно ценными представляются примеры автокомментариев рассказчицы к описываемым ею фрагментам этнографической действительности; не менее ценными оказываются фрагменты интервью, сопровождающие фотографии из семейного альбома — визуальные образы дополняются рассказами из жизни, комментариями по поводу различных деталей — одежды, прически, предметов быта и т.п.).

В книге представлена своеобразная энциклопедия жизни белорусской деревни Амельное, увиденная глазами ее жительницы и спроецированная на личный опыт члена сельского микросоциума. Знакомясь с рассказами В.А. Грецкой, читатель может получить представление, как через личное восприятие действительности и истории формируется индивидуальная картина мира, отражающая в то же время типичные черты белорусской народной культуры, ее универсалии и региональные особенности. Важен также межпоколенческий опыт, передаваемый внутри семьи, и уникальный пример семьи В.А. Грецкой служит тому подтверждением — непрерывная традиция прослеживается на протяжении семи поколений — от прапрапрабабки Варвары Александровны до ее сына. В своих рассказах В.А. Грецкая апеллирует к жизненному опыту старших поколений своей семьи, цитируя высказывания матери и бабки (от которой она усвоила основы народной мудрости мировосприятия), прилагая их к традиционным сюжетам (например, к легенде о колосе и о наказании людей за неуважение к хлебу или к песням, исполняемым во время обряда «Стрела») (с. 7–10). Традиционное начало ее нарративов: «Баба калісь казала...», «Баба і гаворыла...», «Ўсё баба наша гаварыла...» связывает воедино опыт разных поколений одной семьи; точно так же семейные ритуальные практики сохраняют актуальность для представителей разных поколений. По воспоминаниям В.А. Грецкой, ее бабушка прятала вычесанные перед Рождеством волосы под стену дома, чтобы плодилась домашняя живность: «Як калядныя косы двара пільнуюць, штоб так нашы куры і свіні, уся худоба двара пільнавала. Штоб мы не выходзілі, із стада не выганялі ні авечак, ні кароў. Штоб самы заходзілі». Описание акционального ряда Варвара

Александровна сопровождает заговором из семейного репертуара (с. 39–40).

Уникальность подборки текстов также в том, что по сути перед нами – монолог диалектоносителя, рассказ о себе внутри традиции. Вот пример переживания обрядовой реальности на личном опыте: нарушение рассказчицей запрета штопать или ставить заплатки на Коляды оборачивается появлением в хозяйстве слепых цыплят (с. 38–39). Общеизвестная примета – кот умывается к приходу гостей получает двойственное истолкование в связи с событиями в семье (если кот умывается «ад дзвярэй у хату», придут гости, а если «на дзверы ўмывацца», то это сулит утрату: именно так кот «вымываў з двара хазяіна», предвещающая смерть отца Варвары Александровны) (с. 125). Индивидуальные и очень личные отношения складываются у В.А. Грецкой и с персонажами народной демонологии. Помощником в различных ситуациях (найти дорогу в лесу, вернуть потерянную вещь, набрать много ягод) становится *Чорцік Іванька*, которому адресуются просьбы о помощи: «Чорцік Іванька, пакажы нам дарогу!», «Чорцік Іванька, памажы мне! Ададай мне! Бяры сваё!» (с. 165–166).

Любопытный пример формирования индивидуального поверья демонстрируют тексты № 102 и 103 (с. 91–92). По словам В.А. Грецкой, на Яблочный Спас, когда освящают яблоки, умершие некрещеными дети также получают свою долю благодати: «Мацерь Божая кала рэчкі хадзіла і ўсіх дзетак хрысціла і Бога прасіла» (с. 92). Это представление основано, скорее всего, на тексте известной В.А. Грецкой народной молитвы, приуроченной к празднику Спаса и перенята от бабушки: «На Спаса Мацерь Божья каля рэчкі хадзіла, / Неахрышчаных дзетак за ручкі вадзіла. / Божья Мацерь к рэчкі падхадзіла / І Госпада Бога прасіла: “Нада нам у чыстай рычэй / Дзетак пахрысціці ў вадзіцы”...» (с. 91).

Исследования репертуара и языка «фольклорной личности» достаточно разработаны в славянской фольклористике и этнолингвистике – предметом изучения становятся песни и рассказы матерей и бабушек исследователей, репертуар ярких представителей отдельных локальных традиций, а также опыты самоописания народной культуры, словари диалектной языковой личности и словари отдельных семей (см. с. 6–7, а также [1–8]). Но, как подчеркивает Г. Лопатин, случай В.А. Грецкой уникален в том смысле,

что впервые от одного информанта зафиксирован весь фольклорно-этнографический комплекс населенного пункта (с. 7), и, добавим от себя – весь материал представлен в аутентичной форме (сохранены диалектные особенности речи рассказчицы), без сокращений или авторского пересказа (ограниченность объема журнальных публикаций иногда вынуждает к этому исследователей [9; 10]). Ценность языкового материала бесспорна – речь рассказчицы не только богата диалектной лексикой и фразеологией, например: *мяртвячая Паска* ‘Радуница’ (с. 127); *чарціны брак*, *чорту ў зубы далася* ‘внебрачная связь’ (с. 123), *злыдні* ‘цветы-сорняки’ (с. 113), ‘дармоеды’ (с. 133); крайне интересны наблюдения В.А. Грецкой над отдельными словами и выражениями, а также постоянное сравнение речи жителей Амельного с речью жителей соседних деревень. В перспективе материалы, записанные у Грецкой, могут стать основой для составления словаря диалектной личности.

И здесь следует отметить, что лексический фонд индивида должен быть описан без купюр – ведь в языке культуры органично сочетается нормативная и экспрессивная лексика и нередко обценные (с точки зрения литературного языка) термины несут в себе архаические смыслы. Поэтому можно только пожалеть, что высказывания о внебрачных детях оказались «отцензурированы» и экспрессивные номинации женщины, родившей внебрачного ребенка, скрылись за многоточием (с. 108).

Для фольклористов и этнографов оказываются чрезвычайно интересны локальные формы традиции, описанные в рассказах В.А. Грецкой. Так, ее память сохранила такую уникальную установку традиционной культуры, как жесткая приуроченность исполнения обрядовых песен ко времени проведения обряда – для каждой песни есть определенное время в определенный период календарного года: масленичные песни предписано исполнять на масленицу, колядные – на святки, постовые – в пост. Иначе, по словам В.А. Грецкой, которые она усвоила от своей бабушки, «ім [песням] больша будзя, што вы не воўрэма паяць [...] Грэх! Няльзя пець жніўня вясной [...] Каждаі песні ё пара года» (с. 13). В связи с этим вспомнилось, как однажды в одной из Полесских экспедиций в конце 1970-х годов, будучи студентами-первокурсниками, мы очень удивились отказу одной из наших собеседниц спеть колядку (экспедиция проходила в июле)... По замечанию Г. Лопатина,

глубинная связь между песней и порой года проявляется в понимании того, что за каждой порой года стоит свое Божество: *Каляда*, *Маслінка*, сама *Вясна*, которым обязательно надо отдать дань в виде песни или обряда (см. с. 13). Нам кажется, что это утверждение является искусственным авторским конструктом и не передает традиционного мифологизированного восприятия связи обрядности и действительности (повседневности). В связке «обряд — пора года» скорее проявляется отношение к обряду как к залогому упорядоченности бытия, обеспечивающему преобладание космоса над хаосом. Именно об этом говорят народные легенды, во многих вариантах зафиксированные еще в XIX в. (в частности, на Гуцульщине): мощными берегами, способными преодолеть конец света, являются раскрашивание яиц к Пасхе, разжигание костров в Чистый четверг, колядование на Рождество [11. С. 136]. И приводимый далее в книге Г. Лопатина пример (с. 13–14) свидетельствует ровно о том же: соблюдение обрядов является залогом стабильности жизненного уклада, оберегает социум и вселенную от катастроф — в 1992 г., накануне отселения жителей Амельного из Чернобыльской зоны, В.А. Грецкая вместе со своей односельчанкой провели обряд вождения и похорон «Стрелы» (*Стралы*), который издавна («спрад веку») исполнялся в этой местности; последние жители Амельного провели этот обряд и для себя («дзеля сябе»), и для «Стрелы», как бы сохраняя и забирая с собой свою традицию.

Подробное описание обряда «Стрела», сделанное со слов В.А. Грецкой, приводится на с. 67–84. Этот региональный вариант будет интересен исследователям как яркий маркер весенней обрядности восточной Гомельщины, дополняющий материал, представленный в гомельском томе серии «Традиційная мастацкая культура беларусаў» [12. С. 231–235].

Пример трансформации традиционного обряда под влиянием внешних обстоятельств представлен в тексте № 64 об освящении пасхальных яиц. Во время войны церковь в Амельном была сожжена немцами, но способ поддерживать обычай освящения пасхальной пищи был найден: ранним утром бабушка В.А. Грецкой выносила крашенные яйца на двор, чтобы их окропил дождь (или роса): «Во, ужо Гасподзь Бог пасвяціў усім» (с. 64). Представляется, что способы и механизмы такой имитации ритуала требуют дальнейшего исследования.

Интересный фрагмент народной демонологии представлен в трех вариантах рассказов о Красной ноге (№ 300 а–в, с. 170–171), которой взрослые пугали детей, чтобы те не кричали, не дрались, не гуляли допоздна (принимая во внимание, что о Красной ноге В.А. Грецкая слышала еще от бабушки, «датировка» этого образа может быть отнесена к 1930-м годам). Этот персонаж, схожий со всякого рода разнобразными «красными» и «черными руками», «зелеными пальцами» детских страшилок, ставших популярным жанром с 1960-х годов, доказывает, что персонажный ряд детских «страшных историй» старше, чем мы привыкли думать.

Говоря об особенностях таких «элитарных» личностей из народной среды, Г. Лопатин отмечает не только осознание ими ценности и богатства хранимой традиции, но и коренную связь со своим репертуаром. Ведущая песенница («пясе́нница») Амельного, В.А. Грецкая говорит о неразрывной связи песни и исполнителя — «людзі паміраюць, і песні паміраюць тья». Так из семьи Грецких ушла песня «Насцечка», которую целиком знала только старшая сестра Варвары Александровны и не успела никому ее передать. И потому хранители традиции щедры и готовы поделиться сокровенным: как сказала В.А. Грецкая, «із душы вынула — расказала» (с. 16).

Богатство фольклорной личности выражается и в широте сознания: человек не делает абстрактных обобщений и не высказывает голословных измышлений; в его повествовании все основано на собственных жизненных воспоминаниях, но при этом ощущается и «государственный подход», когда перипетии семейной жизни и личной истории воспринимаются и оцениваются сквозь призму государственных событий. «Сям’я — ета малінькая гасударства...», — так говорила бабушка Варвары Александровны, помяная при этом Петра Первого как государственного отца (с. 28). Так личный опыт становится неотъемлемой частью всего того, что происходит в стране и в мире, в житейских размышлениях появляются исторические деятели, которым нередко дается нелицеприятная оценка с точки зрения «народной социологии». В рассказах В.А. Грецкой фигурируют Ленин, Сталин, Фидель Кастро, Маргарет Тэтчер, Машеров и Горбачев, «разваливший» Советский Союз подобно нерадивому отцу, бросившему на произвол судьбы большую семью («ён такую страну кінуў [...] наш мошны Савецкі Саюз [...]

Таво шта дурачок — Мечаная галава. Страна, як сям’я бальшая. А ён хляпнуў, да пайшоў [...] Во Расія ўжо аддзельна, Беларусь аддзельна» — с. 28).

Специалисты, безусловно, высоко оценят содержательную сторону записей рассказов В.А. Грецкой. Однако фольклорно-диалектные тексты для полноценного введения их в научный оборот требуют комментария исследователя. Особенно это касается случаев, когда фиксируется раритетная — узлокальная или уникальная информация. В связи с этим обратим внимание, например, на № 238 (с. 145) — рассказ о том, что означает радуга на небе: цветные полосы — это «дороги», которые Бог простирает перед разными народами («черная» полоса — к несчастью, «синяя» — к войне и т.п.). Помимо того, что такая трактовка радуги демонстрирует общий философский настрой нарративов В.А. Грецкой, которые касаются исторических событий и вовлеченности каждого человека в «большую» историю, рассказ содержит отголосок редкого сюжета о ритуальном убийстве стариков (по международной классификации фольклорных сюжетов — АТУ 981): согласно представлениям В.А. Грецкой, есть некая «нация лихая», у которой принято «свозить» куда-то престарелых родителей, обрекая их на голодную смерть (именно об этом свидетельствуют темные полосы радуги). «Убийство стариков» — широко известный мотив преданий, бывальщин, сказок и поверий, записанных в Европе, Азии и Африке. В настоящее время известно более 250 записей данного мотива у восточных и южных славян, а также у поляков. Долгие годы в антропологии шли споры относительно того, в какой мере этот сказочный мотив отражал реальную практику умерщвления стариков (из недавних работ см. [13]. Фрагментарное упоминание В.А. Грецкой этого мотива (он спонтанно возникает в рассказе о радуге, суть мотива почти не просматривается) являет еще один пример его бытования в белорусском фольклоре (хотя уже в сильно трансформированном виде); адекватное же восприятие мотива в контексте нарратива возможно только с сопроводительным комментарием.

Хотелось бы также предостеречь публикатора от невольной привносимой в тексты Грецкой мифологизации, что иногда происходит не за счет интерпретации содержащейся в тексте информации, а за счет графического воспроизведения устной записи. Так, в тексте № 294 б (с. 168) перечисляются проклятия, бытовавшие

в речевой практике жителей Амельного и соседних деревень: «ідзі ты к чорту», «штоб цябе хляўнік забраў», «штоб цябе Пярун забіў». Ничем не обоснованная графическая передача слова *пярун* с прописной буквы заставляет думать, что за этим названием стоит имя собственное мифологического персонажа (если не самого языческого бога грозы Перуна), однако содержанием текста это не подтверждается, ведь далее в ответ на уточняющий вопрос о значении данного слова информантка четко отвечает, что это гром (публикатор при этом по-прежнему передает лексику с прописной буквы, словно бы настаивая на ее «мифологической» семантике): «[*Пярун — гэта што?*] Гром. Там, ці сусед, ці што... “Штоб яго Пярун забіў!” Я і ета пытала: “Мама, а што-та за Пярун?” — “Ну во, граза, гром”. А ў нас гром звалі, а ў іх Пярун» (с. 168).

Несколько замечаний касаются расположения текстов внутри разделов. Тематический принцип презентации материала не всегда выдержан последовательно. Так, в рубрике «“Прыспанья” дзеці» (с. 109) текст № 143 действительно описывает ситуацию, когда мать по неосторожности придавливает во сне грудного младенца. Однако наличие в этой же рубрике следующего примера (№ 144) вызывает недоумение: в тексте речь идет о вредоносной способности односельчанина, которого в детстве дважды отнимали от груди, к сглазу («дзеці етыя вырастаць дужа урошлівыя» — перед нами вариант широко распространенного в славянском мире поверья, см. [14. С. 566]), и к «прыспяшчым» детям этот сюжет отношения не имеет. В разделе, посвященном вещам, которые принадлежали покойнику, находим текст (с. 131, № 193) о том, что покойника в могилу следует класть «на ўсход сонца», на данном примере место скорее среди свидетельств о том, как снаряжают и хоронят умершего (с. 126).

Монолог носителя традиции, безусловно, важен и интересен для диалектологического и текстологического исследования, но материал нуждается также в структурном и теоретическом анализе, в соотношении репертуара личности с общебелорусским (и шире — восточнославянским) фондом несказочной прозы и песенного фольклора. Если публикатор поставит себе такую трудоемкую задачу на будущее, это станет весомым вкладом в фольклористику и этнолингвистику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Климчук Ф.Д.* Духовная культура полесского села Симоновичи // Славянский и балканский фольклор: Этнолингвистическое изучение Полесья. М., 1995.
2. Песни казаков-некрасовцев в исполнении Анастасии Никулушкиной / Сост. В.М. Щуров. М., 2011.
3. Рассказы о жизни / Публикация Т.Б. Юмсуновой // Живая старина. 2004. № 4.
4. Народный этнодиалектный словарь / Публикация А.П. Минаевой // Живая старина. 2002. № 3.
5. *Королёва Е.Е.* Диалектный словарь одной семьи (Пыталовский р-н Псковской обл.). М.; Daugavpils, 2000. Ч. 1–2.
6. *Королёва Е.Е.* Диалектный словарь одной семьи – 2 (Пыталовский р-н Псковской области). Daugavpils, 2013.
7. *Лютикова В.Д.* Словарь диалектной личности. Тюмень, 2000.
8. *Фельде О.В.* Словарь и жизнь. Рец. на кн. «Полный словарь диалектной языковой личности» / Под ред. Е.В. Иванцовой. Томск, 2006–2012. Т. 1–4 // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1.
9. Быт вологодской деревни в устных рассказах / Публикация Д.М. Савинова // Живая старина. 2004. № 4.
10. *Михайлов С.С.* Гуслицкая деревня Анциферово в рассказах старожила // Живая старина. 2004. № 4.
11. *Белова О.В.* Славянские библейские легенды: вербальный текст в контексте обряда // Славянский и балканский фольклор: Семантика и прагматика текста / Отв. ред. С.М. Толстая. М., 2006.
12. Традиційная мастацкая культура беларусаў. Т. 6: Гомельскае Палессе і Падняпроўе / Ідэя і агул. рэдагаванне Т.Б. Варфаламеевай. Кн. 1. Мінск, 2012.
13. *Раденкович Л.* Убиение стариков // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 2012. Т. 5.
14. *Кабакова Г.И.* Грудь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1.

Работа выполнена в рамках проекта «Образ человека в языке и культуре славян» (РФФИ 16-04-00101).

Славяноведение, № 2

К.В. ЛИФАНОВ. Диалектология словацкого языка. М., 2015. 84 с.

Знание любого иностранного языка предполагает не только владение литературной нормой, но также наличие базовых сведений о его социальных, а также территориальных вариантах. Словацкий язык в России изучается в рамках университетского образования, где учебная программа по соответствующей специальности предусматривает включение обширного курса по словацкой диалектологии в курс истории словацкого языка. Вместе с тем специального учебника по соответствующей дисциплине до сих пор не существовало, и учащимся приходилось опираться исключительно на лекционные записи. В этом контексте тем более ценным представляется появление русскоязычного пособия по словацкой диалектологии, автором которого является авторитетный специалист в данной области, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р филол. наук К.В. Лифанов. Книга эта сравнительно невелика

по объему, но чрезвычайно информативна, так как в ней в лаконичной форме сконденсированы все основные сведения на соответствующую тему. Объем материала, который подлежит освещению, строго ограничен – это те говоры, которые расположены на территории Словацкой Республики. Помимо смешанных говоров, находящихся на соседних со Словакией территориях (таких, как моравско-словацкие), за пределами авторского внимания лежат также анклавные словацкие говоры в Венгрии, Сербии и Румынии в силу гетерогенного характера последних, а также в силу того, что данные говоры подвержены влиянию контактирующих языков.

Пособие открывает вводная глава «Формирование диалектов словацкого языка», в которой приводится краткий экскурс в историю словацкого языка, рассматривается формирование словацких диалектов. Показано, что словацкие диалекты являются генетически гетерогенными, истоки различий между ними относятся еще

к праславянскому периоду. Автор при этом излагает точку зрения, наиболее распространенную именно в словацкой лингвистике (в частности, ее придерживался известный историк словацкого языка Р. Крайчович), — эта позиция состоит в том, что словацкий язык формировался в результате интеграции разных в генетическом отношении славянских диалектов, при этом Лифанов пишет, что среднесловацкий диалект по многим своим характеристикам противопоставлен западно-словацкому и восточнословацкому, резонно отмечая, что целый пласт явлений в нем относится еще к периоду дифференциации праславянского языка, и находит параллели главным образом в южнославянских языках. Автор констатирует отдельную специфику западнословацких говоров, лежащих за карпатской дугой (загорских говоров).

Затем Лифанов последовательно прослеживает в диахронии развитие процессов, которые привели к дальнейшему обособлению друг от друга словацких говоров, выделяя несколько периодов: X—XI вв., XII—XIII вв., XIV—XV вв., и период после XV в. Впрочем, как замечает исследователь, в период после XV в., сколь-нибудь существенных изменений, предполагавших дальнейшую дифференциацию словацких диалектов, не наблюдается. Автор пишет, что на процесс развития словацких диалектов оказывали влияние факторы экстралингвистического порядка, такие, как средневековое разделение словацкой этнической территории на комитаты в рамках Венгерского королевства. К.В. Лифанов справедливо замечает, что в истории формирования словацких диалектов, в силу в том числе культурно-исторического контекста, имели место процессы не только дивергентного, но также конвергентного свойства.

Далее следует глава обзорного характера «Классификация словацких диалектов», где приводится общая классификация и предварительная характеристика словацких диалектов. Вначале названы черты, общие для всех словацких говоров как таковых и обособляющие их от говоров других славянских языков, такие, как наличие фонологически долгих гласных, реализация закона ритмического сокращения, позиции палатализации парных согласных по твердости-мягкости перед гласным *e*. Затем следует рассмотрение тех черт словацких диалектов, которые связаны с полной либо неполной реализацией данных опорных

черт соответственно в среднесловацком, западнословацком и восточнословацком диалектах. После этого, следуя логике изложения от общего к частному, К.В. Лифанов приводит характерные праславянские рефлекссы, а также отдельные более поздние явления, которые дифференцируют между собой диалекты современного словацкого языка.

Следующие три главы посвящены описанию трех основных словацких диалектов — среднесловацкого, западнословацкого и восточнословацкого. Порядок расположения глав обусловлен степенью удаленности конкретного диалекта от кодифицированной формы языка. Описание каждого диалекта выстроено по схеме, которая имеет следующий вид: а) общая характеристика диалекта, включающая в себя географическую и социально-административную территорию распространения диалекта, наиболее крупные города, в которых он функционирует, группы говоров, которые противопоставлены друг другу в его составе; в) характерные особенности его фонетической системы (вокалической и консонантной); с) специфические черты его морфологической системы. После рассмотрения признаков, которые отличают весь диалект как таковой, Лифанов приводит краткое описание отдельных говоров диалекта, фиксируя их наиболее яркие дивергентные черты. Среднесловацкий диалект, в силу его специфики, описан более подробно, в соответствующую главу отдельной рубрикой включено также рассмотрение фонетических и морфологических черт не западнославянского происхождения в данном диалекте. В изложении присутствует система отсылок к диалектным картам, которые приведены в конце пособия.

Далее следует глава «Образцы анализа диалектных текстов», где автор приводит примеры того, как диалектные тексты следует анализировать, — главу открывают вводные замечания, касающиеся специфики анализа диалектных текстов, моментов, которые могут привести конкретного исследователя к ошибке, и факторов, на которые при анализе следует обращать внимание в первую очередь. Далее Лифанов на примере трех диалектных фрагментов — западнословацкого, среднесловацкого и восточнословацкого демонстрирует, как стоит выполнять разбор диалектного текста, показывая, какой анализ будет методологически адекватным и информативно достаточным. Затем расположен сравнительно (в масштабах книги)

обширный иллюстративный материал, всего 50 текстов. Состав образцов является достаточно полным и представительным, поскольку сюда включены практически все словацкие говоры. Приведенные тексты могут быть использованы как в качестве материала для анализа на семинарских занятиях по словацкой диалектологии, так и для самопроверки в процессе подготовки к экзамену. Для неспециалистов указанные образцы могут послужить иллюстрацией конкретной, живой речи и будут способствовать более глубокому закреплению сведений, представленных во всем предыдущем изложении.

Завершает книгу список рекомендуемой литературы, включающий в себя одиннадцать позиций, к числу которых относятся труды классиков словацкой диалектологии и диахронической лингвистики, таких, как Р. Крайчович, К. Палкович, Э. Паулини, Я. Станислав, З. Штибер, Й. Штолц. Также в число рекомендованных к прочтению исследований включены работы современных словацких исследователей — Д. Сланчовой, М. Соколовой и И. Рипки. Естественно, данный список не является исчерпывающим, но в плане введения в проблематику и знакомства с основополагающими для дисциплины трудами здесь, безусловно, приведены наиболее значимые исследования.

В конце пособия даны три цветные карты. На первой отражено деление словацкого языка на диалекты — они выделены разными цветами и диалектов на говоры — они обозначены цифрами. Отдельно маркированы территории смешанных говоров, а также область проживания словацких венгров, которые говорят на генетически и типологически отличном языке. На второй карте приведено современное административное деление Словакии на края, каждый край выделен как графически, так и отдельной цифрой, у каждого указана его столица. На третьей карте — также с параллельным использованием графики, нумерации и указания столицы — обозначены исторические комитаты на территории Словакии — у столиц комитатов названия приведены в их современной,

словацкой форме (Штурово — Паркань, Шаги — Ипойшаг и т.п.).

Пособие адресовано широкому кругу специалистов и может быть использовано сразу в нескольких различных сферах. Во-первых, курс диалектологии словацкого языка предусмотрен учебным планом по специальности «Славянские языки» — это касается как непосредственно студентов, для которых словацкий язык является основным изучаемым языком/вторым славянским языком, так и тех, кто получает о словацком языке опорные знания в рамках введения в славянскую филологию. Во-вторых, книга может оказаться очень полезной для специалистов-диалектологов, которые имеют дело с полевыми записями различных славянских диалектов, в том числе пограничных зон, где познания в словацкой диалектологии могут оказать существенную помощь при интерпретации тех или иных языковых явлений. В-третьих, знание диалектов словацкого языка является необходимым условием для адекватного прочтения в оригинале произведений словацкой художественной литературы, поскольку в словацком языке, где диалекты в целом сохранились хорошо, моделирование диалектной речи часто используется для стилизации и придания речи персонажей локального колорита (ср. рассказы Я. Боденка, М. Зимковой, произведения Ш. Моравчика и других, а также произведения классиков словацкой литературы, таких, как Г. Гавлович, Й.И. Байза, Ю. Фандли, Я. Голлый). В-четвертых, книга будет необходима людям, далеким от филологии, — те, кто ездит в Словакию с рабочими или туристическими целями, часто сталкиваются с тем фактом, что разговорная речь жителей конкретного населенного пункта, особенно на западе и востоке страны, может очень существенно отличаться от литературной. Пособие в этом смысле может предоставить общую ориентацию в конкретном говоре, что, в свою очередь, сделает коммуникацию с местными жителями более успешной.

© 2017 г. Д.Ю. Ващенко

КОНФЕРЕНЦИЯ «СТАРООБРЯДЦЫ В ЗАРУБЕЖЬЕ III. ИСТОРИЯ, РЕЛИГИЯ, ЯЗЫК, КУЛЬТУРА».

С 19 по 20 сентября 2016 г. в университете им. Николая Коперника (г. Торунь, Польша) прошла конференция «Старообрядцы в зарубежье III. История, религия, язык, культура». Первая подобная конференция состоялась в 2008 г., ее целью было создать пространство для обмена результатами исследований, посвященных различным аспектам жизни старообрядцев вне России и за пределами юрисдикции Русской православной церкви, а также общим теоретическим вопросам русского старообрядчества в рамках разных научных дисциплин. Актуальность подобной идеи подтвердила вторая конференция, состоявшаяся в 2012 г. Нынешняя конференция стала третьей по счету. Программа включала 37 выступлений, отдельным пунктом значилось проведение заседания Комиссии по исследованию старообрядчества при Международном комитете славистов.

Пленарное заседание, открывавшее конференцию, было посвящено 90-летию юбилею выдающегося исследователя Л.Л. Касаткина, среди научных интересов которого находились и старообрядческие говоры. В своем выступлении «Слово о Леониде Леонидовиче Касаткине» *С. Гжибовский* (Торунь), один из организаторов конференции, рассказал о научном наследии Л.Л. Касаткина и созданной им научной школе, а также значении его работ и интереса к современной ситуации старообрядцев Августовского и Сувальско-Сейненского районов Польши для возобновления в Торунь исследования на эту тему.

Выступление *В.В. Керова* (Москва) «Старообрядцы в Российской Империи: политическая лояльность или революционная активность?» было построено на полемике с бытующим в дореволюционной, советской и современной историографии мнением о революционности старообрядцев, якобы финансировавших большевиков. Подробно проанализировав ряд данных, Керов показал, что многие из источников являются сомнительными и противоречат другим. Очевидная правая политическая ориентация старообрядцев во время революций, их массовое участие в гражданской войне на стороне белогвардейцев, жесткие репрессии коммунистических властей после непродолжительного мирного сосуществования указывают на то, что утверждение о революционности старообрядцев является несостоятельным.

Третий пленарный доклад «О лексическом богатстве говоров старообрядцев Латгалии (лексикографический аспект)» был сделан *Е.Е. Королевой* (Даугавпилс). В Даугавпилском университете накоплен значительный лексический материал по говору местных старообрядцев. В настоящий момент Е.Е. Королева составляет дифференциальный словарь, в котором стремится также отразить ценности носителей говора (особые коннотации некоторых общелитературных слов в старообрядческой среде, например у слова «праздник», которое фигурирует в выражении «праздник – время работы души»), а также значимость отдельных лексем для описания той или иной эпохи (слово «тайком» часто употребляется при описании старообрядческих практик в советское время). В докладе также был представлен собранный в спонтанной речи фразеологический материал, связанный с религиозным аспектом жизни старообрядцев.

Далее работа конференции разделилась на две секции – «историческую» и «филологическую» (названия условны, поскольку обе секции включали доклады, выходящие за указанные рамки). В филологической секции первый доклад был сделан *Д. Пасько-Конечняк* (Торунь) – «Правила акцентуации слов, заимствованных из польского языка, в русском говоре старообрядцев, проживающих в Польше». На материале

существительных и глаголов были показаны процессы адаптации заимствованных польских слов в говоре с точки зрения акцентуации. Большинство заимствованных существительных получает ударение, соответствующее принципам морфематизма русского языка, однако некоторые заимствуются с польским ударением на предпоследнем слоге, при этом принцип пенультиматизма может сохраняться и в словоизменении. В глаголах сохраняется принцип ударности суффикса -ирова-, приставки вы- (есть исключения) и безударности суффиксов -ыва-, -ива-.

Т.С. Ганенкова (Москва) рассказала о первичных результатах полевого исследования в Даугавпилском крае в мае 2016 г. В докладе было показано, как фонетические, лексические, морфологические, синтаксические диалектные особенности распределяются в зависимости от возраста, образования и места проживания информантов, как влияет на речь молодого поколения активное введение латышского языка в систему среднего и высшего образования в Латвии после 1991 г.

Продолжил тему говора старообрядцев Польши *А. Яскульский* (Торунь) в докладе «Ассимиляционная мягкость согласных [š], [ž], [ć], [ź] в говоре старообрядцев, проживающих в Польше» по данным из Августовского и Сувальско-Сейненского районов. Хотя произношение [sʲ], [zʲ], [tʲ], [dʲ] перед мягкими встречается в речи некоторых информантов, происходит это редко и нерегулярно. В основном же в позиции перед мягкими конкурируют непалатальные [s], [z], [t], [d] (например, *отсюда* [атщюда]) и палатальные среднеязычные [š], [ž], [ć], [ź] (например, *отсюда* [ачщюда]). В докладе была рассмотрена их конкуренция в разных позициях.

Выступление *Е. Потехиной* (Ольштын) было посвящено проблемам лингвистического описания старообрядческих текстов Нового времени, в частности текстов из Свято-Троицкого монастыря в Войнове. Эти тексты Е. Потехина разделила на несколько типов в зависимости от шрифта и языка памятника. Для каждого типа были продемонстрированы примеры, сопровождающиеся данными, помогающими определить место и время их издания/написания.

В следующих трех докладах вновь была продолжена тема старообрядцев, проживающих в Польше. *М. Група* (Торунь) сделала доклад «Фразеологические кальки и полукальки в речи среднего поколения старообрядцев Сувальско-Августовского района». Анализ полевого материала показал, что 40% фразеологизмов, встреченных в речи среднего поколения (1950–1990 годов рождения) составляют фразеологические кальки, 5% – полукальки структур польского языка.

С. Гжибовский (Торунь) рассказал о специфических инновациях в русском говоре старообрядцев в Польше под влиянием польского языка. В докладе была дана краткая характеристика лексического состава исследуемого говора, многие единицы которого восходят к среднерусским говорам западной зоны и зачастую к русским говорам Прибалтики. Некоторые лексемы не зафиксированы в современных словарях русских диалектов, но имеют аналоги в исторических памятниках. В говоре присутствует и большое число непосредственных заимствований из польского языка. С польским влиянием также может быть связано возникновение интересных лексических образований, не имеющих аналогов в вышедших словарях русских диалектов и не являющихся прямыми заимствованиями из польского или кальками (например кизилёнычк ‘жеребенок’ от польск. *kiziak* ‘жеребенок’).

М. Зёлковская-Мувка представила данные о русских именах старообрядцев, проживающих в Сувальском районе. Имя в официальных документах может быть транслитерацией церковного имени, его польским соответствием или не иметь ничего с ним общего. В докладе были представлены механизмы выбора имени и его формы при обращении к конкретному человеку.

Доклад *Г.В. Любимовой* (Новосибирск) был посвящен теме технической модернизации земледельческого труда в культуре сибирских старообрядцев: религиозные установки и повседневные хозяйственные практики. Основываясь на полевых материалах, собранных у староверов-часовенных, компактно проживающих в верховьях Малого Енисея (Каа-Хемский район Республики Тыва), а также на данных архивных материалов, Г.В. Любимова пришла к выводу, что традиционно в этом регионе старообрядцы крайне негативно относились к использованию любых орудий и механизмов, облегчающих труд земледельца, поскольку таким образом нарушается библейская заповедь о том, что человек должен трудиться в поте лица своего. Тяжелый физический труд

был одним из способов искупления греха, поэтому принятие нововведений часто сопровождалось мотивом вины.

Тема староверов, проживающих в Польше, была продолжена в докладе *А. Павлячик* (Торунь). А. Павлячик проанализировала поэтические произведения староверки старшего поколения из Августовского района, выделила и проиллюстрировала основные темы ее творчества. Особое внимание было уделено теме изменений, происходящих в жизни старообрядцев (раньше староверы верили в Бога, исполняли все обряды, выбирали имена только по святцам, вступали в брак только со староверами, были дружны, а сейчас вера забыта, царствует грех, староверы вступают в браки с католиками, разобщены).

В докладе «Реэмиграция старообрядцев-часовенных из Южной Америки в Россию (2008–2015 гг.): причины, проблемы, перспективы» *О.Г. Ровнова* (Москва) рассказала о случаях реэмиграции нескольких староверских семей в Россию в 2008 г. из Уругвая, в 2010 г. и 2015 г. из Боливии. Были проанализированы причины переезда и проблемы, с которыми сталкиваются реэмигранты (коррупция, отсутствие обещанной правительством земли). Поскольку нет перспектив решения проблем, мешающих нормализации жизни репатриантов, был сделан вывод о том, что вероятность массового переселения в ближайшем будущем старообрядцев из Южной Америки в Россию крайне мала.

Работа второй секции была посвящена в основном истории. Первым выступил *С. Пастушевский* (Быдгощ) с докладом «Польское вмешательство в отношении Москва – Брэила в середине XX в.», в котором проанализировал роль Игнация Высочаньского в отношениях между московскими и румынскими общинами старообрядцев (в румынской общине он был посвящен в епископы, однако московская община считала это посвящение недействительным). В докладе «Единоверцы в Королевстве Польском в документах Православной церкви» *З. Ярошевич-Переславцевой* (Ольштын) были представлены неизвестные до сих пор документы, освещающие миссию Православной церкви среди староверов Августовской и Люблинской губерний. *К. Снарский* (Сувалки) рассказал о старообрядческих хрониках Вацлава Федотова и их роли в формировании культурной идентичности старообрядцев. Основной темой хроник является старообрядческая община в Войнове (Мазуры, Польша). В них содержится множество фактов из жизни членов общины, описывается, а иногда создается и мифологизируется образ старообрядцев. *И.В. Починская* (Екатеринбург) выступила с докладом «Новый источник об обращении в единоверие старообрядцев слободы Добрянки Черниговской губернии», в котором представила неизвестный ранее документ из фондов лаборатории археографических исследований УрФУ, свидетельствующий о насильственном обращении в единоверие в Стародубье, что противоречит данным из записок миссионера Т.А. Верховского о мирном переходе в единоверие. *М.-Л. Паавер* (Таллин) и *Г. Поташенко* (Вильнюс) рассказали об иконном наследии Ивана Михайлова в старообрядческом Свято-Покровском храме в Вильнюсе, проанализировав, к какому периоду творчества относятся разные иконы, и дав им искусствоведческую оценку. *Е.С. Данилко* (Москва) в выступлении «Аркадий Беловодский: множественность биографий» сравнила две биографии Аркадия Беловодского: одну, основанную на исторических данных, и вторую, являющуюся своеобразным народным житием. В докладе были проанализированы механизмы создания идеального образа. *А.И. Иванов* (Рига) рассказал о Музее истории староверия, открытом в 2015 г. в Рижской Гребеншиковской старообрядческой общине, его концепции и перспективе. В докладе «Старообрядческие соборы в Литве в XIX в.: Рымковский собор 1857 г.» *Н. Морозова* (Вильнюс) представила данные о неизвестном в историографии Рымковском соборе, в котором участвовали 13 наставников из приходов Литвы и Динабургского уезда, а также почетный гость и инициатор собора игумен Войновского монастыря Павел Прусский. Н. Морозова подробно осветила содержание соборных статей. *Р.А. Майоров* (Москва) выступил с докладом «К вопросу об истории старообрядцев-поповцев в Варшаве в начале XX в.», основанном на ранее не публиковавшихся архивных материалах и данных из периодики. Р.А. Майоров представил данные о жизни белокрыницких старообрядческих общин и молитвенных зданиях Варшавы начала XX столетия. В сообщении «О сохранении культурно-духовного наследия рижских староверов» *А.А. Лотко* (Рига) рассказал о работе по духовному образованию и развитию, а также по сохранению материального наследия в Рижской Гребеншиковской старообрядческой общине.

На второй день конференции секции были объединены. Первым выступил *М. Глушковский* (Торунь). В своем докладе «Как польский лук влияет на демографию Причудья» он рассказал, что потеря российского рынка сбыта после 1991 г. отрицательно повлияла на экономическую ситуацию жителей Причудья (Эстония). М. Глушковский связал ухудшение демографической ситуации Причудья с вытеснением эстонского лука более дешевым польским. В докладе также были представлены нарративы информантов на эту тему. Выступление *И. Шурмеле* (Рига) было посвящено издательско-просветительской деятельности Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины в 1990–2015 гг. Далее *З. Ольчак* (Варшава) рассказал о своих впечатлениях от археографической экспедиции к старообрядцам Красноярского края в рамках сотрудничества между Библиотекой Варшавского университета и ГПНТБ СО РАН (Новосибирск). З. Ольчак также представил полученные данные о некоторых книгах из семейных коллекций старообрядцев и высоко оценил перспективность сотрудничества. Впечатлениями о поездке в село Тарбагатай (Бурятия) поделилась *И. Панасюк* (Варшава), сообщив также о некоторых хранящихся там книгах, изданных в Польше в XVIII в. Содержание доклада *А. Вонсевской* (Ольштын) «Брак в системе ценностей мазурских старообрядцев» кратко пересказала ее научный руководитель *Е. Потехина*, поскольку докладчица не смогла приехать. Доклад основывается на анализе книги «Сборник сочинений о браках разных ревностных мужей. Часть первая» Павла Прусского (1860 г.), в которой Павел Прусский защищал святость брака и выступал против радикальной позиции федосеевцев, относящихся к браку отрицательно. *А.В. Черных* (Пермь) рассказал о традиционном костюме в культуре старообрядцев-часовенных Урала, его видах и распространении в различных районах. Выступление сопровождалось многочисленными фотографиями. Кроме того, были даны существующие диалектные названия как отдельных предметов одежды, так и их деталей. *И. Ожеховская* (Ольштын) выступила с докладом «Невербальные ритуалы и знаки в похоронном обряде старообрядцев (на основе текстов из коллекций Войновского монастыря)», где проанализировала запреты и предписания на те или иные действия в текстах Попахидника, Синодика, Чина погребения, канонов за умерших и канона св. мученику Уару из Войновского монастыря.

На заключительном пленарном заседании польская писательница *Катажина Энерлих* представила свой новый роман «Люди особой реки», основными действующими лицами которого являются староверы области Мазур в Польше. *Е. Иванец* (Лодзь) выступил с докладом «О моих контактах с выдающимися представителями московского старообрядчества».

Исключительно интересные и живые дискуссии стали наглядным доказательством ценности конференции. Организаторы конференции планируют издание сборника статей.

© 2017 г. *Т.С. Ганенкова*

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ 16-18-02080 «Русский язык как основа сохранения идентичности старообрядцев Центральной и Юго-Восточной Европы».

CONTENTS

ARTICLES

<i>Turilov A.A.</i> (Moscow). Metropolitan Cyprian and Russian culture of his time (new aspects – new facts and hypotheses)	3
<i>Zhurava L.I.</i> (Novosibirsk). Metropolitan Daniil and Maximus the Greek: paradigm of work	14
<i>Kalugin V.V.</i> (Moscow). Books of Prophets in the Bible of Matthew Desiatyi, 1502–1507	26
<i>Verner I.V.</i> (Moscow). On the history of Maximus the Greek's translation of Psalter in 1522–1552: chronology, textology and methodology	40
<i>Floria B.N.</i> (Moscow). Marcin Bielski on the ancient history of Slavs in Poland	55
<i>Kochegarov K.A.</i> (Moscow). Eustathius Ginovsky-Astamaty and the Ottoman power over the Right-bank Ukraine in 1677–1678	64
<i>Litvina A.F., Uspensky F.B.</i> (Moscow). Some observations concerning the term <i>snokha</i> in ancient Russian texts	85

HISTORY OF SLAVIC STUDIES

<i>Belov M.V.</i> (Nizhniy Novgorod). The «Young Slavophiles» on the way to the «Slavic brotherhood»: Balkan travels of the 1840s	96
---	----

REVIEWS

<i>Martyniuk A.V.</i> M. Popović. Mara Branković. Eine Frau zwischen dem christlichen und dem islamischen Kulturkreis im 15. Jahrhundert	113
<i>Belova O.V.</i> Г. Лапацін. Варвара Грэцкая як з'ява беларускай народнай культуры.....	115
<i>Vashchenko D. Yu.</i> К.В. Лифанов. Диалектология словацкого языка.....	120

SCHOLARLY LIFE

<i>Ganenkova T.S.</i> Scholarly conference «The Old-Believers abroad III. History, religion, language, culture»	123
---	-----

Сдано в набор 30.11.2016 Подписано в печать 02.02.2017 Дата выхода в свет 23.03.2017
Формат 70 × 100^{1/16} Цифровая печать Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 1,7 тыс. Уч.-изд.л. 12,0
Бум.л. 4,0 Тираж 157 экз. Зак. 21 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: ФГУП «Издательство «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен ФГУП «Издательство «Наука»
Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука» (Типография «Наука»),
121099, Москва, Шубинский пер., 6